

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

В.А. БЕЛОЗОРОВИЧ

**ЗАПАДНОБЕЛОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ
В 1939–1953 ГОДАХ**

М о н о г р а ф и я

Гродно 2004

УДК 281.9(476)
ББК 86.372(4Bei)
Б43

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских государств ГрГУ им. Я. Купалы М.Я. Колоцей;
кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГГАУ А.И. Шаланда.

Рекомендовано советом исторического факультета ГрГУ им. Я. Купалы.

Белозорович В.А.

Западнобелорусская деревня в 1939 – 1953 годах: Монография /
Б43 В.А. Белозорович. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 148 с.

ISBN 985-417-631-2

В монографии раскрывается историческое развитие западнобелорусской деревни в 1939 – 1953 годах. Представлена общественно-политическая жизнь крестьянства, аграрная политика Советской власти как в довоенный, так и в послевоенный период, показано состояние деревни в годы немецко-фашистской оккупации.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, всех, кто интересуется историей Беларуси.

Табл. 19; библиогр. 301 назв.

УДК 281.9(476)
ББК 86.372(4 Bei)

ISBN 985-417-631-2

© Белозорович В.А., 2004

ВВЕДЕНИЕ

Аграрный вопрос как комплекс социально-экономических проблем сельского хозяйства является одним из основных в развитии современного общества. Несмотря на достижения научно-технической революции, земля остается важнейшим средством производства, а сельскохозяйственной деятельностью занимается большая часть населения земного шара. От эффективности аграрного сектора и состояния деревни зависит решение продовольственной проблемы и сырьевой базы промышленности.

Находясь в составе СССР, Беларусь обеспечивала пятую часть межреспубликанских поставок мяса, третью – молока, половину – картофеля. Наблюдался рост производительности труда, благодаря чему в 1990 году рентабельность достигла 42 %, республика вышла на одно из первых мест в мире, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Производство продуктов питания на душу населения в 1990 году (в кг)

Основные продукты питания	Страны				
	Беларусь	Франция	Англия	США	ФРГ
зерно	684	1 030	407	1 253	428
молоко	727	488	266	269	388
мясо	115	112	66	123	90

Примечание: таблица использована автором из статьи: Кивейша Е. Сельскохозяйственные предприятия Беларуси // Финансы, учет, аудит. – 1995. – № 3. – С. 28.

БССР в производстве зерна на душу населения обогнала Великобританию и ФРГ в 1,6 раза, уступив только США и Франции. Показатели отечественного молочного хозяйства превысили зарубежные в 2,2 раза. Особое положение занимали западные области республики, которые традиционно лидировали в производстве сельскохозяйственной продукции. В частности, Гродненская область в 1990 году получила молока на душу населения больше, чем США, в 3,4 раза, мяса – в 1,4 раза и только по зерну уступила им на 13,7 %.

Успехи в сельскохозяйственном производстве республики были обусловлены сложившейся в 50 – 70-е годы XX в. моделью аграр-

ного производства, эффективность которой зависела от размера капиталовложений. Объем бюджетных ассигнований постоянно увеличивался. Если за 15 лет, с 1951 по 1965 годы, в сельское хозяйство Беларуси было направлено 3 миллиарда рублей капиталовложений, то в последующие пятнадцать лет, с 1966 по 1980 годы, эта сумма возросла до 16 миллиардов рублей [1, с. 262]. Во многом вложения обеспечивались за счет средств, получаемых от продажи энергоносителей, а затем перераспределяемых через общесоюзный бюджет.

Кризис советской экономики, разразившийся в конце 80 – начале 90-х годов, распад СССР и последовавший разрыв хозяйственных связей вызвали в сельском хозяйстве республики негативные явления, проявившиеся в сокращении валовой продукции аграрного сектора, в низкой фондовой отдаче и в росте убыточных хозяйств (см. табл. 2).

Таблица 2

Состояние сельскохозяйственного производства
в Республике Беларусь за 1995 – 1997 годы

Экономические показатели	Годы		
	1995	1996	1997
Уровень рентабельности по всей деятельности (в %)	13,6	10,2	11,3
Число убыточных колхозов и совхозов	392	471	368
В них сумма убытка (млрд. руб.)	300,4	469,7	676,7
Получено валового дохода (млрд. руб.)	7 183,3	10 281,1	18 844,3

Примечание: таблица составлена на основе статистических данных Министерства статистики и анализа Республики Беларусь на 30 сентября 1998 года.

Для выхода из сложившейся ситуации правительство Беларуси приступило к осуществлению аграрной реформы, направленной на развитие различных форм хозяйствования при полной их самостоятельности как субъектов рыночной экономики. Поэтому актуальным становится вопрос реформирования колхозно-совхозной системы, возвращения ей кооперативной природы, деформированной при коллективизации сельского хозяйства. В этих условиях необ-

ходим объективный анализ и знание исторического опыта западно-белорусской деревни в 1939 – 1953 годах.

К тому же в отечественной исторической науке возникла необходимость коренного переосмысления «сталинской» концепции коллективизации, которая долгое время доминировала в советской исторической литературе. Поэтому автор попытался осветить состояние западнобелорусской деревни и аграрный вопрос с позиции субъекта исторического познания – крестьянина. В монографии использованы исследования не только отечественных историков, но и ряд неопубликованных источников, почерпнутых в архивах Республики Беларусь и впервые вводимых в научный оборот.

Отметим, что к изучаемому региону в 1939 – 1941 годах относились Барановичская, Брестская, Белостокская, Вилейская, Пинская области, а в 1944 – 1953 годах – Барановичская, Брестская, Гродненская, Молодечненская, Пинская области и 9 районов (Браславский, Глубокский, Докшицкий, Дуниловичский, Дисненский, Миорский, Плиссский, Шарковщинский, Видзовский) Полочкой области.

Историографический обзор литературы. Историческое развитие западнобелорусской деревни в 1939 – 1953 годах получило определенное освещение в отечественной историографии. Еще в предвоенные годы об успехах, достигнутых трудящимися региона в развитии сельского хозяйства, говорилось в статьях руководителей республики Н.Киселёва, П.Пономаренко, Г.Эйдинова [2]. Они были написаны по «свежим следам» и отражали процесс создания партийных и советских органов в деревне, первые результаты советской аграрной политики. Конечно, в этих публикациях отсутствовал глубокий анализ преобразований, осуществляемых в сельском хозяйстве, так как в то время авторы и наука не располагали достаточным количеством документов и материалов, т.е. не было возможности полнее и объективнее раскрыть круг вопросов, относящихся к данной проблеме.

В послевоенный период в связи с завершением массовой коллективизации сельского хозяйства в западных областях Беларуси историки приступили к обобщению накопленного опыта. Были подготовлены и защищены кандидатские диссертации Г.А.Бородачём, Т.П.Трацевской, К.И.Доморадом, Н.М.Ивашенко, П.С.Пышкиным [3]. Авторы главное внимание уделяли вопросам аграрной политики партии по переводу крестьянских масс на рельсы коллективно-хозяйствования. При этом теоретическое положение о том, что

аграрные преобразования могут осуществляться только под руководством Коммунистической партии, считалось незыблемым. Красной нитью проводилась мысль о прямой пропорциональности успехов в колхозном строительстве усилению роли партии и росту количества ее местных организаций.

Обобщающим исследованием проблемы развития западно-белорусской деревни стала совместная монография Г.А.Бородача и К.И.Доморада «Калектывізацыя сельскай гаспадаркі ў заходніх абласцях Беларускай ССР» [4]. В ней авторы раскрыли процесс колхозного строительства в предвоенные годы (1939 – 1941), вопросы создания материально-технических предпосылок для перестройки аграрного сектора и массовой коллективизации в 1944 – 1952 годах. Особое внимание уделялось роли партии в аграрной революции на селе, в ликвидации мелкого крестьянского землевладения и объединении крестьян в сельскохозяйственные артели. В целом, работа соответствует уровню исторической науки конца 50-х годов, когда коллективизация считалась единственно правильным направлением развития сельского хозяйства, колхозы – оптимальной и единственной формой хозяйствования, а принудительный характер аграрных преобразований напрочь отвергался.

В последующие два десятилетия углубляется изучение процесса аграрных отношений, крестьянства и сельского хозяйства западных областей Беларуси. Круг используемых источников значительно расширился, анализ исследуемых вопросов стал более разносторонним. Были созданы коллективные труды по истории белорусского народа, опубликован ряд монографий и статей, в которых рассматривались важнейшие аспекты истории западно-белорусской деревни. В науке утвердилось положение, что социалистические преобразования в сельском хозяйстве западных областей осуществлялись на основе ленинского кооперативного плана и практического опыта этой работы в СССР. В то же время были названы особенности массовой коллективизации в изучаемом регионе. Например, указывалось, что наделение крестьян землей не являлось общедемократической мерой: в этом процессе участвовали не все жители деревни, а лишь безземельные и малоземельные хозяйства. Авторы показывали, что в западных областях Беларуси не получили развития простейшие формы сельскохозяйственной кооперации. Более того, колхозы там были крупнее как по количеству дворов, так и по размерам обобществленной площади.

Историографический анализ исследований по изучаемой проблеме содержится в работах В.Н.Михнюка «Крестьянство Белоруссии на пути к социализму: Историографический очерк» и «Социалистические преобразования в западных областях БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Историографический очерк» [5; 6]. Автор сделал критические замечания по вопросам аграрной истории западных областей Беларуси, указал на недостаточную изученность проблемы дифференциации крестьянства, становления и ликвидации хуторской системы, выделил особенности коллективизации сельского хозяйства.

Аграрные отношения новейшего времени в западнобелорусской деревне впервые получили краткое, но систематизированное освещение в коллективных трудах «Социалистическое народное хозяйство БССР» [7], «Экономика Советской Белоруссии. 1917 – 1967 гг.» [8], «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии» [9], «Социально-экономические преобразования в Белорусской ССР за годы Советской власти» [10]. В 1975 году вышли в свет четвертый и пятый тома «Гісторыі Беларускай ССР» [11; 12] и обобщающий труд «Развитие экономики Белоруссии в 1928 – 1941 гг.» [13], в которых проблемы истории деревни нашли обстоятельное отражение.

На данном этапе развития исторической науки по-прежнему актуальным оставался вопрос идеологического руководства Коммунистической партией Беларуси процессом реформирования сельского хозяйства. Роль партийных органов, деятельность комсомольских организаций и Советов депутатов освещались в исследованиях В.И.Архипова [14], М.В.Василючека [15], М.Э.Чесновского [16], Ю.И.Березкина [17], В.Я.Генералова [18], И.С.Росмана [19]. Авторы раскрывают различные стороны общественно-политической жизни, но обходят негативные явления, вызванные формированием командно-административной системы.

Западнобелорусская деревня в контексте индустриального и культурного развития западных областей рассматривалась в монографии И.О.Царюк «В семье единой» [20]. Однако автор преувеличила роль агитационно-массовых кампаний в процессе коллективизации сельского хозяйства, не подтвердила фактологическим материалом антиколхозные выступления.

Ф.И.Клишин в диссертации, посвященной деятельности машинно-тракторных станций, показал цели и задачи этих чрезвычайных органов власти в деревне, их агитационно-пропагандист-

скую деятельность, но не раскрыл методы экономического воздействия на крестьянство со стороны государства [21].

Большой вклад в изучение истории западнобелорусской деревни советского периода внесла Е.П.Белязо [22; 23]. В ее работах показаны тяжелые последствия немецко-фашистской оккупации в сельском хозяйстве, социальная эволюция крестьянства в годы четвертой пятилетки, меры партии и правительства по развитию села, вопросы формирования кадров массовых профессий и др. Однако Е.П.Белязо ошибочно утверждает, что XVIII съезд КП(б)Б поставил задачу сплошной коллективизации. Также автор пришла к неверному выводу об отсутствии в послевоенный период в западнобелорусской деревне массового раскулачивания.

Аграрное развитие западных областей Беларуси нашло отражение в исследованиях А.П.Купреевой, посвященных возрождению экономики республики после Великой Отечественной войны [24; 25]. Автор анализирует преобразования в сельском хозяйстве западнобелорусской деревни, но не раскрывает отношение различных категорий крестьянства к политике, проводимой Советской властью.

Таким образом, в 50 – 70-е годы в отечественной историографии изучение вопросов развития западнобелорусской деревни базировалось на определенных постулатах:

- коллективизация сельского хозяйства – составная часть плана построения социализма в СССР;
- аграрная политика осуществлялась под строгим партийным контролем и проводилась в интересах батрацко-бедняцких слоев деревни;
- ликвидация кулачества как класса означала уничтожение сельской буржуазии как источника эксплуатации крестьянства;
- колхозы являются высшей формой кооперации, полностью соответствующей социализму.

В эти годы сохранялся идеологический контроль за исторической наукой, насаждался классовый марксистско-ленинский подход в оценке исторических фактов. По ряду вопросов, в том числе аграрному, были выработаны определенные партийные установки. Конечно, они препятствовали углубленному изучению истории деревни, но фактологический материал, собранный историками, не утратил своей значимости и сегодня.

Первые шаги по переосмыслению сложившейся концепции истории советской деревни наблюдаются во второй половине 80-х годов, когда в обществе развернулись радикальные социально-

экономические и общественно-политические реформы. Политика «гласности» дала возможность ввести в научный оборот ранее «закрытые» документы и материалы. Советские историки В.П.Данилов [26], Н.А.Ивницкий [27] приступили к разработке новой концепции коллективизации сельского хозяйства. Отбросив идеологические штампы от ценностного (классового) подхода, они попытались по-новому взглянуть на колхозное строительство в СССР.

В первые перестроечные годы происходит всплеск исторической публицистики. В острополюемических статьях О.Лациса [28], А.Бурганова [29], В.Разумова [30], Л.Смиловицкого [31], А.Сорокина [32], М.Костюка [33] была поднята проблема соотношения аграрных преобразований в деревне с идеей социализма, рассмотрены роль тоталитарной системы и степень государственного принуждения.

В российской исторической науке на рубеже 80 – 90-х годов появился ряд монографий по аграрной истории советского периода. Концептуальное значение имеют работы А.И.Алексеева «Многоликая деревня (население и территория)», О.М.Вербицкой «Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х – начало 50-х годов», П.И.Симуш «Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве» [34].

Начиная с конца 80-х годов в отечественной историографии появляется ряд коллективных работ по изучаемой проблеме, в частности, «Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения» [35], «Очерки истории Брестской областной парторганизации» [36], «Очерки истории Гродненской областной партийной организации» [37]. В них на основе неопубликованных архивных документальных материалов и статистических данных раскрыты аграрные отношения с новых исторических позиций.

В статье «Коллективизация», опубликованной в 4-м томе «Энцыклапеды гісторыі Беларусі», академик НАН РБ М.П.Костюк представил обобщенную характеристику аграрной политики Советской власти в Беларуси на этапе производственной кооперации деревни. В работе освещены аграрные преобразования в западнобелорусской деревне в 1939 – 1952 годах. Автор указал на их особенности, в частности, на сжатые сроки проведения, сложность общественно-политических условий, борьбу с бандитизмом и т.п. [38]. Схожая историографическая концепция составила основу аналогичной статьи члена-корреспондента НАН РБ П.Т.Петрикова в 7-м томе «Беларускай энцыклапедыі», вышедшем в 1998 году [39].

В исторической литературе закрепились мысль, что аграрная политика КПСС носила антикрестьянский характер (за исключением, может быть, новой экономической политики), так как базировалась на идеях тотального планирования, огосударствления экономики, игнорирования товарно-денежных отношений.

Новые подходы нашли свое отражение в коллективном сборнике (составитель В.И.Новицкий), посвященном 60-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР «Назаўсёды разам...» [40]. В научных статьях и документах раскрываются сентябрьские события 1939 года, преобразования 1939 – 1941 и послевоенных лет. В 1999 году автором данной монографии была защищена кандидатская диссертация «Аграрные преобразования в западных областях Беларуси в 1939 – 1952 годах» [41].

В целом, анализ исторической литературы свидетельствует, что развитие западнобелорусской деревни в 1939 – 1953 годах было недостаточно изучено в доперестроечный период и на современном этапе.

Анализ источников. При работе над данной монографией автор использовал как опубликованные, так и неопубликованные источники.

Используемые источники условно можно разделить на следующие группы:

- опубликованные документы и материалы;
- архивные неопубликованные источники делопроизводства партийных и советских органов;
- периодические издания;
- воспоминания участников колхозного строительства в западных областях Беларуси.

В многотомных публикациях «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986 гг.)» содержатся данные по партийному руководству процессом исторического развития западнобелорусской деревни и в целом по республике. В седьмом [42] и восьмом [43] томах данного издания имеются постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР, пленумов партии по развитию колхозного движения, ликвидации недостатков в деле укрепления сельхозартелей.

Аналогичные документы включает издание «КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК». Третий [44] и четвертый [45] тома содержат постановления и резолюции партийных форумов по вопросам аграрной политики в западных областях Беларуси. Они раскрывают руководящую роль коммунист-

тов в деле переустройства сельского хозяйства, ярко иллюстрируют процесс перехода хозяйственных функций от советских к партийным органам власти. В отличие от стенограмм пленумов и съездов данный вид опубликованных источников официально и скупно освещает становление колхозно-совхозной системы, но демонстрирует непоколебимую уверенность руководящих партийных органов в правильности аграрной политики. Однако ошибки и просчеты в процессе аграрных преобразований не удалось скрыть даже в этом издании, для которого был произведен тщательный отбор и обработка документов. Об этом свидетельствует документ «Из постановления «О мерах по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 3 марта 1950 года «О серьезных недостатках в колхозном строительстве западных областей Белорусской ССР» [45, с. 317 – 326].

Значительное место в материалах третьей части «Хроники важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии» [46] отводится деятельности партии в западных областях республики. Документально представлены меры по быстрейшему завершению социалистических преобразований, прерванных войной, во всех сферах жизни, в том числе аграрной.

Интересные данные историко-экономического и юридического характера представлены в сборнике документов и материалов «Документы свидетельствуют: из истории деревни...» под редакцией В.П.Данилова и Н.А.Ивницкого [47]. Они раскрывают процесс социалистического переустройства деревни, механизм складывания и действия командно-административной системы в сельском хозяйстве, репрессивного законодательства. В частности, таким является постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной собственности» от 7 августа 1932 года [47, с. 476 – 478].

Ряд документов, раскрывающих насильственные методы аграрных преобразований в западнобелорусской деревне, представлен в книге В.И.Адамушко «Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў на Беларусі» [48], совместной работе с Н.Ивановой «Помилуйте...» [49], в периодических изданиях. В журнале «Спадчына» Р.Герасимович и Н.Иванова опубликовали материалы по раскулачиванию крестьянства в Молодечненской области [50].

Особый интерес представляет издание документов и материалов, подготовленное сотрудниками Национального архива Респуб-

лики Беларусь (НАРБ), «Аграрные преобразования в Вилейской области: 1939 – 1941 гг.» [51]. Они опубликовали 44 документа по различным аспектам исторического развития западнобелорусской деревни в предвоенные годы.

Основную и наиболее ценную группу источников составляют неопубликованные документы. В монографии использованы материалы государственных архивов Республики Беларусь, в которых преобладают сведения официального характера (постановления, доклады, отчеты, информационные сводки и т.п.).

Наибольшее количество неопубликованных источников почерпнуто из фонда 4 «Центральный комитет Коммунистической партии Беларуси» Национального архива Республики Беларусь. В них нашли отражение статистические данные об организации колхозов и совхозов, машинно-тракторных станций в западных областях республики, мероприятия по развитию сельскохозяйственного производства, об оказании материальной помощи крестьянству, о подготовке кадров и т.п. Много внимания уделяется работе партийно-советских органов на селе, ошибкам и искривлениям партийной линии. Названный фонд содержит данные по налогообложению, предельным нормам землепользования, экономическому состоянию сельхозартелей.

Особую ценность имеют документы 21-й описи «Особый сектор», посвященные политическому, социально-экономическому и культурному развитию западных областей Беларуси в сентябре 1939 – июне 1941 годов. Они представлены докладными и информационными записками, письмами, справками с мест статистического и аналитического характера и др. Документы помогают раскрыть отношение различных категорий крестьянства к политике Советской власти, методы проведения коллективизации, социальную политику на селе.

В документах 28-й и 29-й описей содержится большой объем исторической информации, раскрывающей общественно-политическую обстановку в западнобелорусской деревне, состояние аграрного сектора, социальное положение крестьянства в послевоенные годы.

Из фондов Государственного архива Гродненской области в городе Гродно (ГАГО) в данной монографии использованы материалы Управления сельского хозяйства Гродненского облисполкома (фонд 732), Гродненского областного исполнительного комитета (1171), районных исполнительных комитетов (фонды 430, 518, 1150, 1152, 1153), областного суда (1106), отдела общественных

движений и организаций (18). В основном это заявления крестьян по организации сельскохозяйственных артелей, постановления местных советских органов по развитию деревни, статистические сведения. Документы фонда 1214 содержат данные по переселению и репатриации населения в Гродненской области.

Разнообразный материал содержится в Государственном архиве Брестской области в городе Бресте (ГАБО): фондах 1016 «Управление сельского хозяйства Брестского облисполкома», 853 «Домачевский райисполком», 1059 «Каменецкий райисполком» и других.

Значительное количество документов по теме исследования автор почерпнул из бывших партийных фондов. В Государственном архиве общественных объединений Гродненской области в городе Гродно (ГАООГО в г. Гродно) в фондах 1 «Гродненский областной комитет КП(б)Б», 6195 «Белостокский областной комитет КП(б)Б», 4 «Крынковский», 6 «Вороновский», 8 «Сопоткинский», 14 «Мостовский», 15 «Волковысский», 17 «Порозовский» районные комитеты КП(б)Б, а также в фондах ГАБО: 1п «Брестский областной комитет КП(б)Б», 7580 «Барановичский областной комитет КП(б)Б» содержатся сведения о партийно-советском руководстве западнобелорусской деревни. Исторические материалы представлены постановлениями и протоколами бюро областных и районных комитетов КП(б)Б, стенограммами пленумов, расширенных совещаний. Особое место занимают специальные донесения органов государственной безопасности, докладные записки, информации с мест, отчеты партийных работников по результатам проводимой аграрной политики и ходу общественно-политических мероприятий в деревне.

Значительная группа документов – материалы прессы, прежде всего, газет «Гродненская правда» (орган Гродненского областного Совета депутатов и облисполкома) и «Заря» (орган Брестского областного Совета депутатов и облисполкома). Специфика отчетов местных руководителей, репортажей из села заключается в их прямой связи с определенной идейно-политической тенденцией, ибо газета является глашатаем и защитником проводимой политики. Газетные материалы достаточно ярко отражают развитие политики сталинского руководства в деревне, ее обоснование и лозунги на разных этапах.

В данной монографии использован ряд периодических изданий периода немецко-фашистской оккупации: «Плуг и меч», «Свободный пахарь», «Сельскохозяйственный листок», в которых публиковались субъективные материалы с мест, свидетельствующие

о стремлении захватчиков показать в выгодном для себя свете проводимую аграрную политику. Анализ данной корреспонденции в сочетании с неопубликованными источниками, в частности, материалами оккупационных фондов, и исследованиями Г.И.Олехнович [52], А.А.Факторовича [53], Н.Мюллера [54], Ю.Туронка [55], А.К.Соловьева [56], дает возможность воссоздать аграрную политику в западнобелорусской деревне в 1941 – 1944 годах.

Наибольшие трудности всегда связаны с выявлением свидетельств личного порядка. В предлагаемой монографии подобные материалы представлены главным образом воспоминаниями участников колхозного строительства в западных областях республики. Они были опубликованы в сборнике «Рассвет над Неманом» [57], в периодических изданиях «Неман», «Маладосць» и др. Особый интерес представляют мемуары И.Ф.Климова, участника «трех коллективизаций», опубликованные в 1987 году [58]. В отличие от официальных документов и материалов мемуары менее объективно раскрывают положение в деревне, но дают возможность проанализировать психологию крестьянства на этапе производственной кооперации, его отношение к проводимой в деревне государственной политике.

Все группы источников неодинаковы по наличию в них исторического материала, но, используемые в комплексе, позволяют раскрыть историческое развитие западнобелорусской деревни в 1939 – 1953 годах.

ГЛАВА 1

ЗАПАДНОБЕЛОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В СЕНТЯБРЕ 1939 – ИЮНЕ 1941 ГОДОВ

1.1. Общественно-политические процессы в западнобелорусской деревне (осень 1939 – июнь 1941 годов)

Установление Советской власти осенью 1939 года. Сложная международная обстановка конца 30-х гг., связанная с началом второй мировой войны, привела к воссоединению белорусского народа, вызвав тем самым глубокие изменения в общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни западнобелорусской деревни. На основе заявления Советского правительства о прекращении существования Польши 17 сентября 1939 года части Красной Армии вошли на территорию Западной Беларуси под лозунгом «защиты белорусов, их национального и социального освобождения». К 25 сентября операция войск Белорусского фронта (командующий М.П.Ковалёв) была завершена. Потери Красной Армии составили 996 убитых и 2 002 раненых. В плен взяли 60 202 польских солдат и офицеров [58, с. 88]. Как итог, 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор «О дружбе и границе». Договор устанавливал «между обоюдными государственными интересами на территории Польского государства» новую границу, которая в основном проходила по «линии Керзона», предложенной еще в 1919 году странами Антанты в качестве этнической границы между польским населением, с одной стороны, украинским и белорусским – с другой.

В отечественной историографии события сентября 1939 года традиционно трактуются как «освободительный поход Красной Армии», хотя некоторые исследователи видят в них «политику агрессии и насилия», проводимую СССР в 30-е годы XX века [59].

Приход Красной Армии различные социальные и национальные группы местного населения встретили по-разному. Наиболее негативно к нему отнеслись проживавшие здесь поляки. Но были среди них те немногие, кто приветствовал Красную Армию, считая, что она начнет войну с Германией. Белорусское население, в основном беднейшее крестьянство, приветствовало данное событие. Зажиточные слои деревни и интеллигенция Западной Беларуси отнеслись к нему с настороженностью. Слухи о массовых репресси-

ях в СССР, роспуск КПЗБ, рассказы очевидцев о жизни в восточных областях Беларуси вызывали определенное опасение и страх перед Советской властью. Не случайно на встречах с представителями Красной Армии и гражданской администрации крестьяне спрашивали: «Расстреливают ли в СССР за кражу одной булки? Будет ли Советская власть взимать контрибуцию?» [84, л. 3]. Крестьяне интересовались: соответствует ли действительности то, что в СССР у матерей забирают детей, что мужчины имеют по две жены, что с установлением Советской власти людей будут заставлять вступать в колхозы и т.д. [61, л. 46]. С другой стороны, по воспоминаниям писателя Владимира Колесника, 17 сентября 1939 года был «днем исторического чуда: неожиданно объединился народ, исчезал призрак войны... К нам приходил, как дар неба, новый строй, который представлялся обществом социального равенства, антиподом общества... элитаризированного, разделенного социальными и национальными привилегиями...» [62]. Западнобелорусская деревня в своем большинстве одобрила процесс воссоединения. Об этом свидетельствуют выборы и решения Народного собрания Западной Беларуси, состоявшегося 28 – 30 октября 1939 года в Белостоке.

Представительный форум, собравший 927 делегатов из 929 избранных, принял Декларацию об установлении Советской власти, решения о вхождении в состав СССР и БССР, о конфискации помещичьих земель, национализации земли, банков и крупной промышленности.

С целью более четкой организации выборов в Белостокскую область ЦК КП(б)Б направил 70 человек – уполномоченных, которые опирались на 350 представителей воинских частей. Активно действовали агитаторы, под руководством которых в каждом населенном пункте состоялись либо митинги, либо беседы, либо собрания. В городе Белостоке был организован велопробег [63, л. 17]. Митингующие провозглашали лозунги: «Да здравствует Великий Сталин!», «Спасибо тов. Сталину за счастливую жизнь!» и др. [64, л. 1]. Избирательные участки были украшены венками, арками, цветами, а кабины для голосования – самотканками.

В районах компактного проживания польского населения отмечались враждебные акции. Например, снимали наглядную агитацию (портреты, лозунги, флаги), забрасывали в окна избирательных участков камни. Подобные акции наблюдались в д. Ясиновка, Сыски, Каменка Белостокского уезда [64, л. 5]. Часто на бюллетенях для голосования крестьяне зачеркивали фамилии кандидатов и писали антисоветские лозунги: «Долой Советы!», «Пусть живет Польша!», «Прочь бедняка!» [65, л. 128].

Гимназисты г. Белостока готовили нападение на избирательные участки, писали листовки. Также листовки были развешены на здании Ломжинского городского временного управления и на Доме пограничных войск. В м. Граево Щучинского уезда прошел ряд подпольных собраний, на которых обсуждались вопросы бойкота выборов. Многие крестьяне, чтобы не голосовать, целый день проводили в костелах, а вечером уходили из домов (д. Курки, Богошовка, Заборов-Бегенище, Сулево-Ковонайты) [64, л. 5 – 7].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 года на территории Западной Беларуси было создано пять областей: Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская.

С приходом Красной Армии в сельской местности стали формироваться крестьянские комитеты, в состав которых входили представители пролетарских и полупролетарских слоев населения – бедняков, батраков, частично середняков. Они решали вопросы раздела помещичьего и осаднического имущества, распределения товаров, учета семенного фонда, инвентаря, скота [84, л. 64]. Руководили работой крестьянских комитетов временные волостные и уездные управления, куда входили и представители Красной Армии. Сосредоточив главное внимание на городских проблемах, они порой не оказывали достаточной помощи деревне в решении хозяйственных вопросов, что иной раз приводило к ошибкам и недовольству крестьян. Например, отсутствие разъяснительной работы при учете семян для установления помольного сбора содействовало появлению слухов о грабительской политике Советской власти и предстоящей реквизиции хлеба [84, л. 55–56]. А в Заболотской и Ваверской волостях Лидского уезда волостные и крестьянские комитеты создали в декабре 1939 года комитеты бедноты, которые стали распределять «плановые задания» по продаже зерна государству [66, л. 4]. В Слонимском уезде Барановичской области отдельные крестьянские комитеты стали относить к помещичьим середняцкие и кулацкие хозяйства. В д. Милевичи Деречинской волости даже был поставлен вопрос «о выделении кулачества и его реквизиции» [84, л. 31–32].

По результатам поездки в Ломжинский уезд Белостокской области в декабре 1939 года секретарю ЦК КП(б)Б М.В.Кулагину была направлена докладная записка. В ней сообщалось, что состав крестьянских комитетов постоянно меняется, так как отсутствует система назначения представителей; парторганизации и воинские части проводят политическую работу только в центрах волостей. Отмечалось, что только 9 коммунистов из 90 имеющих в уезде и 8 комсомольцев из 54 работают в сельской местности,

остальные осели в городе и очень редко выезжают в деревни, да и то на очень короткий срок [84, л. 16 – 18]. Констатировалось, что местный земельный отдел самоустранился от обсуждения вопросов распределения помещичьей земли и скота, руководства ходом молотьбы и т.д. Поэтому сельские волостные комитеты стали распределять помещичью землю малоимущим крестьянам по хуторскому принципу [67, л. 332–333]. Аналогичная ситуация сложилась в Августовском уезде: за ноябрь–декабрь 1939 года в селах уезда практически не было представителей из центра (Сопецкинская, Голынковская гмины) [68, л. 150].

Формирование советских и партийных органов власти. На основе крестьянских комитетов 15 декабря 1940 года были сформированы сельские Советы депутатов трудящихся. Согласно указанию ЦК КП(б)Б в их состав избирали людей, активно проявивших себя при установлении Советской власти и в борьбе с враждебными элементами, доказавших свою преданность партии [69, л. 1а]. Одновременно создавались местные партийные организации Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), осуществлявшие руководство общественно-политической, хозяйственной и культурной жизнью деревни. К началу 1941 года насчитывалось 1 232 первичные ячейки, 92 кандидатские группы, 30 комсомольских ячеек, объединявших 16 048 человек [70]. Деятельность других политических партий была запрещена. Подобная монополия на власть одной партии свидетельствовала о наличии элементов тоталитарного политического режима. К тому же на основе специального постановления ЦК КП(б)Б в сельской местности не вводилась паспортная система за исключением 7,5 км приграничной зоны, что ограничивало свободу передвижения крестьян [71, л. 18].

Проблема нехватки местных кадров, вызванная недоверием к бывшим членам КПЗБ, решалась методом направления работников из восточных областей БССР. Это были партийные, комсомольские, советские работники, специалисты народного хозяйства и культуры. Всего до конца 1940 года прибыло около 31 тысячи человек [72, с. 26]. Они, как правило, назначались на руководящие должности и сыграли большую роль в проведении социально-экономических преобразований. Но проявлялись и отрицательные стороны данной практики. Присланные кадры плохо знали специфику этого региона, иногда пренебрежительно относились к местному населению («западники»), часто проявляли вседозволенность, совершали противоправные деяния, отрицали сложившиеся здесь нормы общественного поведения.

Начальник НКВД Волковысского района под видом трофеев отнял у крестьян 28 лошадей, проводил незаконные обыски, организовал спецраспределитель товаров [73, л. 10 – 12]. Ответственные работники Пружанского уездного комитета КП(б)Б изымали у населения ценности [84, л. 68–69]. В Желудокском районе Барановичской области местное руководство незаконно конфисковывало у торговцев имущество и делило между собой, отдельные работники пьянствовали, вели аморальный образ жизни [74, л. 160–161, 170, 179, 184]. В докладной записке о работе комсомольцев в Западной Беларуси, представленной в ЦК КП(б)Б в октябре 1939 года, указывалось на халатное отношение обкомов партии восточных областей к подбору посылаемых кандидатур, так как имелись случаи, когда агитаторы-комсомольцы проводили большую часть времени в лавках и на базарах, а некоторые из них стали требовать квартиры с мягкой мебелью [75, л. 29]. Вот что вспоминает поэт П.Макаль: «Каб быць да канца шчырым, нельга не сказаць, што... першапачатковая эйфарыя неўзабаве змянілася маўклівай стрыманасцю... На тое былі свае прычыны. У невяліччай прыватнай краме Вальвеля, што працавала ў вёсцы, пачалі пусцець прылаўкі. Людзі з асцярогай перашэптваліся аб тым, што вайскоўцы адпраўляюць дамоў вельмі многа пасылак» [76].

17 октября 1940 года Бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление «Об упорядочении дела подбора и посылки работников в западные области БССР», которое запрещало наркоматам БССР, профсоюзным, комсомольским и хозяйственным организациям направлять работников в западные области без санкции ЦК КП(б)Б в каждом отдельном случае. А 21 октября в партийные организации региона было направлено закрытое письмо «О недостатках в работе партийных и советских организаций в западных областях Беларуси». В нем жестко критиковалась практика воспитания и выдвижения местного населения на руководящие должности, осуждалась необоснованная замена специалистов-поляков на специалистов, прибывших из восточных областей БССР [77, с. 106]. Как свидетельствуют исследования А.Великого, выдвиженцы из местного населения преобладали в государственных структурах местного уровня (прежде всего в сельских советах). А высшие должности, начиная с председателей райисполкомов и секретарей райкомов КП(б)Б, занимали присланные кадры. Данная практика объясняется тем, что перед местными работниками стояла задача практической реализации решений вышестоящих партийных и советских органов власти. Знание традиций, языка и культуры региона обеспечивало тесный контакт с населением [77, с. 107].

Необходимо подчеркнуть, что большинство руководителей, как пришлых, так и местных, было честными людьми, искренне верящими в правоту осуществляемого дела. Если они и допускали ошибки, то во многом из-за нехватки знаний, особенно на местном уровне. Например, в Молодечненском районе Вилейской области аппарат сельских советов в августе 1940 года насчитывал 101 человека: 98 мужчин и 3 женщины. Их образование ограничивалось пятью классами школы. По социальному положению крестьяне составляли 98 человек, служащие – 3; по партийной принадлежности: членов ВКП(б) – 1, членов ВЛКСМ – 2, беспартийных – 98; по национальному признаку: белорусов – 99, русских – 1, евреев – 1. За полгода работы было смещено пять председателей и один секретарь в сельских советах, во всех случаях – за невыполнение государственных заданий [78, л. 123]. В аналитической справке отмечалось, что «сельские советы мало занимаются колхозным строительством, животноводством, охраной посевов» [78, л. 128]. Только в Холковском сельском совете было выявлено 22 нерассмотренных заявления от граждан [78, л. 130].

Партийные организации обеспечили организованное проведение выборов в Верховный Совет БССР и местные Советы депутатов трудящихся, которые состоялись соответственно 24 марта и 15 декабря 1940 года. В голосовании участвовало 99,3 % избирателей, о чем свидетельствует таблица 3.

Таблица 3

Результаты выборов в Верховный Совет СССР и в Верховный Совет БССР в западных областях Беларуси

Название области	Кол-во избирателей	Приняло участие в голосовании		Подано голосов за кандидатов	
		кол-во	%	кол-во	%
Пинская	282 171	281 285	99,88	279 951	99,34
Брестская	477 775	476 457	99,72	470 938	98,86
Барановичская	723 407	720 052	99,54	705 729	97,96
Вилейская	574 109	568 486	99,08	549 410	96,59
Белостокская	873 166	862 630	98,84	844 378	97,84
	2 930 628	2 909 450	99,27	2 850 406	97,97

Примечание: таблица использована автором из докладной записки оргинструкторского отдела ЦК КП(б)Б // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 210.

Выборы проходили на безальтернативной основе – голосовали за кандидатов, выдвинутых партийно-советскими органами. В справке оргинструкторского отдела ЦК КП(б)Б отмечалось: «Выборы прошли исключительно организованно и свидетельствуют о громадном росте политической активности трудящихся западных областей и их сплочении вокруг партии Ленина-Сталина» [40, с. 210]. Однако имелись случаи, когда крестьяне открыто высказывали свое недовольство подобной практикой. Жители д. Задворье Поречского сельского совета Слонимского района выступили против кандидатуры депутата в Верховный Совет БССР, так как она была «навязана свыше» [66, л. 35]. А крестьянки сел Зиновцы и Пятчицы Лихновичского сельского совета Волковысского района Белостокской области Марчевская и Пекарская заявили: «Вы наметили кандидатов, а они нам не нравятся. Мы наметим своих и выставим их» [79, л. 159]. В местные Советы депутатов трудящихся Советская власть выдвигала представителей батрацко-бедняцких слоев деревни, что встречало недовольство середняков и кулаков. Они прямо высказывали свое негативное отношение: «Она дурная, как вол, а ее выбирают руководить народом», «Сейчас выбирают самых отъявленных дураков, что они нам помогут, тогда как они сами ничего не понимают» [66, л. 149]. Кулаки д. Лесники Голдовского сельского совета Васишишковского района Барановичской области распускали слухи о том, что, «если все пойдут и проголосуют, то пойдут в колхозы» [66, л. 157].

На позицию крестьян-католиков западных областей Беларуси сильное влияние оказала католическая церковь, так как день выборов совпал с днем Пасхи. Ксендзы с амвонов костелов открыто призывали население бойкотировать избирательные участки [80, л. 260].

Многие крестьяне отказывались баллотироваться в депутаты местных советов, потому что подпольные антисоветские организации развернули борьбу против сельских активистов. Во время выборов в д. Куриловичи Мостовского района был избит доверенный участка и подожжен дом крестьянина Калоши, сотрудничавшего с Советской властью [81, л. 28]. В июне 1940 года в Едвабновском районе Белостокской области убили учителя Гузовского и члена сельского совета, а крестьянина-бедняка Валюшко в Меньковском районе бросили в реку, привязав к рукам и ногам камни [81, л. 64]. Частыми были покушения на участковых милиционеров [82, л. 38, 658].

Подпольные антисоветские формирования были представлены польскими организациями: «Союз борьбы за независимость

Польши», «Союз вооруженной борьбы», «Союз польских патриотов» и др. Они опирались на поддержку части польского населения, которое, по данным исследователя Эберхарда, насчитывало к первому сентября 1939 года 1 484,9 тысяч человек, или 36 % всех жителей Западной Беларуси. НКВД БССР с сентября 1939 по июль 1940 г. раскрыл и ликвидировал 109 так называемых «повстанческих организаций» [48, с. 107].

Значительная часть подпольных формирований была представлена молодежными организациями, число которых только в Белостокской области достигало 60 [83, л. 25]. В частности, в Августовском районе действовал «Легион смерти», организованный бывшими гимназистами. Они составили списки советских активистов с целью их последующей ликвидации. В состав этой организации методом обмана и угроз была втянута часть молодежи из рабочих и крестьян [83, л. 34].

В деревне широко распространялись слухи о скорой ликвидации Советской власти и восстановлении Польши, распускаемые богатой верхушкой и священнослужителями. На сельском собрании в д. Рубиц Пружанского уезда крестьянин Рубицкий заявил, что «...в Белостоке поляки украли у Красной Армии 10 танков...» [84, л. 48]. А в Гродненском районе Белостокской области крестьяне обсуждали слухи, что французские войска собираются выступить против Красной Армии, что на Гродно сбросили листовки о скором приходе англичан и восстановлении польского правительства [85, л. 48]. Поляки слушали по радио «Лондонский дневник», развешивали антисоветские лозунги и портреты бывших министров, распевали политические песни и частушки. Также поступали и литовцы. На избирательных участках в д. Пашковичи, д. Юргеляны Вороновского района Барановичской области в бюллетени были вложены записки с призывом голосовать за независимую Литву [86, л. 56]. В Поречском и других районах Белостокской области активно действовала и впоследствии была раскрыта НКВД литовская организация «Святого Казимира» [87, л. 3]. Ее члены стояли на антисоветских позициях и выступали за создание суверенного литовского государства.

Депортации населения. Ликвидация польской и установление советской политической системы сопровождалась массовыми репрессиями в форме депортаций сельского и городского населения. Во многом это были необоснованные акции, которые не вызывались объективными обстоятельствами и являлись важным элементом сталинской внутренней политики. Подобной мерой осуществлялась

ликвидация оппозиции Советской власти. Депортации в Западной Беларуси стали пробным шагом сталинского руководства в деле последующего выселения чеченцев, калмыков и других народов.

Общеизвестно, что первая волна депортаций, а их было четыре, затронула осадников и работников лесной охраны (лесников, объездчиков и др.). 5 декабря 1939 года СНК СССР принял секретное постановление о выселении этой категории населения из западных областей Беларуси и Украины [88, л. 126–127]. Почему их? На наш взгляд, правительство в своем решении исходило из многочисленности этой потенциальной оппозиции Советской власти по сравнению с количеством чиновников, полицейских, помещиков и др. В межвоенной Польше данные о расселении осадников носили секретный характер, поэтому в отечественной (белорусской историографии) отсутствует точное их количество. Б.Е.Кухарев приводит цифру в 76 тысяч военных и гражданских осаднических хозяйств в Западной Беларуси на конец 1930 года [89, с. 31], что весьма спорно. Ведь общее количество репрессированных в ходе первой депортации составило 9 755 дворов, или 50 732 человека [90, с. 71]. Поэтому более убедительными можно считать статистические сведения, приведенные в «Экономической истории Беларуси», согласно которым к середине 1932 года в Западной Беларуси насчитывалось 4 640 дворов военных осадников [91, с. 309].

Немаловажную роль сыграло отношение белорусского крестьянства к осадникам. В условиях широкого малоземелья, характерного для 45,9 % дворов Западной Беларуси [4, с. 10], закон польского правительства от 17 декабря 1920 года вызвал массовое недовольство. Создание военных и гражданских осаднических хозяйств с максимальным размером землевладения до 45 га, которые пользовались к тому же всевозможными льготами [92, с. 71 – 74], привело к новой социальной войне в деревне. При этом осадники, являясь социальной опорой польского государства в Западной Беларуси, не только содействовали колонизации и полонизации региона, но и вели борьбу с революционным движением и партиями «левого толка».

Архивные документы свидетельствуют, что осенью 1939 года дилемма «осадники – белорусское крестьянство» решалась на новой ступени конфронтации. Советская власть повела решительную борьбу с крупным помещичьим, в том числе и осадническим землевладением. Декларация Народного собрания Западной Беларуси, принятая 20 октября 1939 года, провозглашала «конфискацию

без всякого выкупа помещичьих земель, земель монастырей, земель крупных государственных чиновников со всем жилым и мертвым инвентарем и приусадебными строениями» [93, с. 502]. Повсеместно крестьянские комитеты приступили к ликвидации крупного землевладения, о чем свидетельствуют докладные записки уполномоченных в ЦК КП(б)Б. В частности, крестьяне д. Мурава Суховольской волости Пружанского уезда настойчиво требовали ликвидировать осаднические хозяйства, а владельцев выслатить [84, л. 50]. Отмечалось, что в уездах Пинской, Барановичской и части Вилейской областей «требование о ликвидации осаднических и лесной стражи хозяйств является поголовным» [94, л. 10]. Что же касается Белостокской области, особенно ее западных уездов, где преобладало польское население, то там ситуация носила иной характер. Польское крестьянство, в своем большинстве враждебно настроенное к Советской власти, сдержанно отнеслось к провозглашенной аграрной реформе [94, л. 3].

Операция по выселению осадников и работников лесной охраны проводилась 10 февраля 1940 года. Ей предшествовала тщательная подготовка. Был проведен учет лиц, подлежащих депортации, и их имущества с заполнением дел-анкет на каждого. Все пять западных областей разделили на оперативные участки, которые возглавлялись тройками. Помимо органов внутренних дел в операции принимали участие гарнизоны и воинские части, а местные райкомы КП(б)Б и райисполкомы отвечали за мобилизацию гужевого транспорта для вывоза людей на станции для погрузки в эшелоны. Только в Белостокской области крестьяне предоставили 4 500 подвод [95, л. 6].

Первая депортация была начата в час ночи и проводилась в течение всего последующего дня в очень суровых погодных условиях: мороз достигал 37 – 42 °С, передвижению людей препятствовали метели и снежные заносы. Имели место случаи обморожений как среди красноармейцев, так и среди выселяемых. В Волковысском уезде при конвоировании на станцию умерло 4 детей [95, л. 7].

Оперативные сводки, направляемые в ЦК КП(б)Б, подробно освещали процесс депортации. При этом большое внимание уделялось фактам сопротивления со стороны выселяемых. Так, на оперативном участке № 11 (Песковская волость Волковысского уезда) в перестрелке был убит осадник Л.И.Высоцкий. А на участке № 12 (Зельвенская волость Волковысского уезда) ранили, а затем арестовали лесника С.С.Павловича [95, л. 7].

Всего в западных областях БССР во время первой депортации было репрессировано 9 755 хозяйств, или 50 732 человека, которых погрузили в 32 эшелона и отправили на восток [90, с. 71]: в Сибирь, Казахстан и другие отдаленные места (см. табл. 4).

Таблица 4

Общее количество погруженных в эшелоны осадников и лесников из западных областей БССР

Название областей	Репрессировано							
	Из них:							
	хоз.	душ	арестовано	убито	умерло	погружено		изолировано
хоз.						душ		
Барановичская	3 282	16 680	9	-	-	3 182	693	78
Белостокская	2 278	11 679	81	1	3	2 202	11 516	78
Брестская	662	3 828	21	-	-	662	3 802	5
Вилейская	1 789	9 159	49	-	-	1 789	9 097	13
Пинская	1 749	9 206	67	-	-	1 749	9 116	2
	9 755	50 732	307	1	3	9 584	50 224	197

Примечание: таблица использована автором: Адамушка У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў на Беларусі. – Мінск: Беларусь, 1994. – С. 104.

Имущество и землю депортируемых должны были описать и принять хозяйственные группы, созданные еще уездными комитетами партии. Предполагалось все это передать бедноте, государственным учреждениям, формируемым колхозам и совхозам. Зачастую этот процесс принимал стихийные формы. Так, в Жабчицкой волости Пинского уезда крестьяне разобрали все имущество осадников: необмолоченный хлеб делили снопами. Когда обком КП(б)Б приказал все вернуть в государственный фонд, то была утрачена половина конфискованного зерна [84, л. 5]. Несомненно, присутствовал элемент патриархальной крестьянской психологии – поживиться за счет богатого соседа. При этом беднейшие слои деревни чувствовали полную поддержку со стороны новой власти.

В пяти западных областях осталось 7 403 лошади, 17 889 голов крупнорогатого скота, 27 555 голов мелкорогатого скота, 103 186 га земли, 8 890 жилых домов, 5 774 единицы крупного сельскохозяйственного инвентаря, 8 672 ц зерна, 66 197 ц картофеля, (см. табл. 5).

Таблица 5

Наличие движимого и недвижимого имущества, изъятого из хозяйств бывших осадников и работников лесной охраны

Названия областей	Кол-во скота			Кол-во земли		Кол-во построек		Крупный с/х инвентарь	Зерно, в ц	Картофеля, в ц	Грубые корма, в ц
	лошадей	коров	мелк. скота	всего в га	из них пашни	жи-лых	хозяйственных				
Пинская	1 501	5 083	4 292	25 146	15 284	2 162	1 711	744	-	-	-
Брестская	1 120	2 977	5 425	10 605	6 360	626	1 070	804	4 900	10 821	14 000
Вилейская	1 299	2 364	5 101	19 000	11 400	1 600	3 700	1 527	-	-	-
Барановичская	2 282	4 391	9 176	29 265	17 559	2 570	3 482	1 543	9 392	25 176	-
Белостокская	1 192	3 074	3 561	19 170	11 317	1 932	2 584	1 156	4 380	30 200	15 250
	7 403	17 889	27 555	103 186	61 920	8 890	12 547	5 774	8 672	66 197	29 250

Примечание: таблица использована автором: Адамушка У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў на Беларусі. – Мінск: Беларусь, 1994. – С. 104.

Имели место и многочисленные нарушения. В Вороновском районе Барановичской области при конфискации имущества 63 осаднических хозяйств актов было составлено только 49. К тому же из документов неясно, кто проводил изъятие [96, л. 10 – 11]. Аналогично и в Новогрудском районе. В райисполкоме имелось 33 акта-описи, хотя только в самом городе было выселено около 60 хозяйств. Причем, судя по спецдонесению начальника местного отдела НКВД Бондаренко, осталась неизвестной судьба этого имущества, особенно личных вещей (костюмов, патефонов, ковров, хрусталя и т.п.) [97, л. 37].

Особенно много было утрачено хуторов осадников, которые тайно по ночам разбирались крестьянами на дрова. Например, в Нетеч-Белицком сельском совете Лидского района Барановичской области подобным образом разграбили 22 усадьбы общей стоимостью 28 тысяч рублей. Причина заключалась в том, что председатель райисполкома Рыбаков запретил их продавать крестьянам [98, л. 176].

Имели место и случаи прямых хищений. Так, в Скидельском районе Белостокской области часть имущества депортируемых была реализована среди местных партийно-советских работников. Прокурор Левин занизил расценки и забрал себе много вещей, а начальник райотдела НКВД присвоил мотоцикл и пианино [99, л. 358]. В Сопоткинском районе многие руководящие работники совершили хищение части имущества осадников, «обставив квартиры зеркалами и мебелью» [100, л. 8].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Августовском районе Белостокской области. Результаты проведенной проверки показали, что местные органы власти не выдавали квитанции лицам, получавшим имущество, неудовлетворительно составлялись акты. Реализация имущества осуществлялась вне торговых организаций, часть его была присвоена отдельными лицами и организациями [68, л. 57–58].

Защищать репресслируемых стал католический костел. Ксендзы открыто призывали верующих собирать средства для оказания «пастырской помощи» высланным осадникам и работникам сторожевой охраны. Например, в м. Липск Сопоцкинского района ксендз Домбровский собрал с этой целью 1 000 рублей [101, л. 14].

Представители Советской власти считали, что высылка осадников и работников лесной охраны будет содействовать политическому и трудовому подъему крестьянства. Секретарь Брестского обкома КП(б)Б писал, что в результате депортаций «в Беловежском леспромхозе выехало на вывозку леса 600 подвод (вместо 100 раньше). А 450 крестьянских дворов д. Любищицы Коссовского района подали заявления об организации колхоза» [90, с. 72]. Не отвергая приведенных фактов, хочется отметить, что в их основе находилась как общественно-политическая активность крестьянства, так и страх перед возможными репрессиями со стороны Советской власти. Первая депортация вызвала многочисленные слухи и тревогу прежде всего среди польского католического населения, учителей, торговцев, членов различных политических организаций и др. Все это сопровождалось массовым убоем и распродажей скота, а также другого имущества [90, с. 73].

Страх перед последующей депортацией оказался ненапряженным. В соответствии с постановлением СНК СССР от 2 марта 1940 года (№ 285127) 13 апреля была проведена операция по выселению из западных областей БССР 8 639 семей с общим количеством 29 699 человек. Она коснулась «членов семей, содержащихся в лагерях для военнопленных, в тюрьмах, бежавших в разное время за границу, скрывающихся и разыскиваемых – бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, крупных чиновников» [40, с. 209].

В результате второй депортации было репрессировано 8 055 семей (26 777 душ). Оставленное выселенными движимое имущество по описи передавалось доверенным лицам для реализации [40, с. 210].

Третья депортация, проведенная в 1940 году, коснулась огромной массы беженцев, которые широким потоком хлынули в западные области БССР с оккупированной Германией территории Польши. 16 ноября 1939 года М.Литвинов и К. фон Рампхевенер подписали секретное, состоящее из 23 пунктов, «Соглашение между правительствами СССР и Германии об эвакуации... населения...». В нем предусматривалось, что с 16 ноября 1939 года до марта 1940 года необходимо переместить белорусское и украинское население с территории бывшей Польши, которая вошла в состав III Рейха, и немцев с территории «государственных интересов СССР» [102, с. 9–10]. Для эвакуации был создан ряд контрольно-пропускных пунктов: в Снядове, Чижове, Семятичах, Бресте, Новогрудке и др.

Основной поток беженцев хлынул в Белостокскую область. На 25 ноября в ней насчитывалось (по неполным данным) 43 449 эвакуируемых: в Гродно и уезде – 1 534 человека, или 1 012 семей, в Августове – 857 человек, или 320 семей, в Бельске соответственно – 2 384 – 1 236, в Ломже – 4 700 – 1 410, в Волковыске – 569 – 306, в Граево – 71 – 31, в Сокулке – 225 – 129, в Высоко-Мазовецке – 745 – 250. Больше всего переселенцев насчитывалось в Белостоке – 32 364 человека, или 18 256 семей [103, л. 10].

Основную массу беженцев составляли евреи – 41 181 человек. Белорусов насчитывалось только 65 человек, поляков – 1 979, русских – 189. Мужчины составляли большую часть эвакуируемых – 62,7 %, из них трудоспособными было 19 956 человек, или 73,3 %. Как правило, это были рабочие, ремесленники и служащие. Крестьян насчитывалось лишь 97 человек [103, л. 13].

Партийная принадлежность беженцев, соответственно, и их политические взгляды, была широкой: от членов сионистских организаций до членов КПЗБ и КСМЗБ. Кстати, коммунистов и комсомольцев насчитывалось 2 777 человек (6,4 %) [103, л. 15]. При проведении анкетирования 951 человек высказался за возвращение назад в Германию, 41 – в Литву. 13 387 человек, наоборот, желали поехать за своими семьями, чтобы привести их в СССР [103, л. 14].

Прежде всего эвакуируемых необходимо было обеспечить жильем. Эта проблема решалась путем расселения в пустующий муниципальный фонд, частные квартиры, дачные помещения. Большую помощь оказывали местные еврейские общины, которые отдавали беженцам синагоги под общежития. Только в Белостоке было передано 30 синагог [105, л. 97], а в целом по области – 63

[83, л. 179]. Кроме этого часть прибывших направлялась на работу и проживание в другие республики СССР. Туда было отправлено 12 548 человек (20,5 %) [104, л. 217]. Однако, как отметил в своей докладной записке о поездке в Белостокскую область С.Фельдман, в жилых помещениях наблюдалась большая теснота. Печи топили углем, а его не хватало, как и дров [106, л. 5].

Скученность населения вызвала угрозу распространения инфекционных заболеваний, так как среди прибывших было выявлено 40 человек, больных тифом. Мест в городской больнице Белостока насчитывалось только 80. Это требовало не только открытия новой больницы [103, л. 32], но и больших расходов на профилактическую работу.

Уполномоченный Переселенческого комитета Морозов отмечал, что среди эвакуируемых наблюдался высокий уровень безработицы [107, л. 77]. Было трудоустроено только 2 174 человека. Остальным с 10 ноября по 14 декабря 1939 года государственные органы оказали разовую помощь на сумму 8 436 рублей [104, л. 217]. Поэтому беженцы стали спекулировать обувью, одеждой и другими промышленными товарами. Например, 21 марта 1940 года в Белостоке была задержана группа спекулянтов из 11 человек-беженцев, которая скупала часы и вместе с другой контрабандой перепродавала их [108, л. 145].

Перед местными органами власти стояла задача проведения паспортизации беженцев и переселенцев, так как директива УРКМ от 26 марта 1940 года требовала «обязать подпиской беженцев о выезде в десятидневный срок из 100-километровой (приграничной. – В.Б.) зоны» [40, л. 20]. В пунктах регистрации беженцам стали выдавать паспорта со штампом и ссылкой на пункт 11 постановления СНК СССР от 28 апреля 1933 года. И только новая директива УРКМ за № 45 □ 45486 от 15 мая 1940 года предусматривала: «Всем беженцам, прибывшим с частями Красной Армии в порядке эвакуации с территории, отошедшей Литве и Германии... выдавать паспорта без ссылок на пункт 11 и оставлять их в избранном ими месте жительства» [40, л. 21].

К началу 1940 года на территории БССР было всего 72 896 беженцев. Однако в докладной записке заместителя председателя СНК БССР В.Г.Ванеева на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко представлена другая цифра – 120 тысяч человек [40, с. 206]. Тем не менее 29 июня 1940 года органы НКВД БССР провели третью депортацию, выслев 7 224 семьи беженцев в количестве 22 879 человек [102, с. 74]. Было вывезено из Барановичской облас-

ти 2 495 человек, из Белостокской – 13 250 человек, из Брестской – 5 856 человек, из Вилейской – 313 человек, из Пинской – 965 человек [90, с. 74]. До конца не решен вопрос, можно ли считать третью депортацию репрессиями. Некоторые исследователи, в частности, В.И.Адамушко, это переселение не относят к вышеозначенной форме нарушения законности [48, с. 106].

Третья депортация не затронула всех переселенцев. Часть из них осталась в западных областях Беларуси. Например, в г. Слониме Барановичской области в сентябре 1940 года насчитывалось 16 тысяч евреев-беженцев. На их содержание, включавшее приспособление помещений под жилье, организацию коммунальных услуг, приобретение кроватей, единовременные пособия, было потрачено 84 тысячи рублей, а в целом по области – 185 тысяч рублей. К 25 января 1941 года в городе осталось только 6 700 беженцев, из которых половину трудоустроили. 950 семей (1 200 человек) предполагалось расселить в г. Новогрудке (300 семей), в г.Лиде (400 семей), в м. Мосты, Воложин, Дятлово, Ивье, Василишки (по 50 семей).

Четвертую депортацию провели за два дня до начала Великой Отечественной войны, в ночь с 19 на 20 июня 1941 года. Это была заранее спланированная органами НКВД операция по аресту участников подпольных организаций и формирований. По данным А.Хацкевича, репрессиям подверглось 24 412 человек, из которых 22 353 выселили, а 2 059 отправили в тюрьму [90, с. 75].

Внутренние миграции населения. Помимо депортаций осуществлялась эвакуация населения на территорию Литовской республики, в основном жителей Поречского района Белостокской области. Там с 3 по 6 июня 1940 года проводилась регистрация на выезд. В Маркитанском сельском совете пожелало выехать 1 703 человека, в Рандоманском – 349, в Ратнинском – 1 403, в Шклярском – 2 111, в Друскенинкайском – 95, в Привалковском – 411. Всего 6 072 жителя [109, л. 24].

Формирование государственной границы СССР потребовало отселения населения из 800-метровой пограничной зоны. По Белостокской области подлежало переносу 3 294 крестьянских хозяйств (более 15 496 человек), в Брестской области – 2 723 хозяйства (10 887 человек), в Барановичской области – 376 хозяйств (1 974 человека) [109, л. 20]. Переселение проходило в апреле – начале мая 1940 года. Согласно постановлению ЦК КП(б)Б «О ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О государственной границе в западных областях БССР», государство оказывало помощь крестьянам в перевозке усадеб на новое место жительства.

Также крестьян расселяли в домах бывших осадников, эвакуированных немцев. Постановление предусматривало выселять в первую очередь кулацкие хозяйства. Бедняцкие и середняцкие дворы, которые размещались в домах высланных осадников, получали на новом месте землю и по возможности озимые посевы. Разрешалось скосить и вывезти озимые из 800-метровой зоны [40, с. 208–209]. Возникла проблема сенокосов, особенно в тех селах, которые находились в пойме Немана. В подобной ситуации оказались, например, жители Привалковского и Рандоманского сельских советов Поречского района [110, л. 88].

Крестьяне уклонялись от переселения, так как полным ходом развернулись весенние полевые работы, не хватало транспорта. Среди крестьян ходили слухи о выселении в Сибирь [109, л. 4, 6]. По состоянию на 29 апреля выполнение постановления ЦК КП(б)Б замедлилось в Брестской области, особенно в Домачевском районе, где было отселено только 72 % дворов, в трех районах Белостокской области [109, л. 20].

Религиозные конфессии. Особую роль в общественно-политической жизни играли религиозные конфессии, положение которых существенно изменилось с установлением в западных областях Советской власти. Последняя стремилась ограничить роль церкви, которая как общественный идеологический институт определяла поведение людей, регулировала быт, формировала отношение к государственной власти еще с межвоенного периода. В отличие от этнической Польши, Литвы и восточных областей Беларуси, Западная Беларусь являлась поликонфессиональным регионом. Там в 1941 году насчитывалось 446 костелов (617 ксендзов), 542 церкви (606 попов), 387 синагог (293 раввина), 14 монастырей и множество протестантских сект [111, л. 115]. Влияние религиозных объединений на население западных областей Беларуси было настолько сильным, что там не удалось создать первичные организации Всесоюзного общества воинствующих безбожников [111, л. 115]. С целью изменения ситуации партийные, советские и правоохранительные органы западных областей стали проводить репрессии против священнослужителей и верующих: аресты, высылки, закрытие храмов, использование культовых сооружений в хозяйственных целях и др. Усилилось налоговое давление на церковь, начинает разворачиваться антиклерикальная агитационно-массовая работа.

Католический костел, который на протяжении столетий был ведущей идеологической силой в Польском государстве, не мог смириться с новым разделом страны, зафиксированном в советс-

ко-германском договоре от 28 сентября 1939 года. Советская власть воспринималась им как временная политическая надстройка на пути возрождения Польши. При этом чаяния миллионов белорусов, желавших жить в едином национальном государстве, игнорировались.

Ксендзы в проповедях призывали верующих объединиться для защиты христианской веры и восстановления Польши. Управление НКВД по Белостокской области зафиксировало в 1941 году «повстанческую организацию», возглавляемую духовенством [83, л. 179]. Связь между ее филиалами осуществлялась через женщин-агентов, которые разъезжали по населенным пунктам с целью вербовки людей, сбора сведений о расположении воинских частей и т.п. Органы государственной безопасности внедряли агентов в подпольные организации. Так, в Поречском районе было разработано дело «Иезуиты» против членов молодежной католической организации во главе с ксендзом Романовским [87, л. 9]. А в НКВД Сопотчинского района на учете стояло 25 католических священников. Один из них – Новосадко – призывал местное население бойкотировать выборы в Советы депутатов трудящихся, организовывал митинги протеста против национализации плебании, которую местный совет забирал под больницу [112, л. 13–14]. Ксендз д. Голынка того же района Красовский сорвал первомайскую демонстрацию 1940 года, организовав шествие к деревенским крестам [112, л. 14]. Подобные явления носили повсеместный характер, в частности, в Клецком районе Барановичской области действовала подпольная организация «Цела католична Польша» (ЦКП), насчитывающая 11 человек, которая ставила своей целью вести борьбу с Советской властью посредством террористических актов [66, л. 53].

Костел выступал инициатором сбора средств («пастырская помощь») высланным осадникам, призывал родителей не пускать детей в советские школы, находился в оппозиции к власти. Причем католическое духовенство действовало весьма продуманными способами. Чтобы сохранить влияние в молодежной среде, оно с началом летних каникул стало создавать при костелах хоровые, шахматные, шашечные кружки, проводить детские вечера, игры [111, л. 116]. Массовое недовольство населения вызывали аресты ксендзов за неуплату налогов. Настоятель Несвижского костела Колосовский жаловался, что «...большевики изменили способ ликвидации попов, отменили чрезвычайную комиссию, а стараются ликвидировать... другими способами. Такой налог – это смертельный приговор нам в рассрочку» [83, л. 29]. Верующие не только собирали деньги, но и организовывали охрану священнослужителей.

Осенью 1940 года в местечке Видзы группа прихожан под влиянием слухов, распускаемых отцом местного ксендза, пришла к зданию районного отдела НКВД с требованием освободить якобы арестованных священнослужителей. В это же время ксендз С. Матшин находился под охраной верующих, которые выставили ночные караулы при костеле и плербании [83, л. 1]. Еще ранее, в августе того же года, местные жители осаждали районный финансовый отдел, протестуя против конфискации имущества ксендзов за неплату налогов [111, л. 118]. В местечке Ганцевичи после ареста за антисоветскую пропаганду настоятеля местного костела верующие пришли в горком КП(б)Б с требованием его освобождения. Получив отказ, они перестали посещать кружки художественной самодеятельности, клуб [83, л. 42].

Православная церковь, объединявшая около 2 миллионов верующих, не заняла столь открытую антисоветскую позицию, как католический костел. Практически не затронутая политическими репрессиями, она сохранила в западных областях республики свою организационную структуру. Согласно исследованию С.В. Силовой, православная церковь активно занялась миссионерской деятельностью, создавая комитеты для ликвидации безбожия в восточных областях Беларуси [113]. К тому же католический костел не мог в той мере, как в межвоенный период, проводить политику колонизации.

Особое влияние на общественно-политическую жизнь крестьянства оказывал протестантизм, представленный пятидесятниками и баптистами и насчитывавший около 20 тысяч верующих [114]. Широкое распространение получила религиозная секта «ильинцев», основанная Ильей Климовичем из д. Грибовщина (возле Белостока). Он объявил себя библейским пророком и провозгласил скорое приближение Страшного суда и окончание Мира [115]. Секта получила распространение среди православных крестьян. Многие из них под влиянием проповедей даже не убирали с полей выращенный урожай. Весьма активно действовали «ильинцы» в д. Дыхновичи Волковысского района, в Сокулке и Мостах [111, л. 7].

В Белостоке получила известность секта «бородачей», или «объединение свободных исследователей Святого Писания». Ее члены отказывались от уплаты государственных налогов и выполнения обязательств, объясняя, что могут исполнять только божьи законы, а не человеческие [83, л. 117]. Филиалы секты находились в Свислочском и Крынковском районах, а их руководитель Стан поддерживал связь с единомыслителями из Германии и США [83, л. 181–182].

Влияние социально-экономической ситуации на общественно-политическую жизнь деревни. Определенное влияние на общественно-политическую жизнь деревни оказал переход к планово-распределительной экономической системе. Первоначально он сопровождался дефицитом товаров широкого потребления. В сельских магазинах отсутствовали соль, мыло, спички, керосин, а на рынке наблюдался безудержный рост цен. Широкие размеры приняла спекуляция. Если в магазине мыло стоило 65 копеек, то на базаре – 21 рубль. Повсеместно нарастал бартерный обмен. Например, 4 килограмма соли равнялись одному килограмму масла, 5 килограмм – возу дров. В государственной торговле сложились «ножницы цен» на промышленные товары и продукцию сельского хозяйства. Мужской костюм стоил 350 – 400 рублей, часы – 250 рублей, а один килограмм мяса – 2 рубля [60, л. 42]. Постепенно экономические трудности переходного этапа были преодолены, и уже в конце 1940 года объем промышленной продукции в западных областях вырос в 2 раза по сравнению с 1938 годом, что позволило ликвидировать товарный голод в деревне [72, с. 378].

Государство привлекало к дорожно-мостовому строительству крестьянство западных областей Беларуси. Согласно закону от 3 марта 1936 года сельское население весной и осенью было обязано шесть дней в году предоставлять живую силу и гужевой транспорт. Подобная административная практика решения хозяйственных задач порождала силовое давление на крестьянство. В частности, директор Молодечненской базы «Заготзерно» Исадченко, угрожая уголовным наказанием, заставлял крестьян Великосельского сельского совета выделять подводы для строительства склада. Уполномоченный райкома партии по Лебедевскому сельскому совету разослал сельским активистам письменные распоряжения, в которых обязывал их под угрозой уголовной ответственности ежедневно поставлять определенное количество подвод и лесорубов для государственных нужд [116, л. 78].

Кроме этого, практиковался организованный набор рабочей силы для торфяной, лесной промышленности, строительства. 12 мая 1941 года выходит постановление СНК БССР и ЦК ВКП(б) о мобилизации молодежи в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища. Призванная колхозная молодежь должна была обеспечивать себя верхней одеждой, обувью за счет колхозов, а неколхозная – за счет родителей [117, л. 7 – 10]. Уклонение от обязательных работ и наборов являлось уголовно наказуемым деянием. А бойцы Красной Армии, посылаемые для набора рабочей силы,

часто угрожали сельским жителям высылкой в Сибирь, проводили незаконные аресты, пьянствовали и хулиганили [83, л. 112].

В мае 1940 года вышло постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б о строительстве и ремонте местных дорог Беларуси, которое предусматривало методом Ферганского канала, то есть силами крестьян, создание в западных областях дорог: Барановичи – Несвиж, Волковыск – Россь, Каменец – Беловежа [44, с. 327].

Силами крестьян государство проводило мелиорацию земель. 6 марта 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об осушении болот в Белорусской ССР и использовании осушенных земель колхозами для расширения посевных площадей и сенокосов». Планировалось за пятнадцать лет освоить 4 миллиона гектаров земли в бассейнах Западной Двины, Днепра, Сожа, Немана, Припяти. Самый широкий фронт работ развернулся на Полесье [9, с. 288]. На строительстве Днепро-Бугского канала работало около трех тысяч человек. Жители только одного Жабинковского района Брестской области ежедневно поставляли 500 рабочих рук и 300 подвод [80, л. 100–101]. Канал протяженностью в 196 км практически был построен заново за семь месяцев и начал функционировать с 4 августа 1940 года [118, с. 110].

Проявления антисемитизма. Экономические трудности переходного этапа вызывали недовольство крестьянства, которое в силу собственной патриархальности и неграмотности всю вину возлагало на евреев. Волна антисемитизма прокатилась по селам бывшего Полесского воеводства, в частности, в Кобринском уезде [119, л. 1]. О недовольстве населения свидетельствуют появившиеся в сельской местности листовки с антисоветским содержанием: «Большевики принесли вам свободу, избавили вас от мануфактуры, соли, мыла,.. а скоро избавят... от хлеба» [60, л. 41]. А в м. Радошковичи Вилейской области ночью на окно дома милиционера Юховича повесили листовку «Вон жидовскую власть!» [80, л. 151], что свидетельствовало о проявлениях антисемитизма.

Антисемитизм в Западной Беларуси наблюдался еще в межвоенный период. Правящие круги Польского государства и католический костел провоцировали польско-еврейские противоречия из-за широкого участия евреев в революционной деятельности партий и сил левого направления, в частности, КПП, КПЗБ и др. Под влиянием фашистской идеологии возник ряд организаций антисемитского толка. В частности, в Поставском районе Вилейской области с 1937 года действовал «Союз объединения народа». Его члены считали, что евреи препятствуют «свободному развитию польского народа»

и являются причиной безработицы в Польше [49, с. 7]. Не зря в 1940 году главный раввин г. Слонима Файн накануне праздника Судного дня благодарил Советскую власть за прекращение антисемитизма, который нагнетался в обществе [111, л. 118].

18 сентября 1939 года перед приходом Красной Армии в Скидельской гмине Гродненского повета местные подпольщики, комсомольцы и коммунисты, подняли вооруженное восстание. Были захвачены польский гарнизон, почта, электростанция и другие важные объекты. Полицейский М.Радзиевич оповестил о восстании гродненский магистрат, который направил на его подавление армейские подразделения и жандармов. Каратели зверски убили 29 человек: выкалывали им глаза, вырывали языки и т.п., а тело руководителя восстания Лазаря Починка разрубили на мелкие части. Жандармы положили лицом наземь около 200 человек и заставили их целовать землю. При этом каратели приговаривали: «Целуйте, жида, коммунисты, землю. Она никогда не будет вашей». Дома, в которых проживали участники восстания, обливали керосином и поджигали, бросая в окна гранаты [108, л. 235–236].

А в г. Гродно перед приходом Красной Армии шовинистически настроенные горожане осуществили еврейский погром. Впоследствии выездная сессия суда Белостокской области с 17 по 24 июня 1940 года рассматривала это преступление. Четырех обвиняемых, а всего предано суду было 13 человек, расстреляли [108, л. 279].

Осенью 1939 года в связи с установлением Советской власти в Западной Беларуси усиливаются антисемитские настроения среди польского населения. Особенно они проявились во время выборов в представительные органы власти. В октябре 1939 года в г. Пружаны Брестской области были разбросаны антисоветские листовки: «Не голосуйте за Любошицкую, потому что она жидовка... Каждый жид – антихрист» [75, л. 57]. А в г. Бресте в польских и еврейских гимназиях, где размещались избирательные участки по выборам делегатов Народного собрания Западной Беларуси, срывались плакаты и лозунги, написанные соответственно на еврейском и польском языках [75, л. 58]. На 4-м избирательном участке Сидранского округа Сокулковского повета группа поляков заявила, что не пойдет на выборы, пока в избирательной комиссии находится еврей Фридман [61, л. 3]. А среди крестьян д. Длуголёнка Белостокского повета ходили слухи: «В состав Советского Союза входит нам незачем, ибо там Конституция не народная, а еврейская» [120, л. 2 обл].

Во время последующих выборов в Верховные Советы СССР, БССР и местные Советы депутатов трудящихся подобные факты

продолжали иметь место, правда, в меньших количествах. Польское население неоднозначно воспринимало понятия «евреи» и «Советская власть». Если осенью 1939 года оно их размежевывало, то к концу 1940 года отождествляло. В частности, после воссоединения Западной Беларуси ученицы женской гимназии г. Гродно заявляли, что они не выступают против Красной Армии и Советской власти, но придерживаются непримиримой позиции по отношению к евреям, которые, на их взгляд, предали Польшу [63, л. 170]. Кстати, среди поляков бытовало мнение, что евреи «вызвали» вторую мировую войну [63, л. 171]. Возможно, подобные убеждения исходили из активного участия лиц еврейской национальности в процессах установления Советской власти и осуществления социалистических преобразований. Поэтому основным в содержании антисоветских листовок являлся тезис о союзе «красных» с «бронзовыми», т.е. коммунистов и евреев (м. Корицин Белостокской области) [63, л. 410]. Например, в м. Граево во время выборов в местные Советы был вывешен написанный от руки лозунг «Долой евреев и коммунистов!» [64, л. 7].

В докладных записках, составленных командованием Красной Армии по результатам политразведок, отмечалась враждебность между поляками и евреями [63, л. 405, 422]. Как правило, любой конфликт с местными органами власти сопровождался антисемитскими настроениями. Так, в м. Городок Радошковичского района Вилейской области 26 марта 1940 года работники сельпо конфисковали у торговцев льноволокно, запасы которого превышали 16 кг на одного человека. В ответ четыре продавца стали призывать всех находившихся на рыночной площади бить евреев и выступить против Советской власти [49, с. 18–19].

Особое усердие проявляли представители бывших польских партий и организаций. Например, в м. Янов так называемые «стрельцы» спрятали во время танцев в клубе фуражки еврейской молодежи [63, л. 410]. Их поддерживал католический костел, представители которого распускали слухи, что «Советская власть закрывает церкви, а ключи отдает евреям» [121, л. 46]. В период агитационной кампании по выборам в Верховные Советы СССР и БССР польское население заявляло, что по закону божьему за евреев, выдвинутых кандидатами в депутаты, голосовать нельзя [122, л. 135].

Однако в своем большинстве белорусское население западных областей Беларуси, в отличие от поляков, сохраняло толерантное отношение как к местным евреям, так и к евреям-беженцам. Хотя полностью исключить националистические проявления нельзя.

В частности, в г. Белостоке в августе 1940 года была распространена листовка, в которой говорилось, что «Западная Белоруссия попала уже в полное еврейское иго...», что «Белосток – это еврейская республика» и т.п. Интересно авторство листовки – «Партия беспартийных белорусов и поляков-большевиков» [123, л. 171–172].

Таким образом, в западных областях Беларуси в 1939–1941 годах имели место проявления антисемитизма, исходившие в основном из польскоязычных кругов. Слухи, листовки, призывы, стычки на бытовом уровне вносили элемент напряженности в общественно-политическую жизнь региона, препятствуя тем самым консолидации общества в преддверии Великой Отечественной войны.

Мероприятия по укреплению обороноспособности перед Великой Отечественной войной. С середины 30-х годов усиливается опасность новой войны, особенно после прихода фашистов к власти в Германии. Это заставило руководство СССР провести мероприятия, направленные на укрепление обороноспособности страны. Особое внимание уделялось состоянию вооруженных сил. Был осуществлен переход от территориальной к кадровой системе комплектования Красной Армии. На действительную службу призывались мужчины, достигшие 19-летнего возраста. Первый призыв юношей в Белостокской области состоялся с 15 сентября по 10 октября 1940 года. При плане 15 930 человек на призывные пункты явилось 15 872. Из них 11 674 юноши были признаны годными к строевой службе, 1 071 – к нестроевой, 1 152 призывника зачислены в рабочие батальоны, 762 дана отсрочка, а 1 086 признаны непригодными к службе в Красной Армии [124, л. 149 – 151].

Имели место случаи, когда призывники, как правило, польской и литовской национальностей, отказывались принимать повестки и подписывать автобиографии. Например, в Поречском районе их количество составило 18 человек, Чижевском – 13, Домбровском – 9, Лапском – 7 [124, л. 55]. В частности, призывник А.И. Лукашевич из д. Черная Весь говорил: «Я в Красной Армии служить не хочу и при первой возможности уйду в Германию. Лучше служить Гитлеру, чем Сталину» [124, л. 153], а Р.А. Кузьма со Свислочского района: «Я повестку не принимаю, потому что являюсь следователем Священного писания» [124, л. 155]. В Сопоткинском районе семь человек попробовали перейти государственную границу СССР. В результате пограничники одного из них убили, а одного тяжело ранили [124, л. 157]. Массовые случаи подачи заявлений об освобождении от службы в Красной Армии по необоснованным причинам наблюдались в Граевском,

Ломжинском, Сопецкинском, Лапском районах в марте 1941 года [132, л. 3]. В Замбровском районе 5 мая 1941 года не явилось 14 призывников, причем пятеро из них «пошли в банду» [133, л. 14–15], а в Сопецкинском районе около 60 юношей написали письмо в посольство США в Москву с просьбой предоставить им американское гражданство [132, л. 3–4].

Параллельно с призывом в Красную Армию осуществлялась приписка военнообязанных к воинским частям и сборным пунктам. К 1 мая 1941 года было учтено 28 899 призывников [133, л. 8]. Как свидетельствуют архивные данные, 100 %-ая явка наблюдалась среди белорусов. Литовцы и поляки даже переходили на новое место жительства в другие сельские советы, а порой записывались белорусами (Поречский район) [125, л. 77]. Среди поляков (Замбровский и Снядовский районы) господствовали слухи, что военнообязанных направят на турецкую границу [124, л. 31–32].

Остро стояла проблема неграмотности и малограмотности среди молодежи. Для ее решения создавались специальные школы. Только в 1940 году в них занималось 5 232 человека, что составило 51 % от общего количества неграмотных по области [124, л. 27]. Однако и в следующем году ситуация не улучшилась. Например, в Скидельском районе доля неграмотных призывников составила 23,1 %, в Крынковском – 19,3 %, в Сопецкинском – 43,8 % [126, л. 20]. Также были организованы группы по изучению русского языка, потому что многие призывники им не владели: в 1941 году их доля составляла 21,8 % [133, л. 8].

Приписка военнообязанных и мобилизация в Красную Армию сопровождалась различного рода слухами и разговорами среди населения о будущей войне СССР с Германией. Так, житель д. Пенхритка Снядовского района В.Соболь получил письмо из-за границы от брата, в котором сообщалось, что «немецкие войска скоро придут к вам, и мы с вами встретимся» (21.05.1941 г.). Житель м. Снядово Э.Санинский говорил местечковцам: «Сикорский в Англии создал армию в 1,5 млн. человек. Скоро здесь не будет Советской власти, так как Англия и Германия заключат договор, и они вместе с Турцией ударят по СССР, которого разбить тогда будет одна чепуха» (19.05.1941 г.). А Ч.Растковский из д. Лоси того же района утверждал: «Нам все известно, что делается в Германии и здесь. У нас имеются два человека, которые ходят за границу и приносят сведения о жизни в Германии и ее подготовке к войне. Нам осталось недолго ждать, скоро здесь будут немцы» (19.05.1941 г.) [135, л. 13 – 15].

Активизации слухов содействовали военные учения, проводимые Красной Армией. В частности, в Граевском районе во время учебных занятий ущерб от уничтожения посевов озимых культур составил 8 тысяч рублей. Поэтому крестьяне Рудского, Вежбовского и Белошевского сельских советов отказались проводить весеннюю посевную, мотивируя, что «войной все вытопчут» [133, л. 10].

Накануне Великой Отечественной войны наблюдался всплеск антисоветских выступлений. В Августовском районе в середине марта 1941 года перешла границу «вооруженная банда», отмечались случаи нападений на местный актив. 3 мая в д. Макаровичи Марновского сельского совета Кнышынского района были вывешены три польских флага и лозунги. Антисоветские настроения наблюдались в школах среди учителей и учеников. В начальной школе № 2 г. Августово в пионерской комнате надругались над портретами Ленина, Сталина, Ворошилова, Молотова. Учащиеся польских школ рисовали в учебниках польский герб [133, л. 12–16].

Работой по мобилизации и приписке призванных занимались военные отделы райисполкомов и облисполкома. Они же руководили добровольными оборонительными и спортивными обществами. В городах и районах создавались организации ОСООВИАХИМа и Красного Креста. На первое января 1941 года в Белостокской области насчитывалось 915 осовиахимовских первичек с охватом 25 987 человек и 162 организации Красного Креста (19 027 человек) [126, л. 5–6]. Трудовые коллективы включились в соревнование по подготовке значкистов ПВХО (Противовоздушная и противохимическая оборона). Знак I-й степени на 1 июня 1941 г. получили 38 106 человек, а II-й – 920. Значкистами ГСО (Готов к санитарной обороне) I-го профиля стали 22 244 человека, II-го – 1 264. В области насчитывалось 285 санитарных постов и дружин, открылся планерный клуб в Белостоке и стрелковый в Гродно [133, л. 1–2]. В 1940 году были организованы 132 военизированных похода, 5 массовых учений санпостов и др. Например, в Крынковском районе к 27 сентября 1940 года провели военизированный поход с участием 300 человек, а со 2 по 24 февраля 1941 года – комсомольский кросс [127, л. 163].

Кроме оборонительных, действовали и спортивные общества: «Спартак», «Буревестник», «Пищевик», «КИМ», «Темп» [124, л. 26]. Однако их материально-техническая база была слабой – она включала 3 стадиона, 25 спортплощадок, 7 водных и лодочных станций. Все объекты требовали капитального ремонта [126, л. 8]. Тем не менее в 1940 году в Белостокской области спортивные общества

организовали 360 соревнований и подготовили 650 значкистов ГТО (Готов к труду и обороне), 56 помощников инструкторов и 37 физоргов [126, л. 8].

В начале 1941 года военным отделом Белостокского обкома КП(б)Б и облвоенкоматом проводилась проверка состояния мобилизационной работы в районах области. Отмечался ее неудовлетворительный характер в Сопоткинском, Лапском, Домбровском, Августовском, Кнышинском, Бельском, Скидельском районах [136]. Местные партийно-советские работники нарушали инструкции о порядке секретной работы, не знали нормативных документов. Во время проверки Белостокского горпищеторга обнаружилось, что из-за отсутствия помещений не поступили продовольственные товары для хранения на случай военных действий. Однако во всех торговых точках имелась светомаскировка и были сформированы подразделения противовоздушной обороны [136, л. 38–39].

С целью укрепления обороноспособности страны осуществлялась деятельность белорусской секции МОПР (Международной организации помощи революционерам), которая могла выделить средства в фонд обороны. Распространялась лотерея ОСООВИА-ХИМа. Параллельно шло укрепление трудовой дисциплины путем усиления ответственности за ее нарушение. Еще в 1938 году администрация предприятий получила право увольнять работников за 20-минутное опоздание. Однако этого оказалось недостаточно. 26 июня и 10 июля 1940 года Президиум Верховного Совета СССР соответствующими указами установил уголовную ответственность за самовольный уход с предприятия и прогул без уважительных причин, а также за выпуск некачественной и некомплектной продукции. Если в первом полугодии 1940 года народные суды Белостокской области рассмотрели 444 дела, по которым за прогул было осуждено 30 человек [128, л. 17–18], то за период с 1 по 20 августа в нарсуды поступило 901 дело [128, л. 42, 61]. Особую проблему составляли прогулы рабочих-евреев по субботам, которые по религиозным соображениям считали этот день выходным. Они соглашались работать в воскресенье, но советское трудовое законодательство было основано на христианской традиции. В этих условиях руководители предприятий, в числе которых было много евреев, стремились скрыть факты прогулов к неудовольствию правоохранительных органов.

В предвоенные годы правительство СССР укрепляло свою западную границу. На территории Белостокской области осуществлялось строительство Гродненского укрепрайона по линии НКО

(наркомата обороны) и линии НКВД (наркомата внутренних дел). Все объекты были распределены по трем управлениям: 71-е – Августовский, Гродненский, Домбровский, Кнышинский, Сокулковский, Скидельский, Сопецкий районы; 72-е – Кнышинский, Гравевский, Кольновский, Едвабновский, Бранский районы; 73-е – Ломжинский, Снядовский, Замбровский, Чижевский, Цехановецкий, Бранский районы [129, л. 39]. Возводились системы противотанковой обороны, аэродромы, земельные укрепления и др. Все строительные работы выполнялись комсомольскими батальонами, воинскими частями и местными крестьянами.

Комсомольские батальоны формировались из числа вольнонаемных лиц в центральной и восточной частях БССР. Кстати, понятие «комсомольские» не совсем верное – значительное количество строителей составляли беспартийные. Как свидетельствуют докладные записки инструкторов военных отделов, условия труда и быта были неудовлетворительными. Например, рабочие и комсомольцы 25-го строительного участка («Стависки») жили в бывших помещичьих каменных сараях. Холод, сырость, отсутствие бань и белья привели к росту заболеваемости и вшивости. Только за сентябрь 1940 года в медицинский пункт за помощью обратилось 300 человек [124, л. 97].

С 8 по 15 августа 1940 года состоялась проверка комсомольских батальонов Сопецкого, Домбровского, Чижевского, Ломжинского и Снядовского районов. Отмечались плохая организация питания, отсутствие банно-прачечного обслуживания, желание покинуть стройку, жалобы на командиров, случаи воровства и т.д. [124, л. 97]. К тому же на большинстве строительных участков ощущалась нехватка обуви, нательного и постельного белья, товаров первой необходимости. Что касается заработной платы, то ее выплата повсеместно задерживалась [124, л. 122–123, 147–148].

В отличие от комсомольских батальонов, на строительных объектах, обслуживаемых военными, положение было значительно лучшим. Например, на объекте № 337 (г.п. Скидель) с 16 апреля 1941 года работал строительный батальон (940 человек), сформированный из призывников Вилейской и Витебской областей. Несмотря на отсутствие обуви и недостаточное питание, солдаты перевыполняли плановые задания, работая по 12 часов в сутки [130, л. 13–14, 19–21].

Участвовали в строительстве военных укреплений и заключенные колоний и лагерей. Например, на объект № 360 (м. Россь Волковысского района) были направлены заключенные из Полоц-

кой и Гродненской тюрем. На 20 мая 1941 года задерживалось прибытие партий арестантов из Воронежа, Тамбова, Молотова [134, л. 17]. Общее количество заключенных на объектах спецстроительства составило 5 020 человек [134, л. 68].

Задача обеспечения строительных объектов камнем, песком, лесом и другими материалами была возложена на крестьян. 16 апреля 1941 года Белостокский обком КП(б)Б ввел платную трудовую и гужевую повинность для всего населения, за исключением рабочих и служащих, работающих на государственных предприятиях и в государственных учреждениях [134, л. 3]. Областной военный отдел направил в каждый район разрядку на поставку определенного количества конных подвод и пеших работников на объекты военного строительства.

Несмотря на обещанную денежную оплату, крестьяне отказывались от выполнения данной повинности. Особо сложное положение сложилось осенью 1940 года – выполнение запланированного объема работ по Граевскому, Кольновскому и Едвабновскому районам составило 5 – 10 % [131, л. 19]. Крестьяне были недовольны нарушением обязательств со стороны воинских частей 10-й армии. В частности, военные постоянно задерживали оплату выполненных работ, необоснованно меняли нормы в сторону их повышения: если первоначально норма вывоза камней составляла 4 куб. метра на 18 км, то затем она была увеличена до 8 куб. метров [129, л. 79]. Сельские советы из-за нежелания крестьян постоянно затягивали распределение обязательств по дворам, что срывало запланированные сроки строительных работ [129, л. 122]. С другой стороны, военные жаловались, что крестьяне приходят на работу не в 8, а в 10-11 часов утра без лопат и топоров. Зачастую сельские советы посылали на объекты вдов, а то и раввина (Замбровский район) [134, л. 2]. Прокуратура наказывала лиц (1–3 года лишения свободы), которые уклонялись от выполнения обязательных повинностей. Только за март-апрель 1941 года к уголовной ответственности было привлечено 16 человек [134, л. 139–140].

Социально-культурная сфера. С установлением Советской власти в западных областях Беларуси были созданы условия для развития социально-культурной сферы. Развернулась активная работа по ликвидации неграмотности: 169,5 тысяч человек занимались на курсах ликбеза [72, с. 263]. Центральное место занимало развитие народного образования. В декабре 1939 года прошли учительские конференции, на которых были рассмотрены вопросы реорганизации системы образования, создания новой, советской, об-

щепрообразовательной школы. В 1940/1941 учебном году в западных областях Беларуси функционировало 5 958 школ: 4 673 начальные, 1 166 неполных средних и 120 вечерних. В них обучалось 774,5 тысяч детей [118, с. 113]. Остро встал вопрос об учительских кадрах, так как существовало недоверие к местному населению. Наркомат просвещения БССР направил в западные области специалистов образования: учителей, директоров школ, вожатых. Только в Белостокскую область прибыли 1 341 учитель, 180 директоров школ. При этом 458 специалистов были направлены в область без согласования с областным отделом народного просвещения [77, с. 104]. С другой стороны, для подготовки кадров-педагогов в западных областях Беларуси было организовано 5 институтов, в которых в 1940/1941 учебном году обучалось 1 311 студентов [137, с. 158].

Особую тревогу у представителей Советской власти вызывала ситуация в Белостокской области, особенно в тех районах, где преобладало польское население. Нарком просвещения БССР Е.И. Уралова в докладной записке секретарю ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко сообщила, что с октября 1939 года по ноябрь-декабрь 1940 года почти все «старые» учителя овладели методами обучения в советской школе, приступили к организации пионерских отрядов и т.д. Однако через некоторое время их «энтузиазм остыл»: они перестали участвовать в общественной работе, читать советскую методическую литературу. В школах с польским языком обучения совершенно нет комсомольцев и очень мало пионеров. По мнению Е.И. Ураловой, это было вызвано международной обстановкой и деятельностью «реакционных элементов польского учительства» [40, с. 222].

На селе открывались избы-читальни, появились газеты. Уже в начале октября 1939 года, как отмечалось в газете «Правда», в западные области Беларуси было направлено 100 библиотек политической и художественной литературы, 850 тысяч книг для продажи. Ежедневно из Минска поступало свыше 100 тысяч экземпляров газет на русском, белорусском и еврейском языках [93, с. 493]. Однако степень информированности сельских жителей была недостаточной из-за значительной доли (35 %) неграмотных среди местного населения [138]. Поэтому важную роль должна была сыграть радиофикация деревни. К сожалению, в сентябре 1940 года из имеющихся в западных областях 949 радиоточек только 8 размещалось в сельской местности [40, с. 214].

Существенно улучшилась система охраны здоровья. Согласно докладной записке наркома здравоохранения БССР И.А.Новикова секретарю ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко, правительство рес-

публики на развитие данной сферы ассигновало в 1940 году 110 миллионов рублей. В сентябре 1940 года в западных областях Беларуси насчитывалось 8 900 больничных коек против 2 989 в межвоенный период. В сельской местности было организовано 255 врачебных участков, 170 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов [40, с. 216].

Общественно-политическая жизнь западнобелорусской деревни перед Великой Отечественной войной была противоречивой. С одной стороны – воссоединение белорусского народа в едином государстве, расширение политических прав населения, создание условий для развития социальной сферы, с другой – формирование командно-административной системы управления, широкое привлечение крестьянства к бесплатным государственным работам. Все это сопровождалось репрессиями в форме депортаций населения. В этих условиях государство проводило в деревне аграрные преобразования, цель которых заключалась в построении «сталинской» модели социализма.

1.2. Аграрные преобразования в западнобелорусской деревне в сентябре 1939 – июне 1941 годов

Жизнь, быт, традиции крестьянства Западной Беларуси существенно отличались от восточных районов БССР не только в 1939 году, когда произошло их воссоединение, но и значительно раньше.

Еще в XVI веке в ходе аграрной реформы Сигизмунда II Августа здесь была ликвидирована община и установилось подворное землепользование. Фольварочно-барщинные хозяйства феодалов, активно используя право беспошлинной торговли, стали тесно связываться с рынком. Несмотря на опустошительные войны второй половины XVII – начала XVIII в., данный регион ранее других восстановил свою хозяйственную структуру. Увеличилась товарность вотчинного хозяйства, расширились его связи с рынком. Продукция изготавливалась главным образом для сбыта на местном рынке или для продажи за границу.

Уже тогда (вторая половина XVIII в.) там начался процесс социального расслоения в деревне. Около 10 % крестьян не имели своего хозяйства и работали по найму у богатых односельчан или в помещичьем хозяйстве. Сложилась небольшая группа деревенских богатеев, которые иногда арендовали у помещиков кирпичные заводы и мельницы.

Отмена крепостного права и последовавшее за ней восстание 1863 года привели к тому, что крестьяне западных губерний получили большие наделы и по более низкой цене, чем в других районах Российской империи. По указу от 1 марта 1863 года был введен обязательный выкуп крестьянских наделов в Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерниях. Причем платежи сокращали на 20 % от первоначального размера. Впоследствии проверочные комиссии по уставным грамотам увеличат крестьянские наделы и значительно снизят выкупные платежи. К 1876 году завершилось землеупорядочение государственных крестьян Беларуси. Их наделы в западных губерниях были увеличены на 25,6 % и стали больше, чем в центральных регионах России [91, с. 99–100].

Западные области Беларуси рано втянулись в орбиту буржуазных отношений. Еще В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» относил западные губернии к тем, где преобладала капиталистическая система в помещичьем хозяйстве [139]. Особое значение имела столыпинская аграрная реформа, направленная на развитие хуторских хозяйств. Крестьянин, пожелавший создать хутор, получил право иметь землю в одном месте. Ею он мог распоряжаться без любых ограничений – продавать, дарить, обменивать и т.д. [140, с. 261]. Аграрная реформа носила буржуазный характер, содействовала улучшению сельскохозяйственного производства. Наблюдались положительные изменения в деревне, в частности, сокращение помещичьего землевладения до 47 % общей земельной площади, совершенствование агротехники, завершение перехода мясомолочной специализации сельского хозяйства.

В 1921 – 1939 годах западные области Беларуси находились в составе Польши, где прошли «вторую школу капитализма». Польша представляла собой аграрно-индустриальное государство со средним уровнем развития экономики. Аграрные преобразования были направлены на ликвидацию полуфеодалных отношений, концентрацию сельскохозяйственного производства. Они включали парцелляцию, комасацию и ликвидацию сервитутов. Парцелляция предусматривала наделение крестьян землей путем ограничения помещичьего и государственного землевладения. В целом, в Польше в межвоенный период крестьяне приобрели 1 093,6 тысяч гектаров земли [141]. В Западной Беларуси в результате реформы выиграли те хозяйства, владельцы которых имели деньги, чтобы купить землю по высокой рыночной цене.

Комасация должна была ликвидировать чересполосицу, которая тормозила развитие сельского хозяйства. С 1923 года польское

правительство стало проводить хуторизацию деревень, которая с 1927 года приобрела массовый характер. В Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах на хутора выселилось 259,3 тысяч хозяйств, которым принадлежало 1 929 тысяч гектаров земли [142]. В среднем размер хуторского хозяйства составлял 7 – 10 гектаров. С 1927 года Министерство финансов Польши стало предоставлять им кредиты сроком на 15 лет на перенос усадьбы и мелиорацию земли. В целом, по региону к 1939 году расселено около 70 % крестьянских хозяйств. Комасация лишь на время снизила социальную напряженность в деревне, но содействовала определенной интенсификации сельскохозяйственного производства [143, с. 28].

Вместе с парцелляцией и комасацией с 1920 года проводилась ликвидация сервитутов (право совместного пользования собственностью, например, землей). В Западной Беларуси 115,7 тысяч крестьянских хозяйств (и добровольно, и принудительно) лишились сервитутных угодий. В качестве компенсации они получили 189 тысяч гектаров малопригодной для обработки земли и денежную компенсацию в 127,1 тысяч злотых [144, с. 78].

Аграрные реформы были направлены на создание условий для развития среднего и крупного землевладения, как это наблюдалось в наиболее развитых странах Европы и Америки. К 1928 году западно-белорусская деревня достигла довоенного уровня. Постепенно росла средняя урожайность, например, урожайность ржи по крестьянским хозяйствам увеличилась с 7,2 ц/га (1931/1932 год) до 10,3 ц/га (1934/1935 год), ячменя – с 7,5 до 10,2. Особых успехов добились помещичьи хозяйства. Урожайность зерновых культур в них достигла уровня Франции, а по многим другим культурам она была выше, чем у США [138, с. 422–423].

Но, с другой стороны, аграрные реформы сохранили высокую долю бедняцких хозяйств, о чем свидетельствуют данные переписей населения (см. табл. 6, 7).

Таблица 6

Крестьянское землевладение в Западной Беларуси в 1921 году

Год	Группы хозяйств (в %)					
	0 – 2 га	2 – 5 га	5 – 10 га	10 – 20 га	20 – 100 га	свыше 100 га
1921	13,6	34,6	31,9	13,9	5,0	1,0

Таблица 7

Крестьянское землевладение в Западной Беларуси в 1931 году

Год	Группы хозяйств (в %)						
	0 – 2 га	2 – 5 га	5 – 10 га	10 – 15 га	15 – 50 га	свыше 50 га	военные осадники и неизв. хозяйства
1931	10,3	34,5	29,8	8,4	4,8	0,6	11,6

Примечание: таблица использована автором: Кухарев Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919 – 1939 гг.). – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – С. 21, 40.

Их сопоставление позволяет сделать вывод, что в среднем 77,4 % дворов имели наделы до 10 гектаров земли. Если учесть, что прожиточный минимум в Беларуси составлял 8,74 гектара на одну душу, то деревня страдала от малоземелья. Крестьянство не имело достаточных денежных средств для покупки земли. А у правительства Польши отсутствовали возможности проводить крупное инвестирование аграрного сектора из-за неблагоприятной мировой экономической конъюнктуры и высоких военных расходов. К тому же сохранялись помещичьи латифундии (73,3 % земли) и осадническое землевладение.

В деревне нарастал процесс «раскрестьянивания». В жесткой борьбе за выживание сильнее превращали свои хозяйства в крупные капиталистические, а более слабые разорялись, создавая условия для оттока населения в города. Однако низкий уровень индустрии Западной Беларуси не позволял трудоустроить лишнюю рабочую силу. Поэтому развернулась эмиграция в Западную Европу, США, Прибалтику. Всего за межвоенный период покинуло родину 78 тысяч человек. Значительная часть крестьян превратилась в наемных сельскохозяйственных рабочих. В частности, в крестьянских дворах, владевших до 10 гектаров земли, наемный труд применялся в 7,91 % хозяйств, а свыше (от 10 до 50 га) – в 34,44 % [94, л. 41].

Таким образом, в аграрном секторе Западной Беларуси в межвоенный период наблюдалась проблема крестьянского малоземелья, экстенсивного развития и ручного труда. С другой сторо-

ны, в зажиточные и богатые хозяйства стали проникать рыночные отношения. Давнее разрушение общины и развернувшаяся хуторизация укрепили частнособственническую психологию крестьянства. Поэтому общинный коллективизм, характерный для центральных районов России и в меньшей мере восточного региона Беларуси, здесь не сыграл значительной роли.

Установившаяся осенью 1939 года Советская власть свою аграрную политику строила на основе хозяйственной практики 20–30-х годов в восточных областях БССР. Она заключалась в ликвидации крупного землевладения, во всемерной помощи и поддержке пролетарских и полупролетарских слоев деревни, в осуществлении коллективизации сельского хозяйства. При этом коллективизация составляла основу «сталинской» экономической модели социализма, сложившейся в СССР в 30-е годы. Она предусматривала объединение единоличных крестьянских дворов в высшую форму производственной кооперации – колхозы и государственные предприятия – совхозы, которые являлись главным источником форсированной индустриализации.

Переход к социалистическим аграрным отношениям начинается в западных областях Беларуси с процесса наделения землей безземельных и малоземельных крестьян. Подобный шаг гарантировал Советской власти не только прочную социальную опору в деревне, но и сглаживал имущественную дифференциацию в западнобелорусской деревне. В ходе раздела помещичьих, церковных и осаднических земель крестьянство получило 1 миллион гектаров пашни, 33,4 тысяч коров, 15,7 тысяч свиней, 14,1 тысяч лошадей [13, с. 120]. Была начата организация ветеринарной службы, сеть которой включала 5 областных лабораторий, 101 райветлечебницу и 192 ветпункта. Весной 1940 года государство предоставило крестьянству семенную ссуду – 8 140 тонн зерна [145, л. 90]. 20 января 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О ликвидации бескоровности дворов колхозников и бедняцких крестьянских хозяйств в западных областях Белоруссии». Деревня получила 37 тысяч коров, а также кредит на их покупку в размере 8 460 тысяч рублей [9, с. 292].

Однако эти меры не смогли полностью разрешить проблему крестьянского малоземелья и бедности. Из 637 762 дворов в западных областях [94, л. 41] 276 532 имели наделы до пяти гектаров (43,4 %). Хозяйствование на небольших участках земли с помощью примитивных орудий труда обрекало крестьян на тяжелый ручной труд и сдерживало общее экономическое развитие региона.

Только по Белостокской области из 155 421 двора 33 088 не имели плугов и борон, 6 944 пользовались сохами, а 29 405 – боронами с деревянными зубьями [146, л. 40]. Но, с другой стороны, жители деревни давно усвоили простую истину, что выжить смогут только благодаря собственному уму и труду. Поэтому проникновение в их среду коллективистских взглядов было чрезвычайно медленным и сложным процессом.

Коллективизация сельского хозяйства. С осени 1939 года представители Советской власти начали изучать обстановку в западнобелорусской деревне, позицию крестьянства по вопросу коллективизации сельского хозяйства. Партийные работники отмечали, что наиболее сильное стремление к новой форме организации труда проявляли беднейшие жители Барановичской и Пинской областей, а вот на территории западнее Волковыска господствовало негативное отношение [94, л. 3].

В частности, указывалось, что крестьяне Пинского уезда Пинской области под видом колхоза хотят забрать помещичьи имения с постройками, инвентарем, фуражом. К тому же представления о сельскохозяйственной артели были достаточно примитивными. Крестьяне Пинского уезда считали колхоз хозяйством, схожим по своей структуре с помещичьим, а различие видели в том, что осенью урожай делится поровну между его членами [84, л. 4].

В многочисленных докладных, составленных на основе предварительного анализа ситуации в деревне, был сделан вывод: «К осени 1940 года можно будет пойти на организацию незначительного количества колхозов на базе помещичьих имений» [84, л. 4–5]. Оценивая ситуацию в Слонимском уезде Барановичской области, уполномоченные отмечали, что «ставить сейчас вопрос о коллективизации нельзя, так как середняк, основная фигура в деревне, еще не подготовлен» [84, л. 31].

Замечания с мест не были учтены, и уже с осени 1939 года разворачивается колхозное строительство. 20 сентября 1939 года в д. Хожево Молодечненского уезда (Вилейская область) тридцать дворов выступили с инициативой организации сельскохозяйственной артели. Вскоре колхоз был организован, туда вступило 106 хозяйств. В марте 1940 года их насчитывалось уже 138 из имевшихся в деревне 145 [51, с. 7]. В Барановичской области первый колхоз был организован в январе 1940 года в д. Казённые Лычицы Любчанского района, в Брестской – в феврале 1940 года в д. Пыростяны Пружанского района. В пяти западных областях к маю 1940 года имелось 430 колхозов, объединявших 23,2 тысяч крестьян

янских хозяйств, а к концу 1940 года – 646 (29,6 тысяч дворов) [118, с. 113]. Всего к началу Великой Отечественной войны насчитывалось 1 115 сельхозартелей, объединявших 49 тысяч крестьянских дворов (6,7 %), 467 тысяч гектаров пашни (7,8 %) [10, с. 209]. Динамику процесса коллективизации сельского хозяйства можно проследить по таблице 8.

Таблица 8

Динамика колхозного строительства в западных областях Беларуси
в 1940 – 1941 годах

Области	Количество колхозов и дворов в них на				
	01.03.1940 г.	01.07.1940 г.	01.09.1940 г.	01.01.1941 г.	20.03.1941 г.
Барановичская	13 – 701	172 – 9 195	197 – 9 893	202 – 9 656	231 – 10 736
Белостокская	11 – 646	159 – 7 069	159 – 6 992	164 – 6 819	173 – 7 210
Брестская	6 – 380	50 – 3 283	69 – 3 466	77 – 3 964	81 – 4 331
Вилейская	24 – 1 121	50 – 4 888	133 – 5 146	140 – 5 092	194 – 6 227
Пинская	5 – 121	124 – 4 795	57 – 5 443	59 – 5 280	65 – 5 480
Итого	59 – 2 869	555 – 29 230	615 – 30 940	642 – 30 811	744 – 33 984

Примечание: таблица составлена автором по материалам Национального архива Республики Беларусь, ф. 4, оп. 28, д. 528, л. 4, 31; д. 530, л. 27, 28, 29, 37.

Средний размер колхозов составил 46 дворов и 26 гектаров земли. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что в предвоенные годы в западных областях Беларуси массовая коллективизация не была проведена. К тому же динамика колхозного строительства опережала динамику вовлеченных в сельхозартели крестьянских хозяйств, что свидетельствовало о создании небольших колхозов.

Выгоду от коллективизации получали в первую очередь малоимущие жители деревни. К осени 1940 года из организованных в западных областях Беларуси колхозов 30 состояли исключительно из бывших батраков, а еще в 49 колхозах их было 75 % [51, с. 8]. Интересная тенденция сложилась в Вилейской области, где батраки не принимали в «свои» колхозы крестьян из окрестных деревень [51, с. 9]. Осознанно ли малоимущее крестьянство делало выбор? Документы текущего советского и партийного делопроизводства

не позволяют сделать однозначный вывод. В Западной Беларуси более трети жителей были неграмотными [138]. Поэтому большая часть заявлений о вступлении в колхоз составлялась коллективно по предложенному образцу. Например, жители д. Поросляны Пружанского района Брестской области писали: «Колхоз, мы считаем, – верный путь для нашей зажиточной и культурной жизни» [80, л. 108]. Также в частных заявлениях крестьяне связывали свой выбор с идеей будущего социалистического переустройства села. Часто встречаются следующие формулировки: «Желаю вступить в колхоз, в советскую семью, и активно, честно работать в пользу социализма»; «Я, гражданин д. Карповцы, из личного убеждения о радостной, культурной и зажиточной жизни граждан, в СССР живущих...» [147, л. 88, 375]. А вот заявления жителей д. Пересельцы Поречского района Белостокской области представляли собой отпечатанный текст единого образца, в котором было оставлено место для названия деревни, фамилии просителя и количества душ в семье [148, л. 2–7].

Государство активно пропагандировало колхозный строй, умело играло на психологических особенностях крестьянства. В течение многих столетий в психологии сельского труженика сложилось чувство покорности, а порой и страха перед властью. Были широко задействованы печать, радио, лекционная и другие виды агитационной деятельности. Отдельные партийные работники даже предлагали не отражать в газетах «плохие стороны восточных колхозов» [149, л. 10].

При проведении коллективизации в западнобелорусской деревне, как и в восточных областях БССР, имели место нарушения принципа добровольности. Это проявилось в фактах принудительного обобществления скота, семян, инвентаря, в угрозах применить оружие и лишиться избирательных прав, в игнорировании Устава сельскохозяйственной артели. Конечно, подобная практика осуждалась вышестоящими партийными органами. В апреле 1940 года Брестский обком КП(б)Б рассмотрел на бюро вопрос «О допущенных искривлениях при организации колхозов в Коссовском районе» [36, с. 107]. В том же месяце вышли постановления ЦК КП(б)Б «Об ошибках Пинского и других райкомов КП(б)Б и райисполкомов при организации колхозов», в январе 1941 года – «О руководстве Давид-Городокского райкома КП(б)Б политической и хозяйственной жизнью района», в мае – «Об антипартийной практике в руководстве колхозным строительством секретаря Коссовского РК КП(б)Б Дворецкого».

Неизбежным результатом перегибов и ошибок стал убой скота – главной собственности крестьян, вступавших в сельхозартели. С 20 января 1940 года по 1 января 1941 года поголовье крупного рогатого скота сократилось на 6,1 %, свиней – на 26,1 %, овец – на 9,9 %, лошадей – на 8,5 % [149, л. 105]. Наблюдался отток крестьян из организованных сельхозартелей. Весной 1940 года в колхозе д. Рудадино Пинского района Пинской области из 86 хозяйств вышло 61, в д. Новоселки Сопотчинского района Белостокской области из 82 – 50, в д. Любищицы Коссовского района Брестской области из 450 – 280 [150, л. 28], в д. Дубровка Дуниловичского района Вилейской области из 45 – 29 [51, с. 60]. В июле того же года крестьяне колхоза им. Ворошилова Русиновского сельского совета Скидельского района Белостокской области ночью забрали из конюшен 13 лошадей, одновременно подав 15 заявлений о выходе из сельхозартели. Аналогичная ситуация наблюдалась и в соседнем колхозе им. Ленина Жиличского сельского совета [151, л. 204–205].

Недостаточная разъяснительная и организационная работа местных партийно-советских органов, отсутствие у крестьян четкого представления о структуре и функционировании коллективных хозяйств приводили к появлению ложных колхозов. Ими считались те сельскохозяйственные артели, в которых имелись кулацкие дворы, сдавалась в аренду земля, осуществлялась связь с частником и т.п. Например, в д. Щепатково Ломжинского района Белостокской области на общем собрании инструктор райкома КП(б)Б Борисенко разрешил вступать в колхоз на основе коллективного заявления, которое было составлено. Когда он объяснил крестьянам о необходимости обобществления скота, инвентаря и семян, то кулаки демонстративно вышли из сельхозартели, а за ними еще 90 хозяев. В Бельском районе той же области на организационном собрании в колхозе им. Кирова председатель райисполкома Русак разрешил единоличникам вступать в сельхозартель при их участии в выборах правления. Кандидатом на пост председателя выдвинули бедняка Наумёнка, но под давлением богатой верхушки деревни избрали кулака А.Кужеля. Он привел колхоз к развалу, вышел из него, а за ним – 36 дворов [152, л. 197–198]. Отметим, что с мнением зажиточных крестьян считались. Это подтверждается в докладной записке инструктора ЦК КП(б)Б М.Н.Горанского и заместителя наркома земледелия БССР Д.М.Минина «Об организационно-хозяйственном состоянии вновь организованных колхозов в Шарковщинском, Куренецком, Ошмянском и Мядельском районах Вилейской области», направленной в ЦК КП(б)Б в апреле 1940

года. Проверка установила, что в состав сельскохозяйственных артелей, помимо бедноты и середняков, вошли богатые крестьяне, имевшие более 15 гектаров земли. Они начали агитацию против коллективизации, что привело не только к оттоку хозяйств, но и к развалу колхозов (например, колхозы им. Молотова Шарковщинского района, им. Чапаева Мядельского района) [51, с. 126 – 136].

По вопросу коллективизации сельского хозяйства середняцкая прослойка деревни высказалась настороженно и недоверчиво. Сказалась не только психология собственника, складывавшаяся в течение столетий, но и различного рода слухи, рассказы очевидцев, побывавших в восточных областях БССР. К тому же колхозы еще не доказали свою рентабельность. Средняки заняли выжидательную позицию. Они чаще всего смотрели на бедноту без уважения, считая таких людей лишенными житейской хватки. Идея коллективизации сельского хозяйства ассоциировалась у середняков с утратой земли как основного средства существования. «У калгасах добра жыць – адзін робіць, а сем ляжыць. А як сонца прыпячэ, то і гэты ўцячэ», – так считали зажиточные крестьяне д. Стрелки Мотальского сельского совета Василюшковского района Барановичской области [66, л. 155]. А крестьяне д. Каяты Видзовской волости Браславского повета Вилейской области еще осенью 1939 года заявляли: «Не хотим колхозов, мы не брали помещичьей земли» [51, с. 40].

Богатое крестьянство (кулаки) решительно встало на путь антиколхозной пропаганды и организации сопротивления Советской власти, спасаясь от экспроприации имущества и репрессий. Кулаки распускали слухи об обобществлении одежды и другого личного имущества, об изъятии государством зерна у колхозов, о том, что в коллективные хозяйства вступают только лентяи [81, л. 28; 80, л. 52, 113]. Кулак из д. Ступичево Каменецкого района Брестской области заявлял: «Лучше все побить, поломать, чем идти с бедняками в колхоз» [152, л. 1 обл.]. В д. Яново Гродненского района Белостокской области кулаки подожгли сарай с кормами четырех сельхозартелей [80, л. 334], в колхозе им. 17 сентября Высоковского района Брестской области – заготовленный клевер, в колхозе им. 1 Мая Дивинского района Пинской области – 35 тонн сена [82, л. 313]. Только в Брестской области с января по август 1940 года произошло 169 пожаров [82, л. 365]. Повсеместно нарастало сопротивление богатой и зажиточной прослойки деревни, проявляющееся в форме убийств сельских активистов [78, л. 38, 64], поджогов домов колхозников и т.д. В частности, в д. Решетники

Щучинского района Барановичской области 5 мая 1940 года были сожжены все дворы членов артели им. Молотова [66, л. 81]. В докладной записке, адресованной первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко и наркому внутренних дел БССР Л.Ф.Цанаве (июнь 1940 года), секретарь Миорского райкома КП(б)Б Аксёнов отмечал активизацию «классово-враждебных элементов» и просил расширить штат милиции [51, с. 62–63].

Состояние коллективного сектора западнобелорусской деревни. Проанализировав социальный состав членов колхозов, можно утверждать, что колхозы имели батрацко-бедняцкий характер. На 1 октября 1940 года доля данной категории хозяйств составляла 57,6 % [145, л. 38]. Коллективный сектор в предвоенные годы занимал незначительное место в общем объеме сельскохозяйственного производства. Создаваемые колхозы были маломощными и низкорентабельными, так как основу их составляли безлошадные и бескоровные хозяйства. Неудовлетворительной оставалась организация труда. В постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 22 июня 1940 года «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов в западных областях Белоруссии» указывалось, что сельскохозяйственным артелям не оказана помощь в разработке норм выработки, во внедрении индивидуальной сдельщины. Отмечалась высокая численность полеводческих бригад, отсутствие учета труда.

Государство рассматривало колхозы в качестве источника средств для развития промышленности, которые поступали в бюджет в форме обязательных поставок. Начиная с урожая 1940 года, они начислялись не от объема выращенного урожая или скота, а от количества земельной площади, включая луга, сенокосы, пастбища, огороды [42, л. 150–151]. Нормы для сельскохозяйственных артелей, не обслуживаемых машинно-тракторными станциями, были на 15 % выше норм для тех хозяйств, которые пользовались услугами МТС [154, л. 10].

Четко определялась в колхозах система распределения выращенного урожая. Первоначально необходимо было произвести обязательные поставки государству, затем возратить ссуды, затем возратить ссуды по семенам и заплатить МТС, далее засыпать семенные и фуражные фонды. Остаток продукции подлежал распределению по трудодням. К примеру, в колхозе им. Ленина (д. Пархимовцы Крынковского района Белостокской области) насчитывалось 84 двора, в которых проживало 373 человека: 76 трудоспособных мужчин и 88 женщин. 25 семей были батрацкими, 26 – бедняцкими, 33 – середняцкими. В 1940 году колхозники собрали

1 152 центнера озимой пшеницы. Из выращенного урожая 177,95 центнера отдали по госпоставкам, 24,09 центнера составила натуруплата МТС, 228,16 центнера – семенной фонд, 367,40 центнера – фуражный, 354,40 центнера раздали на трудодни. В итоге колхозники получили на один трудодень по 1,5 килограмма зерна [155, л. 11]. А в сельскохозяйственной артели им. Ворошилова (д. Ярмличи) на один коэффициент трудового участия было выплачено по 5 кг зерна, 16 кг картофеля, в колхозе им. 1 Мая – 3,25 кг зерна, 11 кг картофеля [155, л. 13–14]. Денежные выплаты были небольшими. За первое полугодие 1941 года в Барановичской области они составили в среднем 0,5 рубля на одного колхозника, а в Ивьевском районе колхозники четырех хозяйств из пяти созданных вообще не заработали денег [154, л. 92]. Налицо отсутствие материальной заинтересованности крестьян в результатах коллективного труда. Откуда ей быть, если скот и сельскохозяйственный инвентарь обобществлялись без денежной компенсации, а внесенный пай не учитывался при распределении произведенной продукции. К тому же государство сознательно ограничивало размер подсобных хозяйств колхозников. Их земельная площадь на один двор не должна была превышать 0,5 гектара, а поголовье скота – не более двух голов коров, двух свиноматок, десяти овец, коз, двадцати ульев пчел [150, л. 50 – 56]. Как итог – низкий уровень производственной дисциплины. Только в Мостовском районе Барановичской области в 1940 году официально установленный минимум трудодней не выработали 448 колхозников, а вообще не явились на коллективные работы 48 человек [156, л. 37].

Организация МТС. В деле укрепления колхозов и развития сельского хозяйства западных областей важное значение имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 марта 1940 года «Об организации государственных машинно-тракторных станций в западных областях УССР и БССР». Оно было вызвано отсутствием на селе сельскохозяйственной техники для обработки земли и ухода за посевами. Планировалось на базе помещичьих имений создать 101 машинно-тракторную станцию, перебросив туда до 1 апреля 500 колесных тракторов [154, л. 8]. Перед МТС стояла задача оказания помощи колхозам и единоличным хозяйствам в обработке земли и, конечно, пропаганды коллективизации сельского хозяйства.

В 1941 году технический парк машинно-тракторных станций в западных областях Беларуси составил 997 тракторов, 193 автомобиля, 906 тракторных плугов, 296 железных борон, 410 культивато-

ров, 368 сеялок [145, л. 91]. Он приходился на 1 117 тысяч гектаров колхозно-совхозной и 1 879 тысяч гектаров единоличной земли [10, л. 206]. Состояние техники было неудовлетворительным. В частности, летом 1940 года в Белостокской области 45 тракторов из 210 стояли в неисправном состоянии [82, л. 116]. В Брестскую область поступило 65 тракторов, 34 плуга, 8 культиваторов. При проверке 22 трактора из 27 оказались непригодными к работе [80, л. 338].

Остро стояла проблема кадрового обеспечения МТС. Из восточных областей было направлено 723 тракториста, 171 зоотехник, 299 агрономов [145, л. 91]. Для подготовки специалистов на местах организовывались краткосрочные курсы. Например, в сельскохозяйственной школе, открытой в имении Плентук Кобринского района, готовили трактористов, комбайнеров, счетоводов, бригадиров, животноводов. Первый выпуск специалистов состоялся в мае 1940 года [157]. Всего в западных областях республики было открыто шесть школ механизации сельского хозяйства, пять двухгодичных школ среднего сельхозобразования, Новогрудский, Столинский, Глубокский техникумы, Пинский гидромелиоративный техникум [4, с. 67]. Это позволило уже к февралю 1940 года подготовить 550 агрономов, зоотехников, ветеринаров. Кроме этого, Наркомат земледелия БССР направил в западные области 380 специалистов [158, с. 149].

Машинно-тракторные станции являлись не только орудием технической реконструкции сельского хозяйства, но и дополнительным каналом получения дешевой продукции для государства, ибо их работа оплачивалась натурально (см. табл. 9).

Таблица 9

Ставки оплаты за услуги машинно-тракторных станций в западных областях Беларуси в 1940 – 1941 годах (в кг с 1 гектара)

Виды услуг	Ставки оплаты для единоличников и колхозников	
	зерном	картофелем
вспашка	70 - 50	700 - 560
перепашка	45 - 30	420 - 330
молотьба	5 % от намолоченного	-
окучивание	-	70 - 65

Примечание: таблица составлена автором по материалам Национального исторического архива Республики Беларусь, ф. 4, оп. 3, д. 953, л. 58.

Если учесть размеры ставок оплаты за услуги МТС и общее количество пашни (467 тысяч гектаров), то машинно-тракторные станции теоретически могли заработать для государства примерно около 38 тысяч тонн зерна в год. И это с учетом того, что стоимость услуг единоличным дворам была на 20 – 35 % выше, чем колхозам. Однако и коллективные хозяйства не спешили заключать договоры с МТС из-за недоброкачественной работы трактористов, высокой оплаты за работу. На 1 июля 1940 года в Вилейской области обслуживалось МТС 65 % колхозов, в Пинской области – 76 %, в Белостокской области – 77 %, в Барановичской области – 85 %, в Брестской – 95 % (в среднем по западным областям Беларуси – 79,6 %) [51, с. 17].

В первой половине 1940 года на землях ряда крупных помещичьих имений по инициативе бывших батраков было организовано 28 совхозов. Государство выделило им около двух миллионов рублей [4, с. 58]. Совхозы являлись своеобразными фабриками сельскохозяйственной продукции и центрами более высокой культуры земледелия.

В целом, в СССР обобществленный сектор обладал низкой эффективностью. В 1928 году, когда единоличники владели 97,6 % посевных площадей и 99,5 % скота, а общая посевная площадь не достигла довоенного уровня, страна превзошла по валовому производству сельхозпродуктов 1913 год на 24 %. В денежном исчислении оно составило 71,9 миллиардов рублей. В 1940 году, когда площади посевов превысили 1928 год на 30,4%, а основные производственные фонды возросли в 12 раз, продукции было произведено лишь на 76,7 миллиардов рублей, то есть на 7 % больше. Иными словами, сельское хозяйство вступило на путь экстенсивного, крайне вялого развития.

Система землепользования. По данным народного комиссариата земледелия БССР, безземельные и малоземельные крестьяне западных областей республики получили в 1939–1940 годах 430 982 гектара пахотной земли бывших помещичьих и осаднических владений [51, с. 67]. Крестьянам передавалась не вся конфискованная земля. Например, в Дисненском районе Вилейской области они получили 5 233 гектара из 33 073 (15,8 %) [51, с. 55]. В среднем, крестьянам каждого района западных областей (их насчитывалось 98) отдали по 4 397 гектаров пашни [51, с. 7].

Что касается земли выселенных осадников и работников лесной охраны, оставшейся после депортаций (а это 103 186 гектаров, в том числе 61 920 пашни), то большая ее часть перешла в фонды

облисполкомов для выделения колхозам и совхозам. В тех случаях, когда коллективные хозяйства не могли воспользоваться этой землей, Наркомат земледелия БССР разрешал передавать ее единоличным хозяйствам для посева и уборки урожая 1940 года. Но осенью земля вновь возвращалась в фонд облисполкома. Таким образом, конфискованная земля рассматривалась в качестве стимула для объединения единоличников в колхозы.

Этой цели была подчинена землеустроительная политика Советской власти. Единоличным хозяйствам были оставлены пашни и сенокосы низкого качества, расположенные вдали от деревень. В Малоритском районе Брестской области крестьяне д. Галевка отказывались обрабатывать землю: «песком пахать не будем» [159, л. 1]. А колхозы Гродненского и Скидельского районов Белостокской области и большинства районов Пинской области получили не только лучшие по качеству выпасы и сенокосы, но и значительно большей площади, чем им было положено [159, л. 142]. В колхозе им. Сталина Дуниловичского района Вилейской области единоличникам отвели землю из шести участков, расположенных в 8 километрах от деревни [51, с. 9]. Подобные факты вызывали негативную реакцию единоличных хозяйств, что вело к обострению социальной обстановки в деревне. При разделе земли в д. Кривляны Каменецкого района Брестской области кулаки угрожали: «Как течет вода в речке, будет кровь течь с колхозников» [153, л. 1].

Налоговая система. С установлением Советской власти в западнобелорусской деревне изменилась налоговая система. Государство было заинтересовано в финансовых средствах для развития индустрии, в ликвидации кулачества как носителя буржуазных отношений, в создании социальной опоры новой власти в лице беднейшего крестьянства. В частности, сельские дворы с доходом менее тысячи рублей и с нетрудоспособными владельцами освобождались от налогов. Все остальные единоличные хозяйства должны были выплачивать единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) и выполнять натуральные государственные поставки. ЕСХН зависел от нормы доходности, определенной для каждого региона страны. Наблюдалась тенденция к росту норм доходности. ЕСХН начислялся не на одного едока, а по доходу хозяйств в целом, что увеличивало поступления в бюджет.

Обязательные поставки представляли собой продажу крестьянами государству зерна, мяса, шерсти, молока, яиц по твердым, фиксированным ценам. Рыночные цены были намного выше. При

этом нормы обязательных поставок мяса для единоличников зависели от количества земли, находящейся в их пользовании. Минимальная норма составляла 20 килограмм мяса в год (дворы, имеющие до 2 га пашни), а максимальная (более 25 га) – 300 килограммов. Колхозным дворам устанавливалась единая норма – 15 килограммов. Диспропорция сохранялась и в отношении других продуктов. Если единоличные хозяйства были обязаны поставлять по 100 литров молока в год от каждой из имеющихся коров, то колхозные дворы – по 55 литров. При вступлении единоличника в колхоз размеры поставок уменьшались до норм колхозных дворов. Система обязательных поставок стала формой нажима на крестьянство, она вынуждала вступать его в колхозы под страхом «твердого задания». Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательных поставках зерна и риса государству колхозами и единоличными хозяйствами» делало невозможным существование доходного хозяйства, единоличники зачастую превращались в «недоимщиков».

Поэтому широкое распространение получают срыв сроков сдачи сельскохозяйственной продукции государству и уклонение от выполнения обязательств. Например, в Высоковском районе Брестской области в августе 1940 года из 79 хозяйств (с земельной площадью более 15 гектаров) сдали зерно государству 14 (18 %), в Каменецком районе – 23 из 89 (26 %), в Семياتичском районе – 14 из 83 (17 %) [78, л. 370]. Чтобы платить меньше налогов, крестьяне стали утаивать от налоговых органов площадь пашни. В частности, в Мирском сельском совете Барановичской области в 1940 году агенты заготовительных организаций не досчитались 68 гектаров земли, в Симаковском сельском совете – 26 гектаров [160, л. 13]. Богатая и зажиточная часть населения деревни начала дробить свои хозяйства. Крестьянин Муравский в Литовщинском сельском совете Глубокского района Вилейской области, имея 19 гектаров земли, отдал сыну 9 гектаров, а тот вступил в колхоз и стал бригадиром. В Шарковщинском районе той же области крестьянин Яскевич пытался разделить с братом свое хозяйство, а крестьянин Мышко – между членами семьи [160, л. 45–46]. Государство восприняло данный процесс отрицательно, так как уменьшался объем поставок, поэтому старалось дать ему классовую оценку – «самораскулачивание». Дробление крупных хозяйств не разрешалось. Поставки им начислялись по максимальной норме. Запрещалась даже безвозмездная передача земли в государственный фонд [51, с. 12].

При налогообложении крестьян допускалось много ошибок. В 1940 году ЦК КП(б)Б принял постановление «Об извращении закона при начислении обязательных поставок сельхозпродуктов в некоторых районах западных областей». Оно фиксировало, что в Гродненском районе Белостокской области обложение производится на всю земельную площадь, включая луга и выпасы, а в Ленинском районе Пинской области и Браславском районе Вилейской области – на озера [160, л. 7]. Необоснованно завышенные нормы поставок в Вилейской области были выявлены в 2 196 хозяйствах по зерну и картофелю, в 2 019 – по мясу. При этом льготы по старости не начислили 2 196 дворам [83, л. 19–20]. Налоговая политика в деревне подрывала единоличное хозяйство, а оно являлось для крестьян единственно надежным средством существования.

Ограничение кулачества. Уже с 1941 года положение зажиточной и богатой части западнобелорусской деревни пошатнулось. Местные партийно-советские органы власти стали проводить политику ограничения кулачества как класса. На 1 января 1941 года насчитывалось 37 232 кулацких хозяйства (5,1 %), которые владели 18 % всех посевных площадей [6, с. 52]. Однако ликвидация кулачества не осуществлялась, хотя партийно-советские работники были настроены достаточно решительно. К примеру, председатель Мостовского райисполкома Барановичской области Степанов на заседании бюро райкома КП(б)Б требовал: «Мы должны обуздать кулацкую часть. Товарищ Эстрина не права, когда говорит, что по Песковскому сельскому совету выполнить хлебозаготовки нельзя, так как нет ржи... Мы должны добиться выполнения всеми единоличниками обязательств, потому что сроки подходят к концу» [161, л. 58]. В докладной записке Белостокского обкома КП(б)Б от 7 апреля 1941 года «О начислении поставок сельхозналога на кулацкие хозяйства», представленной в бюро ЦК КП(б)Б, предусматривалось лишить богатые хозяйства льгот по многосемейности независимо от количества земли и установить следующие нормы поставок с каждого гектара пашни: зерновые – 240 килограммов, картофель – 400 килограммов, мясо – 200 килограммов [146, л. 116].

Эту же цель преследовал процесс установления предельных норм землепользования, развернувшийся с апреля 1941 года. Предусматривалось ограничить земельные наделы крестьян до 10, 12 и 15 гектаров в зависимости от местных условий, состава семьи и т.п. Обрезка земли в западных областях Беларуси была проведена

у 28,4 тысяч дворов, имевших превышение установленной нормы. В основном она затронула хозяйства с земельной площадью более 20 гектаров. Всего было обрезано 238,3 тысяч гектаров земли. Она передавалась колхозам или же переходила в государственный фонд для наделения малоземельных крестьян. Тем самым «освободившаяся» земля давала возможность форсировать темпы коллективизации. Однако полностью завершить эту акцию не удалось из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

Развитие системы потребительской кооперации в деревне. С осени 1939 года на западнобелорусскую деревню была распространена система потребительской кооперации (продажа средств производства и товаров широкого потребления). В то же время кредитная, молочно-животноводческая, мелиоративная, семеноводческая, машинная и другие виды кооперации распространения не получили. На 1 января 1941 года здесь насчитывалось 5 облпотребсоюзов, 101 райпотребсоюз, 628 потребительских обществ, 101 районная заготовительная контора и 7 оптовых баз. Розничная торговая сетка включала 6 064 магазина [4, с. 56]. Несмотря на название «кооперация», данная система являлась государственным предприятием по распределению промышленной продукции. Фактически она была средством давления на крестьянство, чтобы заставить его вступать в колхозы под угрозой невыдачи товаров из магазина. Так, при организации сельхозартели в д. Анкуды Ошмянского района Вилейской области местный агитатор Чебатунов заявил, что если единоличники не пойдут в сельхозартель, то им не будут отпускаться промышленные изделия из сельпо [80, л. 289]. А в д. Аксютово Браславского района уполномоченный В.Мутр угрожал крестьянам, что в случае отказа от коллективизации товары им продаваться не будут [152, л. 199]. Нарошавский сельский совет Василишковского района Барановичской области принял решение: «уклоняющимся от выполнения государственных решений отказывать от всяких получаемых от государства продуктов... из сельпо», которое было опротестовано районным прокурором [66, л. 187].

Потребительская кооперация в условиях плановой экономики постоянно испытывала нехватку товаров, хотя спрос крестьян на сельскохозяйственные машины был огромным. Ведь цены на них были в два раза ниже, чем при польском правительстве [82, л. 117]. Только по Белостокской области крестьяне были обеспечены бородами «Зиг-заг» на 58,5 %, подковами – на 54,1 %, вилами – на 72,5 % (см. табл. 10).

Предложение и спрос на сельскохозяйственные орудия труда в системе потребительской кооперации Белостокской области в 1941 году

Орудия труда	Имелось в наличии	Недоставало
Бороны «Зиг-заг»	22 тыс.	15 тыс. 600
Подковы	98 тыс.	83 тыс.
Вилы	80 тыс.	30 тыс. 400
Лопаты	77 тыс.	22 тыс.

Примечание: таблица составлена автором по материалам Национального исторического архива Республики Беларусь, ф. 4, оп. 21, д. 2383, л. 41.

Барановичский облпотребсоюз констатировал неудовлетворительную работу ряда районных потреббществ. План товарооборота за первый квартал 1940 года был выполнен на 62,4 %, за второй – на 85,4 % [66, л. 184]. Отсутствие в достаточном количестве товаров широкого потребления зачастую вызывало недовольство в деревне. В частности, крестьянин д. Жербово Доровского сельского совета Ляховичского района Пинской области говорил: «Я ни под каким видом не пойду на выборы, так как в Советском Союзе ничего нет. Вот при Польше все можно было купить» [66, л. 149].

В практику западнобелорусской деревни вошла контрактация, то есть закупка у крестьянства сельскохозяйственной продукции и скота. Она была введена еще в годы новой экономической политики и осуществлялась Белорусским кооперативным союзом под руководством Народного комиссариата торговли БССР. Договоры контрактации фиксировали обязательства товаропроизводителей по расширению посевов культур, проведению определенных агротехнических мероприятий для повышения урожайности, обязательства государственных органов оплатить сданную продукцию по твердым ценам, выдать денежный аванс, помочь семенами, машинами и т.п. Однако крестьянство не было заинтересовано в контрактации, так как она проводилась в основном на лен и другие технические культуры по более низким ценам (в 4–5 раз), чем рыночные. К примеру, жители д. Лежайки Пружанского района Брестской области отказались от контрактации льна [82, л. 314]. Зажиточные и кулацкие хозяйства, имевшие твердые нормы сдачи излишков, вообще были исключены из данного процесса.

Таким образом, западнобелорусская деревня до 1939 года прошла особый путь исторического развития, связанный с более интенсивным проникновением капиталистических отношений. С установлением Советской власти коренным образом изменяется характер аграрной политики. Она определялась не потребностями и запросами крестьянства в целом, а узкоклассовыми интересами и государственной необходимостью. Из промышленности в деревню стала проникать производственная форма кооперации – сельскохозяйственная артель, которая была поддержана батрацко-бедняцкими слоями. В условиях предвоенных лет государство не успело осуществить массовое кооперирование деревни, хотя стало применять систему мер политического, экономического воздействия (угроза репрессий, принудительное обобществление, землеустроительная, налоговая политика и т.д.) на крестьянство. Проводилась политика ограничения кулачества. Однако тотального раскулачивания не наблюдалось. К началу Великой Отечественной войны в западных областях Беларуси было создано 1 115 колхозов, 28 совхозов, 101 машинно-тракторная станция.

ГЛАВА 2

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В ИЮНЕ 1941 – ИЮЛЕ 1944 ГОДОВ

Великая Отечественная война и оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков изменили аграрный сектор западных областей Беларуси, существенно повлияв на ход и характер послевоенных преобразований.

Молниеносность военных действий летом 1941 года привела к тому, что в занятых районах БССР осталась значительная часть материальных ресурсов сельского хозяйства и основная масса населения. Эвакуационные мероприятия в основном затронули восточные области, а в западных даже не успели провести мобилизацию призывников. Из г. Белостока 22 июня отправили лишь 37 эшелонов с людьми и частично финансовые средства [60, с. 81, 102]. Коренное же население в своем большинстве осталось на месте, так как исторический опыт 1939 – 1941 годов, а также память о последствиях беженства периода первой мировой войны и внезапность нападения не содействовали перемещению на восток.

Территориально-административное деление. Немецко-фашистские захватчики создали новую административную систему. Гитлер на совещании 16 июля 1941 года заявил: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как нам нужно, с тем, чтобы, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею и, в-третьих, эксплуатировать ее» [53, с. 74]. Фашисты расчленили территорию Беларуси на следующие административные единицы: северо-западные районы Брестской области, Белостокскую и часть Барановичской областей с городами Гродно и Волковыск 1 августа 1941 года присоединили к Восточной Пруссии, южные районы Брестской и Пинской областей – к рейхскомиссариату «Украина»; Барановичскую, Вилейскую, северные районы Брестской и Пинской областей – к генеральному округу «Беларусь» рейхскомиссариата «Остланд» [162, с. 90]. Восточную Пруссию от «Остланда» разделяла охраняемая пограничниками и с таможней граница. Поэтому белорусские земли, оказавшиеся в составе Германии, фашисты называли «зоной мирной жизни» [163, с. 27].

В границах прежних сельских советов генерального округа «Беларусь» были организованы волости во главе со старшинами.

А в западных областях, вошедших в данный округ, где еще сохранилась хуторская система, между волостью и селом создавалось промежуточное звено – громада во главе с солтысом, которая объединяла 10 – 20 и более населенных пунктов [53, с. 25].

Округ «Белосток» был разделен на крайкомиссариаты. Белорусское население в основном размещалось в Волковысском и Гродненском крайкомиссариатах. В свою очередь крайкомиссариаты делились на амткомиссариаты в составе двух-трех гмин. Амткомиссариат возглавлял амткомиссар, гмину – войт. Гмина состояла из крестьянских обществ во главе с солтысами. В данном регионе действовали суд, право, финансовая и налоговая система, такие, как и в рейхе [53, с. 28].

Отношение местного населения к оккупантам на начальном этапе оккупационного режима. Позиция населения западных областей Беларуси по отношению к немецко-фашистским оккупантам была неоднозначной. Немецкие источники отмечают положительный настрой жителей [164, с. 21]. В частности, в отчете военно-административной группы (июль 1941 года) отмечалось: «Широкие круги белорусского населения, прежде всего в сельской местности, рассматривали германский вермахт как своих освободителей от ярма Советов» [165, с. 128]. Однако данная оценка весьма субъективна. В деревне господствовал дух настороженности, пассивности, неуверенности. Крестьяне, прежде всего белорусы, не спешили в объятия немецких властей, так как опасались мести со стороны поляков за депортации и аграрные преобразования 1939 – 1941 годов.

Поляки одинаково негативно относились и к фашистам, и к коммунистам. Они стремились возродить Речь Посполитую если не в границах 1772 года, то хотя бы 1921 года. Уже в первые дни немецко-фашистской агрессии в ряде районов западных областей Беларуси наблюдались случаи нападения польского подполья на отступающие части Красной Армии, а в некоторых местах они провели расправу над партийно-советским активом. Подобные случаи произошли в Лунинецком, Несвижском, Пинском и других районах [166]. На начальном этапе оккупации поляки стали занимать главные должности в местном аппарате управления. Они принимали активное участие в работе городских, районных, волостных, поветовых управ, становились старостами, солтысами и войтами.

В первые дни оккупации в г. Белостоке фашисты создали «Белорусский комитет» во главе с Ильюшевичем, бывшим директором Гродненской средней школы, и Тамашиком, бывшим агро-

номом. Эта организация настраивала местное население против Советской власти. Она формировала отряды «гайсаков» для борьбы с партизанами и Красной Армией. В г. Белостоке насчитывалось 1 200 членов «Белорусского комитета», в Гродно – 175 человек [167, л. 4]. Организация посылала в сельскую местность агитаторов, которые под охраной фашистов читали доклады об арийском происхождении белорусов и необходимости поддержки оккупантов. С целью пропаганды было организовано издание журнала «Гаспадар» и газеты «Новая дорога». Летом 1943 года комитет провел в Белостоке курсы учителей, на которых занималось до 120 человек. В сельской местности было открыто 40 «начальных белорусских школ» [167, л. 4–5].

Подобные организации действовали и в генеральном округе «Беларусь», являясь марионетками в руках фашистов. На оккупированной территории хозяевами стали три ведомства: главнокомандование вооруженных сил, главное управление имперской безопасности, министерство по делам оккупированных областей.

Цель аграрной политики и ее осуществление в 1941–1942 годах немецко-фашистскими оккупантами. Фашисты ставили своей целью ликвидировать государственность Беларуси, превратить республику в аграрно-сырьевой придаток и колонию Германии. Для этого они создали так называемый штаб «Ольденбург», который представлял собой 23 специальные хозяйственные команды, 5 инспекций, 6 отрядов по сбору средств производства и сырья [168, с. 60], центральное торговое общество «Восток», частные немецкие фирмы и другие организации.

С первых дней оккупации наблюдалась массовая реквизиция сельскохозяйственной продукции и скота у местного населения. Например, к началу сентября 1941 года оккупанты забрали у крестьян Брестского гебита около 4,5 тысяч тонн зерна, 3 тысячи голов крупного рогатого скота, 4,6 тысяч голов свиней и овец. А в Глубокском гебите в 1941–1942 сельскохозяйственном году было захвачено 7 тысяч тонн зерна, 1,5 тысяч тонн мяса, 40 тысяч тонн сена и соломы [52, с. 30]. В целом, в генеральном округе «Беларусь» к 1 января 1942 года поголовье лошадей сократилось на 2/3, коров, свиней, овец – на 3/4 [52, с. 31].

Фашистское командование в соответствии с «Зеленой папкой» Геринга («Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных областях») заявило о сохранении колхозов, чтобы предотвратить перебои в снабжении армии. В указании штаба верховного главнокомандующего о применении пропаганды по варианту

«Барбаросса» говорилось: «Разграбление и разбазаривание продовольствия, уничтожение машин и хозяйства неизбежно приведут к нищете и голоду. И с тех же хозяйственных соображений пока в порядок дня не должны быть поставлены вопросы о разделении земли и роспуске колхозов...» [169]. Такая же рекомендация содержалась в «Директиве по отношению к колхозам» А. Розенберга. Оккупанты сохранили должности председателей, бригадиров, официально не распускали правления, ревизионные комиссии. Преимущество отдавалось лицам, которые скомпрометировали себя перед Советской властью. Вместе с тем весь колхозный инвентарь и скот были объявлены собственностью немецкого рейха.

Однако в западных областях Беларуси крестьянство само провело ликвидацию сельскохозяйственных артелей и возвратилось к индивидуальному хозяйству. Тогда немецкое командование под угрозой расстрела приказало вернуть все колхозное имущество и зерно новым властям [11, с. 253]. Конфискованное имущество передавалось в воссоздаваемые имения, которые еще в предвоенные годы были превращены в совхозы и колхозы.

В июле–августе 1941 года появились бывшие польские помещики и осадники. Они стали управлять имениями на правах кураторов, если размер землевладения превышал 60 гектаров, и владельцев, если он был ниже данной отметки [53, с. 59]. Подобная хозяйственная стратегия, связанная с возвращением прежним владельцам земли, составляла основу «системы опекунства» с ограниченными правами собственности. Это привело к многочисленным конфликтам с местным крестьянством, у которого стали забирать землю, инвентарь, скот. В донесении одного из руководителей польского подпольного движения «Сыбулта» (Тамкевича) от 31 октября 1941 года сообщалось, что «на белорусские территории часто возвращаются земельные владельцы под охраной немецкой жандармерии. Это вызывает конфликты с крестьянами, у которых изымается фольварочная земля и различное конфискованное из имений имущество. В предместье Лиды на этой почве дошло до волнений, полицейские расстреляли нескольких крестьян. Немцы делают вид, будто бы «возвращают Польшу» и таким образом создают антагонизм между белорусами и поляками» [170]. В отчете командира 91-го резервного полицейского батальона Фауста о проведенной карательной экспедиции в Свислочи (февраль – апрель 1942 года) сообщалось: «Указанные напряженные отношения между польским и белорусским населением существуют, как и раньше. В то время, как польская часть населения в основном близка к со-

вместной работе, выполняет свои обязанности и отвергает бандитские действия, белорусы в большинстве случаев держат себя пассивно. Особо активные среди них лица симпатизируют партизанам и бандитам, дают им приют и питание и служат бандитам информационным источником» [184, л. 9].

Однако в конце 1941 – начале 1942 годов с активизацией польского национального движения начинается замена владельцев имений польского происхождения на голландцев-колонистов. Особенно много их было в Вилейской области и в Слуцком гебите. Параллельно осуществлялась колонизация Белостокского округа. Здесь переселенцы из Восточной Пруссии получали административные посты и руководство сельскохозяйственным производством. Например, в управление пружанского амткомиссара было передано имение «Семенча», в Свислочском районе д. Лихосельцы [53, с. 59–60].

В инструкции сельскохозяйственного отдела в г. Гродно от 31 июля 1941 года указывалось: «Гродненский повет должен быть после войны заселен немецкими крестьянами. По причине частично плохой почвы не все обрабатываемые в данный момент участки будут пригодны для немецкой колонизации, так как немецкий крестьянин ставит более высокие требования к жизни. Чтобы уже в данный момент полностью представить себе, какие участки должны быть засажены лесом уже в следующем месяце, должны быть представлены по возможности полные и подробные списки, чтобы правительство могло приступить к реализации своих планов» [171]. Уже в 1942 году лучшие земельные участки на Гродненщине были зарегистрированы как немецкие владения [172]. Широкое распространение получило расселение членов фашистской организации «Гитлеровская молодежь». В 1942 году ее членов насчитывалось около 30 тысяч человек [60, с. 273].

Всего на территории западных областей Беларуси было организовано 1 509 имений: 429 – в Барановичской области, 90 – в Пинской, 121 – в Брестской, 563 – в Вилейской, 306 – в Гродненской [53, с. 60]. Например, имение «Першаи» Першайской волости имело молочный завод, ежедневная переработка которого составляла до 2 000 литров молока. В 1942 году там произвели 518 тонн зерна, 181 тонну соломы, 10 тонн стручковых, 70 тонн сена, 1 170 тонн картофеля [165, с. 147]. Оккупационные власти стали завозить племенной скот из Дании, Голландии, Германии, создавать молочные хозяйства в группе «Продовольственная индустрия». Только на территории Гродненской области их насчитывалось 12 [172]. В Скиделе, Граево, Сокулке, Свислочи были открыты отделы по прода-

же сельскохозяйственного инвентаря и машин [167, л. 5]. Захватчики жестко регламентировали, какие культуры производить, в каких размерах, на каких землях. Этим занималось немецкое общество «Эрфассунгстеноссешафт» [173, с. 94].

Создание имений привело к сокращению крестьянского землевладения. В Гродненской области оккупанты отняли у 7 134 крестьянских хозяйств 28 тысяч гектаров земли [53, с. 61], в Брестской – 17 594 гектара у 5 936 дворов [174, л. 12], в Барановичской области – 172 тысячи гектаров [175, с. 217]. Это уменьшало размер наделов порой до 1,5 гектара и приводило к массовому насильственному обезземеливанию. Посевные площади на оккупированной территории Беларуси сократились на 60 %, в том числе картофеля – в 4 раза, овощей – в 2,5 раза, льна – в 8 раз [91, с. 210].

В имениях использовалась принудительная и наемная рабочая сила. Создавались специальные роты из мужчин призывного возраста для работы в имениях под немецкой охраной. Крестьяне стремились бойкотировать работу в оккупационных поместьях. Например, директор имения «Масловичи» Краузенгоф дважды приказывал старосте д. Мацки Радшковичского района Вилейской области направить в хозяйство 6 мужчин, 8 женщин и 4 лошади [175, с. 72].

В 1942 году оккупационные власти признали неэффективность государственных имений. Во многих случаях они сами санкционировали сдачу в аренду имений, фольварков, осад на условиях выполнения натуральных поставок, уплаты денежного налога, внесения арендной платы. В частности, в Несвижском районе Минской области одному крестьянскому хозяйству в аренду на один год сдавалось до двух гектаров земли. Цена аренды была натуральной, и, например, в Браславском районе Вилейской области она составляла 100 килограммов зерна [53, с. 63].

Одним из направлений аграрной политики фашистов являлся вывоз дешевой рабочей силы в Германию. Из Беларуси было отправлено на принудительные работы 380 тысяч человек. Причем в мае 1943 года было принято решение о вербовке в рейх семей с детьми младше 14 лет [185, л. 12]. Местное население привлекалось и к принудительным работам. В середине декабря 1941 года министр по делам оккупированных территорий Альфред Розенберг издал распоряжение о введении трудовой повинности, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Местных жителей привлекали к сбору оружия и трофеев, на погрузочно-разгрузочные работы, на разминирование шоссе и железных дорог. Всего, по данным уполномоченного по использованию рабочей силы рейха генерала Зауке-

ля, в ноябре 1942 года на принудительных работах было задействовано около 9 млн. человек [168, с. 145].

На крестьян тяжелым бременем легла задача обеспечения фашистской Германии продовольствием: как «восточных войск», так и имперской территории. С этой целью оккупанты наладили учет сельскохозяйственной продукции. При этом конфискации подлежали все обнаруженные запасы продовольствия. Фашисты сохранили систему обязательных продовольственных поставок. В этом главную роль играло торговое общество «Восток», занимавшееся вопросами сельскохозяйственного сбыта и спроса. Ему помогали уполномоченные министерства по делам оккупированных территорий, членов которых в 1942 году насчитывалось 11 500 человек [60, с. 269].

Опираясь на поддержку карательных органов, заготовительные организации в 1941 году удовлетворили потребность трех групп немецких армий: зерном – на 80 %, мясом – на 83 %, картофелем – на 70 % [54, с. 130]. Недопоставки при строжайших принудительных мерах вызвали директиву гитлеровского командования о проведении зимой 1941/1942 годов четырехнедельной кампании по обмолоту урожая. До весны 1942 года удалось собрать на всей оккупированной территории СССР не более половины минимума зерна – 5 млн. тонн. В частности, жители Ново-Мышского района Барановичской области на 20 декабря 1941 года должны были сдать 4 161 618 кг зерна, 3 172 900 кг картофеля, 1 130 889 кг соломы, а сдали соответственно 541 403 кг (13,01 %), 3 172 900 кг (58,6 %), 593 504 кг (52,5 %) [176, л. 5]. В отчете о карательных действиях в районе Свислочи Гродненской области (1942 год) отмечалось: «Часто требуется угроза наказания, чтобы опять отдельные крестьяне выезжали на работу... Также наложенная комиссаром поставка мяса проходит вяло... Очень большое количество нелегального убоя скота в разных дворах» [184, л. 32].

Исходя из сложившейся ситуации и рекомендаций Научно-исследовательского института земледелия и продовольственного хозяйства Европы, министерство по делам оккупированных территорий подготовило проект аграрной реформы. 15 февраля 1942 года был издан декрет Альфреда Розенберга «Новый порядок землепользования». Его цель состояла в том, чтобы заинтересовать крестьянство в развитии сельскохозяйственного производства для обеспечения немецкой армии продовольствием. Предусматривалось переделать колхозы в «общинные хозяйства», совхозы – в «земские хозяйства», а МТС – в «сельскохозяйственные базы». Позже предполагалось разделить землю и инвентарь между единоличны-

ми дворами, объединив их в крестьянские кооперативы. Согласно декрету, отменялся Примерный устав сельскохозяйственной артели и вводилось единоличное землепользование.

Семнадцатого марта началась практическая реализация реформы. Деревня с ее живым и мертвым инвентарем провозглашалась «крестьянским общинным хозяйством». Название оно получало от названия деревни. Земля в «общинном хозяйстве» делилась на приусадебную и общую. Общая земля делилась по шнуровому принципу, т.е. размещалась чересполосно, каждому двору. Размер надела зависел от количества трудоспособных членов семьи и размера сельскохозяйственных угодий до войны, но не превышал 7 гектаров на двор из четырех человек старше 16 лет. В коллективном пользовании оставались пустоши, неудобные земли, колхозный лес и сад.

Переход к единоличному землепользованию мог быть осуществлен только с разрешения сельскохозяйственного отдела германского управления после выполнения всех обязательств перед оккупационными властями. В деревне устанавливалась круговая порука, коллективная ответственность крестьян за выполнение распоряжений захватчиков [177].

По истечении семи дней после опубликования декрета крестьяне каждой деревни обязаны были провести общее собрание по организации новой формы хозяйствования, на котором выбиралось правление в составе старшего, его заместителя и бухгалтера.

На втором этапе планировалось превратить общинные хозяйства в «Товарищества по совместной обработке земли», где каждый крестьянский двор или семья должны были нести ответственность по уходу за посевами на определенном участке земли и за сбор урожая. А община отвечала за вспашку и обработку земли, посев, сдачу всех поставок и налогов.

В августе 1942 года на совещании с рейхсминистрами оккупированных территорий Геринг объявил новые нормы обязательных поставок. Они составили 100 кг зерна, 200 кг картофеля, 20 кг мяса с одного гектара пашни. Например, крестьяне 56 деревень Жабчицкого района Пинской области должны были предоставить 913,9 ц ржи, 13,7 ц конопляного семени, 25,8 ц льноволокна, 15,8 ц сена [178, л. 2]. Кроме этого, жители деревни уплачивали единый, натуральный, сельскохозяйственный, военный, земельный и другие налоги. По сравнению с высокими ценами на приобретаемые машины и земледельческий инвентарь закупочные цены были низкими. За 100 килограммов ржи давали 2,5 оккупационные марки, тогда как один килограмм хлеба на рынке стоил 10 марок. Для поощрения поставок

устанавливались премии: за 200 литров молока – 2 килограмма соли, за 60 яиц – 3 коробка спичек [18, с. 11]. Фашисты присваивали огромную «шлюзовую прибыль» – разницу между низкими заготовительными, закупочными ценами и рыночными ценами в Германии. Рейхскомиссар «Остланда» Лозе докладывал Розенбергу, что цены на сельхозпродукцию в оккупированных районах составляют 51 – 60 % от немецких [179, с. 144]. Крестьяне подвергались эксплуатации, хотя внешне сохранялись признаки рыночных отношений, а не всеобщего грабежа, существовавшего в зоне армейского командования группы армий «Центр». Доверенный командующего вермахтом сообщал о ценах в Минске в 1942 году: один кусок туалетного мыла стоил 10 немецких марок, пара туфель – 35, двадцать штук папирос – 4, полбулки хлеба – 6. Однако на рынке деньги не имели ценности – средством обмена являлся пуд зерна [165, с. 131–132].

Крестьяне затягивали выполнение плановых заданий. Согласно отчету генерального комиссара, в Минске план закупок в 1942 году выполнялся следующим образом: зерно – 81,5 %, сено – 83,9 %, картофель – 62,2 %, мясо – 40,5 % [55, с. 151–152]. Гауляйтер В. Кубе в докладе на совещании окружных комиссаров и начальников главных отделов отмечал: «Налоги собираются на 95 % даже в тех районах, в которых отмечается засилье партизан. Налоги вносятся, это первое доказательство, что население к нам неплохо относится. Мы собрали 50, 60, 70 % зерновых, картофеля и др. продуктов!» [180]. Стоит отметить, что, если крестьянство привозило свою продукцию на скупные пункты, то из-за страха и постоянной угрозы насилия со стороны немецко-фашистских захватчиков, а порой из-за нежелания вмешиваться в вооруженную борьбу.

Перелом в ситуации наступил с началом карательных операций с конца 1942 года. Проводя их, немецко-фашистские оккупанты руководствовались указанием Геринга от 26 октября 1942 года. Он распорядился, чтобы в ходе акций против партизан вывозились не только скот, продовольствие, но и все трудоспособное население. Требовалось «не принимать во внимание, пострадает ли от этого сельскохозяйственное производство или другая деятельность в этих регионах...» [165, с. 146].

Уже в августе 1942 года в западных районах Беларуси была проведена карательная акция «Зумпфибер», в ходе которой оккупанты убили 10 013 человек, вывезли на принудительные работы 1 217 человек [55, с. 127]. Под видом борьбы с партизанами гитлеровские захватчики осуществили на территории республики более 140 карательных операций [162, с. 91]. Руководство Германии разрабатыва-

ло проект эвакуации партизанских зон. Планировалось вывезти мужчин в рейх и развести на этих территориях посеvy кок-сагыза [55, с. 152]. До августа 1943 года убийства и депортации так обезлюдили западный регион Беларуси, что 240 тысяч гектаров земли не было обработано, а 10 – 15 % крестьянских семей потеряли последнюю корову [55, с. 152]. Политические последствия этих акций приняли угрожающий для немецких властей характер. Они перечеркнули надежды сельских жителей нормально вести хозяйство. Об этом свидетельствуют донесения уполномоченных по сельскому хозяйству. В частности, районный уполномоченный в Радошковичах Шмитц в письме вилейскому окружному комиссару указывал, что после карательных действий батальона Дирлевангера по набору рабочей силы в деревнях практически не осталось трудоспособных мужчин и тягловой силы, что не позволяло провести 100 %-ную уборку урожая [175, с. 99]. До конца 1943 года в генеральном округе «Беларусь» фашисты недополучили 37,8 % картофеля, 59,5 % мяса, 61,5 % жира [53, с. 86]. Волостные комиссары Гродненского комиссариата получили в мае 1943 года указание составить списки крестьян, враждебно настроенных против оккупантов, для экспроприации их хозяйств [185, л. 3].

К тому же на позицию крестьян оказывали влияние такие факторы, как поражение фашистов на Восточном фронте, партизанская борьба, национальное движение, страх перед утратой имущества. Только партизаны в конце 1942 года разгромили 262 имения хозяйственного штаба «Восток» из 967, а 363 оказались в партизанских зонах [181, с. 429].

В этой ситуации оккупационные власти 3 мая 1943 года приняли декларацию министерства по делам оккупированных территорий «О частной собственности», распоряжение «О неограниченном праве владения скотом» и директиву «О введении крестьянской земельной собственности» [52, с. 30]. Параллельно были увеличены нормы поставок мяса. Согласно сведениям слонимского окружного комиссара, поголовье скота за первую половину 1944 года сократилось на 50 % по сравнению с 1942 годом, от стада свиней и овец осталось 10 %, а птица была уничтожена почти полностью. На совещании с управляющими отдела сельского хозяйства Вилейского уезда в октябре 1943 года гауптштурмфюрер Вилке отмечал, что заготовительные мероприятия не выполняются из-за слишком больших дневных заданий (до 8 км в день) и нежелания населения [179, с. 276–277]. Уборка урожая 1943 года проводилась как военная кампания. Генеральный округ «Беларусь» был разделен на шесть участков: Глубокое, Вилейка, Минск – Слуцк, Лида – Новогрудок, Слоним, Ба-

рановичи – Ганцевичи. В каждом из них действовали специальные команды, которые отвечали за проведение сельскохозяйственных работ в имениях и охрану урожая [53, с. 99].

Поражения немецко-фашистских войск от Красной Армии заставили оккупантов усилить налоговое давление на крестьян. Размеры поставок стали устанавливаться произвольно. Как свидетельствовал в докладной записке секретарь Белостокского подпольного обкома КП(б) В.Е. Самутин, «хозяйство (Сокулковский район) в 10 га должно было поставить: ржи – 26 ц, овса – 7 ц... В марте-месяце оккупационные власти заставили крестьян произвести обмолот зерна с целью его конфискации, включая даже посевной материал. А в районах, прилегающих к генеральному округу «Беларусь», приказом запретили проводить посев яровых. При его нарушении крестьянина избивали или расстреливали, ликвидировали хозяйство (Скидель, Волковыск)». Помимо этого, сельских жителей принуждали заниматься вырубкой леса [175, с. 163].

В условиях нарастающей крестьянской оппозиции оккупационные власти приступили к организации «оборонных деревень». Только в Крынковском районе Белостокской области их насчитывалось пять: Скробляки, Лужаны, Большие Озёра, Случанка, Крушиняны. Однако местные крестьяне выступили против данной акции [53, с. 107].

Позиция белорусских коллаборационистов в аграрном вопросе соответствовала политике, проводимой немецко-фашистскими захватчиками. Белорусская народная самопомощь пыталась оказать помощь потерпевшим от военных действий. Ее представители собирали у населения деньги, материальные ценности, продукты питания, обувь и т.п. С декабря 1943 года данная организация попадает под контроль Белорусской Центральной рады (БЦР), где имелся сельскохозяйственный отдел (руководитель – П.И. Орса). В Декларации БЦР, опубликованной в Минске в январе 1944 года, провозглашались: «а) полная ликвидация помещичьей и колхозной систем и передача земли в руки трудового крестьянства на правах индивидуальной собственности; б) создание в стране хуторской системы хозяйства, которая более всего соответствует жизни белорусского народа» [56, с. 113–114].

Результаты аграрной политики немецко-фашистских оккупантов. Крестьянство решительно отвернулось от оккупантов и стало на путь активной поддержки партизанского движения. Даже немецкие источники отмечали, что в настроении населения преобладает глубокое разочарование, так как люди утратили веру в будущее. Они постоянно сравнивали оккупационный режим с советским периодом, что было явно не в пользу фашистов.

В результате аграрной политики немецких оккупационных властей хозяйство Беларуси понесло значительные потери. В несколько раз сократилось сельскохозяйственное производство. Летом 1944 года осталось 39 % довоенного поголовья лошадей, 31 % крупного рогатого скота, 11 % свиней и 22 % овец. Посевные площади уменьшились на 43 % [182]. Сопоставление данных по Брестской области (см. табл. 11) увеличивает размеры потерь (там посевные площади сократились на 46,6 %, количество лошадей – на 49,6 %, крупного рогатого скота – на 52,1 %, овец – на 63,7 %).

Таблица 11

Сокращение сельскохозяйственного производства в Брестской области за годы немецко-фашистской оккупации

Годы	Количество			
	посевных площадей (в га)	лошадей	крупный рогатый скот	овец
1941	279 870	88 530	204 684	268 829
1944	149 364	44 592	97 988	97 676

Примечание: таблица составлена автором по материалам Государственного архива Брестской области, ф. 1 п, оп. 2, д. 56, л. 71 обл.

Несколько иная ситуация сложилась на территории Белостокской области, которая входила в состав рейха. Там, по свидетельству местных партийных работников, политика оккупантов в деревне «дала возможность немцам создать за два с лишним года солидную продовольственную базу... Только сейчас, в период отступления из СССР, они начинают эту базу использовать» [183, л. 5].

Таким образом, аграрная политика немецко-фашистских захватчиков была направлена на ограбление белорусского крестьянства. Сохранение колхозов в 1941–1942 годах объясняется не их большей эффективностью перед единоличными хозяйствами, а удобной формой изъятия выращенного урожая для нужд армии. Причем в западных областях Беларуси захватчики с первых дней оккупации согласились на ликвидацию сельхозартелей. Земельная реформа Альфреда Розенберга о переходе к единоличному хозяйствованию сопровождалась ростом налогов и поставок, карательными акциями. Поэтому крестьянство отказало оккупантам в поддержке. К тому же чувство патриотизма, нетерпимости к иноземному господству оказалось сильнее обиды на Советскую власть.

ГЛАВА 3

ЗАПАДНОБЕЛОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В ИЮЛЕ 1944 – 1953 ГОДАХ

3.1. Политическая обстановка в западнобелорусской деревне в июле 1944 – 1948 годах

Особенности политической ситуации в западнобелорусской деревне в первые послевоенные годы. С освобождением территории западных областей Беларуси от немецко-фашистских захватчиков происходит восстановление местных партийно-советских органов власти (от низовых до областных). При этом был проведен новый административно-территориальный раздел западного региона республики. 20 сентября 1944 года в БССР появилось три новые области: Бобруйская, Гродненская и Полоцкая, а Вилейская область была переименована в Молодечненскую. Таким образом, в 1944–1953 годах к западным областям относились Барановичская, Брестская, Гродненская, Молодечненская и Пинская области. Если на 1 января 1947 года здесь насчитывалось 258 территориальных организаций КП(б)Б, то на 1 января 1952 года – 419 территориальных и 220 колхозных организаций [186, с. 273].

Проблема недостатка местных кадров решалась так же, как и в 1939–1941 годах, методом перевода работников из восточных областей республики в западные области. До июня 1945 года ЦК КП(б)Б направил на партийную работу 1 060 человек, на советскую – 2 200 человек [20, с. 61–62]. Однако местные кадры составляли костяк низовых органов власти – сельских советов депутатов трудящихся. Например, партийный аппарат Гродненской области на 1 декабря 1946 года на 47,5 % состоял из местных кадров:

- председатели сельских советов – 52,2 %;
- председатели горисполкомов и их заместители – 11,7 %;
- инспекторы райфинотделов – 45,5 %;
- председатели колхозов – 64,2 % [187, л. 27].

Многие руководители, пройдя через горнило войны, поверили в непогрешимость административных методов руководства, что вызвало опасения в ЦК КП(б)Б. Поэтому 29 мая 1945 года бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос «О фактах грубого нарушения социалистической законности в отдельных районах БССР». На заседании указывалось, что «многие председатели сельских сове-

тов и колхозов, отдельные партийно-советские работники, сотрудники НКВД и НКГБ допускают по отношению к населению незаконные аресты, обыски, изъятие скота и другого имущества, а нередко – физические меры. Подобная практика получила широкое распространение в Гродненской, Полоцкой, Молодечненской, Барановичской областях».

В процессе обсуждения отмечалось, что «некоторые работники на селе пренебрегают развертыванием массово-политической работы, применяют принуждение, приказы, голое администрирование. Зачастую произвол и беззаконие прикрываются мнимой борьбой якобы с немецкими ставленниками».

Внимание было акцентировано на том, что «в своей работе партийно-советские работники не учитывают, что к руководству сельскими советами и колхозами, а также в районные советские и партийные организации пришли молодые кадры, активно боровшиеся с немецко-фашистскими захватчиками, не имеющие опыта государственной работы и применяющие в своей деятельности методы командования и администрирования» [188, л. 12–13].

Очевидно, что незнание местных условий, неприязненное отношение к людям, сложившийся стиль и методы политического руководства порождали многочисленные случаи насилия над крестьянством. Архивные документы содержат ряд фактов, раскрывающих данное явление. Вот некоторые из них.

29 сентября 1945 года начальник Свислочского райотдела НКВД в Гродненской области проводил расследование убийства уполномоченного в Великосельском сельском совете. При этом он приказал сжечь шесть хуторов. А районному начальству данные события были представлены как действия местной банды [189, л. 33].

В июне 1947 года председатель Свирского райсовета ОСО-ВИАХИМа Молодечненской области совместно с участковым районного отдела МВД и работником военкомата в д. Рытень избили крестьянина Козловского и его жену, открыли стрельбу. В результате было сорвано собрание жителей деревни по вопросу уборки урожая [190, л. 48].

Уполномоченные по хлебозаготовкам Мостовского райкома партии Гродненской области при проведении заготовительной кампании 1946 года организовали пьянку у председателя Милевичского сельского совета. Затем поехали в д. Букштово, там разогнали свадьбу, ограбили местного крестьянина, пытались поджечь дом [191, л. 130].

Несомненно, что подобный стиль и методы руководства деревней на местах не содействовали установлению взаимопонимания между крестьянством и государством. К тому же выборы в Верховный Совет СССР (1946 год), в Верховный совет БССР (1947 год) проходили в сложной общественно-политической обстановке, связанной с активизацией антисоветской деятельности подпольных польских и украинских националистических формирований. В январе 1947 года в Василишковском районе Гродненской области был разгромлен дом, где проживала семья кандидата в депутаты К.Д.Анцуты. В д. Мотоль того же района бандиты убили председателя участковой избирательной комиссии Грецкого, а в Дятловском районе Барановичской области – уполномоченного Гомельского обкома партии А.С.Скибунова и председателя Мировищинского сельского совета Савонь. В Браสลавском районе Полоцкой области был разгромлен Друйский избирательный участок. Там бандиты убили трех женщин-активисток [192, л. 10]. В д. Голынка Сопецкинского района Гродненской области были обнаружены листовки, в которых содержались призывы не голосовать на выборах, а также угрозы в адрес членов участковых избирательных комиссий [193, л. 19].

В подобной обстановке беднейшее крестьянство отказывалось баллотироваться в депутаты местных советов трудящихся. Кроме этого, имело место недовольство, как и в предвоенные годы, практикой проведения выборов. Крестьяне д. Леликово Дивинского района Брестской области говорили: «Выбирать мы сами не выбираем, а нам предлагают своего депутата. Они наши интересы не отстаивают и о нас не заботятся. Соли нет, керосина нет...». А крестьянин д. Любищицы Коссовского района Брестской области был более категоричен: «Голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных я не буду, так как для меня эти выборы в Верховный Совет БССР не нужны, а кто хочет голосовать – пусть отдадут свои голоса за грабителей» [194, л. 11].

Влияние антисоветских подпольных формирований. Особую напряженность в общественно-политическую ситуацию внесли подразделения бывшей Армии Крайовой (АК), которая в январе 1945 года была официально распущена Лондонским эмиграционным правительством Польши. Однако участники АК не сложили оружия, а, наоборот стали вести борьбу против представителей Советской власти. Особенно сильным влияние так называемых «аковцев» было на территории Гродненской, Брестской и Могилевской областей: как правило, в тех районах, где преоблада-

ло польское население. Они призывали бойкотировать распоряжения местных властей, совершали убийства крестьян за сотрудничество с Советской властью, проводили грабежи и террористические акты против партийно-советских работников.

Сложную обстановку в западнобелорусской деревне в первые послевоенные годы раскрывают архивные документы, например, сообщения инструкторского отдела ЦК КП(б)Б «О фактах бандитизма в западных областях БССР». В частности, в Вороновском районе Гродненской области 20 августа 1944 года банда попыталась захватить уполномоченных райкома партии и бойцов Красной Армии, проводивших заготовку зерна в Кодевском сельском совете. На хуторе Барташуны была обстреляна автомашина воинской части, а в имении Подвориши «аковцы» сожгли рожь и две молотилки [195, л. 96–97]. В 1946 году в районе было совершено 45 террористических актов. Бандиты убили 24 активиста и 21 крестьянина [196, л. 115].

В Васишковском районе Гродненской области с 1 января по 23 июля 1946 года банды ограбили 7 магазинов, 26 крестьянских хозяйств, организовали 7 поджогов [196, л. 40].

В Ивьевском и Юратишковском районах Молодечненской области группа Станкевича распространяла напечатанные типографским способом листовки, которые призывали: «Поляки должны продолжать вооруженную борьбу за свободную Польшу, так как от одного оккупанта (немецкого) избавились, то пришел более злой и коварный оккупант – большевизм. Никакой поддержки Польскому комитету национального освобождения и армии Берлинга как большевистским агентам!» [195, л. 111]. В Ивьевском районе польские формирования ликвидировали Советскую власть в восьми сельских советах [195, л. 112].

Неспокойно было и в Сопоткинском районе Гродненской области, где в ночь с третьего на четвертое января 1945 года бандиты убили заместителя председателя Лойковского сельского совета. 23 марта банда из пятнадцати человек напала на местного депутата в д. Вульковцы, а также были ограблены крестьяне д. Баля Костельная, Баля Сольная, Пушкари, Соловьи. В ночь с пятого на шестое апреля «аковцы» убили местных депутатов в д. Вульки и Баля Сольная [197, л. 1 – 5]. В ночь с первого на второе мая 1945 года в д. Головенчицы Соничского сельского совета банда повесила двух местных крестьян, прикрепив к дереву таблички: «Вот вам заслуга за большевистскую работу!». 10 мая бандиты совершили нападение на депутатов д. Перстунь Голынковского сельского со-

вета, которых ограбили, предупредив не участвовать в общественной работе. А местным учительницам в д. Перстунь и д. Бояры Голынковского сельского совета под угрозой расстрела на голове выстригли кресты [198, л. 37]. Начальник Сопецкого гарнизона полковник Шленков вынужден был с 12 июля ввести военное положение на территории района. В приказе отмечалось: «В целях полной ликвидации банд АК... всему населению... запрещаю выезды и хождения из одного населенного пункта в другой позже 21.00 часа и ранее 8.00. Лица, задержанные в неуказанное время, будут арестованы и преданы суду как злостные нарушители и саботажники законов, постановлений органов Советской власти...» [199, л. 30].

На территории Барановичской и Гродненской областей действовали диверсионные отряды Рагнера, Крыся, Сибирияка, Германа. Только в Гродненской области количество бандитских групп достигало 91 [200, л. 103]. В Скидельском и Гродненском районах действовала группа «Фали» (И.Миклашевича), в Мостовском районе – Бакуновича, в Лидском, Желудокском, Васишишковском районах – Букатко и Орлика, в Вороновском районе – Жемайтеля, в Порозовском районе – Колядко и др. На государственной границе СССР в Сопецком районе органы НКВД обнаружили подпольное «окно», действовавшее по принципу: «деньги – человек» [201, л. 8].

Деятельность «аковцев» сдерживала общественно-политическую активность крестьянства, мешала проведению агитационно-массовой работы в деревне. Страх сковывал инициативу сельских жителей. Об этом свидетельствуют выступления делегатов областного совещания местного актива, которое состоялось в Гродно 10 декабря 1947 года. Например: «Провели в деревне собрание. Через час являются бандиты и расстреливают хозяйку дома за то, что разрешила у себя провести собрание» [201, л. 77]; «Бандиты настолько обнаглели, что в трех километрах от Гродно пришли в сельский совет, где проходило собрание актива. Заставили поднять вверх руки. Ранили председателя сельского совета при попытке бегства... Мы потеряли более 20 активистов» [200, л. 42]. В целом, если в феврале 1946 года в Гродненской области работало 7 334 агитатора, то в июле 1947 года – 5 338. Отсев составил 27,2 % [202, л. 18].

С другой стороны, некоторые местные крестьяне (в основном поляки) снабжали бандформирования продуктами питания, одеждой, информацией. Это происходило как под страхом наказания со стороны «аковцев», так и сознательно. В частности, в Радунском районе Барановичской области сотрудники местного отдела НКВД

насчитали до ста семей, которые оказывали поддержку подпольным формированиям [201, л. 81]. Было установлено, что один из руководителей – Букатко – до 1946 года являлся председателем сельского совета, и многие его бывшие работники поддерживали с ним связь [201, л. 79]. В своем письме И.В.Сталину, датированном третьим сентября 1945 года, первый секретарь Юратишковского райкома КП(б)Б Молодечненской области А.А.Кузнецов писал: «В своем большинстве бандиты из местного населения. Есть семьи, где по два и даже по три мужчины находятся в банде, а семьи живут преспокойно, и они же застрашивают крестьян, помогают бандитам. Такие семьи почти все числятся на учете в органах НКВД, но что-либо с ними сделать невозможно. Невозможно наказать и бандита, если его поймали без оружия, и НКВД подержит, а потом отпускают как уклоняющегося от военной службы» [40, с. 229]. Поэтому борьба с постаковскими группировками в западных областях Беларуси была достаточно долгой и упорной.

К тому же сотрудники органов НКВД указывали на неэффективную работу прокурорских работников, которые проводили очные ставки бандитов с осведомителями, после чего последние бандиты убивали. Дезориентирующее влияние оказывали жители восточных областей Беларуси, Смоленской области, которые приезжали сюда за покупкой хлеба (зерна, муки). Некоторые из них сформировали группы по 5 – 8 человек и занялись грабежами [201, л. 84].

Оперативные органы внутренних дел, внутренние войска НКВД и истребительные батальоны проводили массовые операции по районам с целью проверки населенных пунктов и местности с привлечением 2-3 полков внутренних войск; частные операции по ликвидации банд по проработанным оперативным данным с привлечением оперативных групп и войск; операции с применением «украинского» метода блокировки населенных пунктов с целью сплошной проверки жилых и надворных построек для обнаружения тайников и убежищ. Также использовался метод выдвижения в неблагонадежные сельские советы мелких чекистско-воинских групп от ротных гарнизонов с включением в их состав партийно-советских работников.

Опираясь на подразделения армии, группы содействия из местных крестьян, органы внутренних дел и государственной безопасности постепенно осуществляли ликвидацию бандитских формирований в западном регионе Беларуси. В докладе министра госбезопасности БССР Л.Ф.Цанавы «Об усилении борьбы с националистическим подпольем и бандитизмом в западных областях БССР» (1947 год) отмечалось, что в Барановичской, Брестской, Молодечненской

и Гродненской областях уничтожено 15 организаций и 36 активно действовавших вооруженных банд [202, л. 3–4]. Уничтожение постаковских группировок позволило местным партийно-советским органам власти провести в сельской местности общие собрания крестьян для разъяснения сложившейся ситуации. В результате часть крестьян, принудительно втянутых в вооруженную борьбу, вернулась к мирной жизни. Правительство дважды, в 1945 и 1947 годах, объявило полную амнистию лицам, сложившим оружие.

На завершающем этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы в Брестской и Пинской областях большое влияние имели отряды «бульбовцев», или Полесской Сечи Украинской повстанческой армии (УПА). Ее организатором являлся Тарас Боровец (прозвища – Байда, Бульба). С 20 июля 1943 года «бульбовцы» стали называть себя Украинской народно-революционной армией, а сами они стали вести борьбу как с советским и польским партизанским движением, так и с немецкими частями [203, с. 427]. Однако уже в 1944 году были очевидны тесные контакты УПА с фашистами. Активно действовали «бульбовцы» и после изгнания оккупантов с территории СССР.

По данным НКВД, до конца 1944 года в Брестской и Пинской областях действовало около 250 групп и отрядов [204, с. 150]. Отдельные районы полностью ими контролировались, особенно в сельской местности. В 1944–1946 годах УПА совершила в Беларуси 2 384 диверсии и террористических акта. Только в 1946 году правоохранительные органы Брестской области зафиксировали 151 «бандпроявление», из которых 52 – террористические акты, 4 – диверсии [205, л. 194]. Трагическая участь постигала руководителей инициативных групп по созданию колхозов, первых председателей и секретарей партийных ячеек [206, л. 6–7]. Часто в селах разбрасывались листовки, содержавшие угрозы за выход на полевые работы. Например, 27 апреля 1947 года «бульбовцы» повесили на здании правления колхоза им. 24 марта Кобринского района Брестской области листовку следующего содержания (стиль оригинала сохранен):

«Извещение для Дятловичских колхозников.

Здравствуйте, дорогие Дятловичские колхозники. Если до 1 мая 1947 года не разбросите колхоз, то спалим всю деревню, а колхозников выдавим, как мух, а мы ждем своей власти...

Мы бульбовцы, если колхоз не разойдётся, колхозников выдавим»

Угляница Николай» [207, л. 5].

В 1944 году в Жабчицком районе Пинской области было разгромлено здание Невельского сельского совета. Бандиты задушили проволокой председателя Власовца, секретаря Жушму и местного лесника. Тело председателя сельского совета было приколото штыковым ударом к стене. Написав украинские националистические лозунги, «бульбовцы» скрылись в лесу. В ночь с 7 на 8 декабря того же года бандформирования отняли у крестьян д. Перехрестка крупный рогатый скот и ограбили жителей деревни д. Кончицы Дубайского сельского совета, изъяв у них печеный хлеб, муку, скот, теплую мужскую одежду [195, л. 1–2]. Особенно активизировались «бульбовцы» в 1945 году. Вот сводка террористических актов по Дивинскому району Брестской области за апрель-месяц:

4 апреля: банда из 10 человек в д. Леликово искала председателя сельского совета и уполномоченного районного отдела НКВД, подошла к дому жителей из группы самообороны;

5 апреля: банда из 50 человек ограбила магазин в д. Ольховка Верхолесского сельского совета, был избит местный активист;

6 апреля: «бульбовцы» зверски замучили в д. Борисовка депутата Осовского сельского совета;

14 апреля: была уничтожена телефонно-телеграфная линия связи;

21 апреля: совершено нападение на Хабовичский сельский совет и магазин;

24 апреля: банда обстреляла д. Леликово, затем сожгла три дома, убив двух детей (10 лет и 10 месяцев). У крестьян были изъяты две лошади с повозками [208, л. 26–27].

По агентурным сведениям НКВД, в Брестской области украинские националисты имели в Дивине свою организацию, состоявшую из десятидворок. Каждой группой руководил комендант, у которого было два информатора. Причем связные имелись даже в штабе районного отдела НКВД [205, л. 110].

Борьба с «бульбовцами» носила длительный характер. В 1946 году было ликвидировано 36 банд в количестве 1 081 человек: 413 убито, 599 взято в плен, 59 явились с повинной [205, л. 194]. Впоследствии, в 1949 году, органы государственной безопасности уничтожили штаб Организации украинских националистов и ее главари: Ермака, Дворко, Шаха [209, л. 153]. Однако связники продолжали борьбу. В частности, 22 января 1951 года в г. Берёзе были обнаружены уповские листовки, напечатанные типографским способом [210, л. 27].

Страх сковывал инициативу беднейших крестьян, сдерживал работу сельского актива. Вот выдержка из отчета Дивинского рай-

онного отдела НКВД (1946 год): «Уполномоченные сельских советов в деревнях почти не работают, боясь репрессий со стороны банд. Во время займовой кампании уполномоченные в Дивине, Повити, Леликово отказываются принимать подписные листы. Районные работники заявляют, что в деревнях трудно найти депутата, они прячутся и от банд, и от районных работников. Агент по заготовкам заявил: «Описывать имущество крестьян не пойду, я хочу жить» [205, л. 96]. Наблюдались случаи, когда ответственные партийно-советские работники отказывались ехать в деревню для проведения общественно-политических мероприятий. 25 июня 1945 года «бульбовцы» окружили в д. Клетише Осовского сельского совета Дивинского района Брестской области дом, где проходило собрание крестьян по вопросу обсуждения письма И.В.Сталину, и открыли огонь по присутствующим. В конце июня украинские националисты готовили съезд в Дивинском и Антопольском районах Брестской области с целью организации акций по срыву подписания письма. Однако органы НКВД и воинские подразделения Красной Армии сумели предотвратить их действия [198, л. 43].

В целом, в первые послевоенные годы националистические антисоветские формирования препятствовали росту политической активности беднейших слоев деревни как в деле организации коллективных хозяйств, так и в восстановительных процессах.

Подписка на займ. В сложной обстановке проходила подписка на четвертый государственный военный займ 1945 года. Крестьяне Лихачевского сельского совета Гродненского района заявили представителям Советской власти: «Мы боимся подписываться на займ, потому что если мы подпишемся, то ночью нас убьют» [157, л. 31]. В Костеневском и Василишковском сельских советах Василишковского района Гродненской области под видом займа бандитская группа провела принудительный сбор средств у населения в размере пяти тысяч рублей [198, л. 30].

Мобилизация в Красную Армию. Весьма сложно проходила мобилизация призывников в ряды Красной Армии. Среди населения распространялись слухи о возвращении западных областей БССР Польше с помощью Великобритании и США. Польская молодежь в массовом порядке стала уклоняться от призыва. В Молодечненской области в 1944 году было выявлено около 15 тысяч человек, уклонявшихся от мобилизации в Красную Армию [198, л. 48]. В Пинской области 80 % военнообязанных заявили, что они больны. Многие юноши прибегали к членовредительству: впрыскивали под кожу керосин, прикладывали ядовитые травы, делали

на теле расчески и т.д. Помимо этого, молодежь не являлась на призывные пункты. Например, в Ивенецком районе Молодечненской области из 8 023 учтенных пришло только 670 человек (8,4 %), в Воложинском районе той же области из 4 773 явилось 258 юношей (5,4 %) [211]. А в городском поселке Ивье собрали 300 человек, которые на пути к г. Лиде □а разбежались обратно по домам. Причем дезертиры стали пополнять ряды антисоветских подпольных формирований [195, л. 110].

Позиция католической церкви. Во многом позиция западно-белорусского крестьянства зависела от католической церкви. В послевоенные годы костел по-прежнему не терял надежды на восстановление второй Речи Посполитой. В 1947 году в БССР насчитывались 261 приход и 168 ксендзов [193, л. 29]. Чтобы уменьшить степень их влияния на крестьянские массы, советские органы власти потребовали от священнослужителей заключения типовых договоров на передачу общинам церковных зданий. В ответ шестнадцать ксендзов Молодечненской области во главе с деканом Курн-Гарбовским послали письмо на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР, в котором утверждалось, что по каноническому праву костелы и литургическая утварь принадлежат римскому папе, а не верующим. В Брестской области типовые договоры заключили только 2 костела из 14 действующих [193, л. 27]. К тому же многие ксендзы, не имея справок, дающих разрешение отправлять богослужения, разъезжали по приходам, организуя католические общины [193, л. 30].

Священнослужители не скрывали своего враждебного отношения к Советской власти. Ксендз Сечко из д. Липнишки Островецкого района Молодечненской области, узнав о создании пионерской организации в местной школе, провел «работу» среди родителей. Те избili своих детей и заставили их сдать галстуки. В результате из 89 детей в пионерской организации осталось только 30 [193, л. 35]. Ксендз д. Привалки Гродненского района говорил: «Из волка овечку не сделаешь, так вы не сделаете из меня гражданина СССР» [200, л. 57]. В целом, по Гродненской области подобной позиции придерживалось 62 священника [200, л. 56]. Костел поддерживал связь с подразделениями бывшей Армии Крайовой, оказывал им поддержку, а порой и руководил. Например, в Мостовском районе Гродненской области был арестован ксендз д. Рогозница за организацию антисоветского подполья [212, л. 81], а в Зельвенском районе Гродненской области – ксендз д. Кремяница [200, л. 58].

В 1947 году органы внутренних дел закрыли в Гродненской области 23 костела [200, л. 58], а в Брестской области количество католических храмов по сравнению с 1946 годов сократилось на семь костелов и составило в 1950 году 7 действующих приходов [213, л. 9].

Ксендзам предъявлялись обвинения в антисоветской пропаганде, в связях с подпольными польскими организациями, в передаче за рубеж государственных секретов, а когда не было оснований для задержания – в хранении антисоветской литературы. До 1947 года наиболее частыми были лишение свободы до 10 лет и ссылка в трудовой лагерь, после – 25 лет заключения. К этому добавляли конфискацию имущества и лишение гражданских прав на пять лет.

Миграции населения. Духовенство, обладая широким влиянием среди крестьян-католиков, призывало к переселению в Польшу, ведь 9 сентября 1944 года было подписано соглашение правительства БССР с Польским комитетом национального освобождения об эвакуации белорусов с территории Польши и поляков с территории Беларуси. А 6 июля 1945 года в связи с демаркацией государственной границы СССР к Польше отошло 7 районов Белостокской и 3 района Брестской областей. В июле 1946 года при переносе линии государственной границы на карты с масштаба 1:500 на карты масштаба 1:100 произошла передача Польше 27 населенных пунктов, а СССР – 18.

С января 1946 года отдел СНК БССР по делам перемещения и репатриации стал заниматься вопросом переселения поляков и белорусов. Выезд за границу предоставлялся лицам польской и еврейской национальностей, которые до 17 сентября 1939 года имели польское гражданство. В качестве доказательства они должны были предоставить польский паспорт с указанием национальности, или польский военный билет, или советский паспорт образца 1939–1941 годов, или справку из сельского совета [214, л. 21]. Репатриации не подлежали заключенные. Право на выезд им можно было получить только через три месяца после окончания срока осуждения.

Для проведения переселения была создана смешанная польско-советская комиссия, представительства которой находились в Белостоке, Августове, Слониме, Волковыске, Гродно и других городах. Ее уполномоченные осуществляли проверку права на выезд и подписывали эвакуационные удостоверения. Польские уполномоченные не имели права вмешиваться в любые распоряжения Комиссии, особенно в части признания права на переселение лиц, подавших заявления.

Эвакуационные удостоверения присылались из Москвы и заполнялись на русском и польском языках. Заполнять бланки необходимо было в одном помещении. Категорически запрещалось давать бланки представителям польской стороны. Заполненные удостоверения направлялись в местные органы НКВД, которые их вручали за десять дней до назначенного времени эвакуации [215, л. 1 – 2]. Органы НКВД проводили двойную проверку граждан, подавших заявления на выезд: первую – при поступлении заявлений (до первого ноября 1945 года), вторую – при выдаче эвакуационных удостоверений.

В постановлении СНК БССР от 5 апреля 1945 года были отмечены недостатки в организации работы по переселению в Польшу. Это случаи принуждения к выезду, регистрация белорусов-католиков, отсутствие серьезной политической работы («необходимо, чтобы выезжали друзьями, а не врагами»), незаконная конфискация имущества и т.п. [214, л. 23, 37]. Большую часть репатрируемых составили крестьяне (61,4 %), которые не только боялись массовой коллективизации, но и стремились получить льготы, даваемые переселенцам, а порой и не признавали Советскую власть.

Многие белорусы-католики регистрировались на выезд, чтобы использовать льготы, предоставляемые государством: освобождение от мобилизации в Красную Армию, от работ в промышленности, от государственных поставок и т.д. Так, в колхозе им. 17 Сентября Радунского района Гродненской области из 25 хозяйств пожелали переселиться в Польшу 16 дворов, после того, как ранее выехало 9 [216, л. 173]. В Васишишковском районе той же области на избирательном участке № 23 из 431 избирателя пожелали выехать 400 человек, а на участке № 26 – 636 из 686 [217, л. 21]. Среди крестьян ходили слухи, что проводимая регистрация на выезд – своего рода тайный плебисцит на определение лояльности к Советской власти. Партийно-советские органы проявляли недовольство тем, что на выезд в Польшу стали записываться белорусы.

Выезд осуществлялся в основном железнодорожным транспортом – специальными эшелонами. Однако в отдельных случаях формировали группы вагонов к проходящим составам. Сельским жителям разрешалось брать с собой не более 2 тонн имущества, а горожанам – не более 1 тонны. Разрешалось вывозить по одной единице вещей из натурального меха, меховых шапок, золотых часов без браслета, золотых изделий, золотых

очков, не более 400 граммов изделий из серебра, не более 1 килограмма черной икры на человека. Категорически запрещалось брать рояли или пианино, ковры восточной работы, полевые бинокли, предметы искусства, попугаев, собак служебных пород, оружие и др. [215, л. 20–21].

Большая часть репатриантов в Польшу выехала из Гродненской области (особенно из Сопоткинського, Васишишковського, Вороновського, Гродненського, Лидського, Волковыського районів) – 72,3 тысяч человек, 98 % которых составили поляки, 1,6 % – евреи. Однако смогли переселиться только 45 % лиц, подавших заявления. Высокая тяга к выезду наблюдалась среди жителей Камянецкого района Брестской области, Ивенецкого, Ново-Мышского, Ляховичского районов Барановичской области. В целом, по данным Г.Д.Княтько, на 15 января 1946 года зарегистрировалось на выезд 151 646 хозяйств (520 495 человек), а выехало 45 830 дворов (137 065 человек), или 26,3 % [218, с. 107]. К 31 мая 1948 года количество выехавших из БССР возросло до 77 843 хозяйств (248 402 человека) [219, с. 116].

Из Польши переезжали белорусы. На 31 мая 1948 года в республику прибыло 11 840 семей, или 39 453 человека [219, с. 116]. Согласно постановлению правительства, местные органы власти должны были обеспечить их жильем и хозяйственными постройками, компенсировать зерном, картофелем, фуражом имущество, оставленное в Польше, а также трудоустроить. Лиц, переселившихся из Польши, необходимо было наделить землей либо в колхозах, либо для единоличного хозяйства в размере не более пятнадцати гектаров на одно хозяйство. Переселенцы в 1944–1945 годах освобождались от государственных денежных налогов и страховых платежей. Кроме этого, они получали ссуду в пять тысяч рублей сроком на пять лет [220, л. 20].

На деле не все проходило должным образом. Например, в постановлении Гродненского облисполкома от пятого июня 1946 года отмечали нарушение положения о первоочередной передаче репатриантам домов лиц, выехавших в Польшу, халатное отношение со стороны райисполкомов к нуждам переселенцев и т.д. В частности, в Волковыском районе из 90 семей получили жилье 70, остальные разместились в школах, подвалах, частных квартирах [221, л. 20–21]. Из 649 хозяйств, прибывших в Гродненскую область на седьмое августа 1946 года, обеспечено жильем было только 400 [222, л. 29]. В записке начальника отдела переселения и репатриации Гродненской области Фундатора, направленной в Совет Мини-

стров БССР, отмечалось, что репатрианты из Польши не желали селиться в сельской местности. Он считал, что большинство прибывших – «искатели счастья». Имели место факты подделки документов [223, л. 21–22].

Также в республику возвращались реэмигранты из Франции, предки которых покинули или царскую, или Советскую Россию. В 1946 году в Гродненскую область прибыло 54 семьи (163 человека). Большая их часть была трудоустроена на табачную и обувную фабрики в г. Гродно, на сахарный завод в п. Скидель, в районные промкомбинаты Зельвы, Мостов, коопсоюз д. Лунно Мостовского района. Большинство переселенцев не имели профессиональной квалификации, советских денег, родственников, мебели. Дети не владели русским языком. Поэтому им оказывалась всесторонняя помощь [222, л. 32 – 35].

Индустриальное развитие страны осуществлялось также за счет поставок из села дешевой рабочей силы (оргнаборы) в фабрично-заводские, ремесленные и железнодорожные училища. Уклонение от них считалось преступлением. Юридической основой стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1940 года «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища». Он предусматривал наказание до одного года заключения в трудовой колонии.

Со второй половины 40-х годов разворачивается переселение семей в малонаселенные районы СССР. В 1949–1950 годах происходил набор переселенцев в Архангельскую, Калининградскую, Великолукскую области и Карело-Финскую ССР. На каждую область сверху была дана разрядка, которая распределялась по районам. Райисполкомы в течение двух недель доводили ее до сельских советов. Отбор желающих на переселение проходил в основном добровольно. При этом учитывалось, чтобы в семье было не менее двух трудоспособных членов. Если отсутствовал домашний скот, то с колхозных ферм предоставлялось по одной корове, одному поросенку, 5 – 10 голов птицы. Семьям, согласившимся на переезд, списывались недоимки по обязательным поставкам, денежным налогам, страховым платежам. Государство перевозило за свой счет до двух тонн имущества, освобождало в местах вселения от уплаты налогов и поставок в первом году полностью, а в последующие три года – на 25 %. Дополнительно предоставлялись денежное пособие и ссуды на строительство домов и закупку скота [224, л. 4 – 6].

3.2. Социально-экономическое развитие западнобелорусской деревни в июле 1944–1948 годах

Урон от оккупации. Фашистская оккупация нанесла значительный ущерб экономике Беларуси. Только в западных областях было уничтожено 117 тысяч жилых домов, 2 356 животноводческих помещений, 618 зернохранилищ, 88 овощехранилищ, 623 магазина, 14 электростанций. У крестьян отобрали и вывезли в Германию 31 997 голов крупного рогатого скота, 27 502 лошади, 18 722 головы свиней, 32 056 овец и коз [4, с. 82]. Грабительские действия оккупантов серьезно ослабили материально-техническую базу сельского хозяйства.

Экономическое положение крестьянства на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы. Восстановление аграрного сектора осуществлялось медленно. Единичные крестьянские дворы нуждались в государственной помощи. В БССР было направлено 15 тысяч сельхозмашин и орудий, 70 тысяч лошадей, 109 тысяч коров, более трех тысяч автомобилей, 420 тракторов [20, с. 77]. Правительство республики утвердило на 1945 год план кредитования крестьянства на десять миллионов рублей.

Главная задача, поставленная перед сельским хозяйством западных областей Беларуси на 1944-1945 годы, заключалась в успешном проведении уборки урожая, сенокоса, обработки паров единоличниками, а также в организации производства в брошенных хозяйствах и имениях до того, как стали восстанавливаться колхозы. Данные вопросы рассматривались на сельских сходах и районных совещаниях крестьян, состоявшихся в августе-сентябре 1944 года. В деревню был направлен партийный актив для проведения разъяснительной работы, что дало положительный результат. Вот один из примеров. Домачевский райком КП(б)Б докладывал в Брестский обком партии, что по состоянию на 22 августа 1944 года из 2 063 гектаров зерновых убрано 2 047 гектаров, заскородовано 1 477 гектаров, обмолочено 99 гектаров, поднято паров 78 гектаров. Крестьяне заготовили 273 центнера продовольственного зерна, 289 центнеров картофеля, 78 центнеров овощей, 189 центнеров мяса. Кроме этого, они добровольно сдали в местный госпиталь 300 килограммов овощей, одну тонну картофеля, 200 килограммов яблок, 1 350 посылок [225, л. 3].

Несмотря на трудное послевоенное время, крестьяне западных областей Беларуси сдавали хлеб в фонд Красной Армии. Жители Брестской области собрали 500 тысяч пудов зерна и картофе-

ля [208, л. 13 обл.]. В 1945 году осуществлялась заготовка сельскохозяйственной продукции в Фонд Победы советского народа над фашистской Германией. Колхозы Гродненской области сдали 57 тысяч пудов зерна, а Пружанского и Малоритского районов Брестской области – 54 тысячи пудов [25, с. 20].

В «Гродненской правде» 26 января 1945 года была напечатана статья, в которой говорилось: «Кто думает, что единоличные крестьянские хозяйства засеют и без нас, тот не отражает политики большевистской партии и Советского государства» [226]. В частности, сообщалось, что Иван Брушкин из д. Гущицы Гродненского района, закончив сев на своем участке, помог Евгении Синкевич, два сына которой находились в рядах Красной Армии [227]. Почин поддержала молодежь и, в первую очередь, комсомольцы. В Мостовском районе Гродненской области они помогли убрать и обмолотить 65 тонн зерна семьям погибших солдат и военнослужащих [228].

В каждом районе Брестской области были созданы семенные фонды помощи, из которых 3 438 семей фронтовиков, инвалидов и других категорий населения, имевших право на льготы, получили 20 742 пуда зерновых и бобовых, 19 584 пуда картофеля. Благодаря крестьянской взаимопомощи 13 009 безлошадных хозяйств засеяли 18 015 гектаров земли [229, л. 18].

Большую помощь в севе и уборке первого послевоенного урожая крестьянам западных областей Беларуси оказали воины Красной Армии. Исполкомы районных и областных советов ходатайствовали перед командованием об оказании помощи. Необходимо признать, что не везде отношения между солдатами и населением складывались идеально. Были случаи взаимного непонимания. В документах находим такие строки: «Жители... жалуются, что бойцы самовольно забирают из копей траву, производят покосы, по посевам озимых ездят на повозках»; «Наблюдаются массовые случаи, когда отдельные бойцы самовольно производят обыски, изымая у населения всевозможные вещи, скот, предметы» [230, л. 20]. Или другой пример: «На территории Радежского, Збурожского сельских советов Малоритского района, Медновского, Чарского сельских советов Домачевского района военнослужащие кавказского полка самовольно изымали у крестьян рожь, овес, сено, картофель, скот» [205, л. 243, 248 – 254]. Представители Советской власти относились к таким случаям предельно строго, требовали немедленного составления актов и передачи их на расследование уполномоченным НКВД.

Большую помощь в это трудное время государство оказывало хозяйствам, пострадавшим от немецкой оккупации. Им выдавались кредиты на постройку домов, приобретение скота и т.д. По состоянию на 20 сентября 1945 года в Брестской области заново построили 3 895 и восстановили 2 426 домов. В землянках осталось жить 2 015 семей [231, л. 61].

В 1946 году домой стали возвращаться демобилизованные воины Красной Армии. Они получали льготные кредиты на восстановление своего хозяйства в сумме тридцати тысяч рублей сроком на десять лет [232, л. 30]. В том же году правительство республики разработало программу различных мероприятий, направленных на подготовку строительных кадров. Предусматривалось открытие специальных школ и курсов для обучения соответствующим профессиям, создание постоянных строительных бригад при каждом сельском совете. Партийно-советские органы осуждали «практику строительства маленьких избенок» [233, л. 6].

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года «О неотложных мерах по восстановлению сельского хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» были предоставлены льготы семьям воинов Красной Армии и партизан, у которых имелись дети до семи лет, или один трудоспособный родитель, или нетрудоспособные родители, а также колхозным специалистам, учителям [234, л. 163]. К примеру, в Гродненской области льготы по обязательным поставкам предоставили 7 242 хозяйствам. Из них 2 038 дворов – престарелые хозяйки, 36 – инвалиды, 4 239 – воины Красной Армии, 929 – семьи, пострадавшие от оккупации [235, л. 26].

Необходимо отметить, что все проводимые меры помощи касались только бедняцко-средняцких хозяйств. Богатые крестьяне, а порой и зажиточные, изначально считались кулаками, врагами Советской власти. То, что многие из них пострадали во время военных действий, в расчет не принималось.

После победы в Великой Отечественной войне перед советским государством встала проблема выбора пути экономического развития. Ведь война привела к некоторому ограничению волонтаристской практики: контроль государства над различными формами свободного рынка был ослаблен.

Возвращение к мирным условиям жизни предполагало или поддержать наметившиеся направления эволюции, или отвергнуть их и вернуться к модели развития 30-х годов. В феврале-марте 1946 года И.В.Сталин вновь провозгласил лозунг, выдвинутый не-

задолго до войны: завершение строительства социализма и начало перехода к коммунизму. По его мнению, война лишь задержала выполнение этой задачи. Поворот был сделан.

В то же время партийные организации, сосредоточив главное внимание на решении текущих хозяйственных мероприятий, пустили на самотек задачу коллективизации сельского хозяйства. В постановлениях бюро ЦК КП(б)Б за 1944–1948 годы давалась неудовлетворительная оценка работы Несвижского, Сморгонского, Кобринского, Лидского, Докшицкого райкомов, Гродненского, Брестского, Молодечненского обкомов партии по вовлечению крестьян в колхозы. Отмечались такие недостатки, как небольшой процент дворов в коллективных хозяйствах, их батрацко-бедняцкий состав, нарушение принципа добровольности и др.

Историческая достоверность требует признать, что количество восстановленных колхозов в западных областях Беларуси было невелико: в 1944 году – 37, 1945 – 112, 1946 – 116, 1947 – 128, 1948 – 215 [35, с. 89]. Это объясняется тем, что большинство крестьян продолжало связывать надежды на лучшую жизнь с развитием индивидуального хозяйства. Старая деревня неохотно расставалась с прошлым, находясь под гипнозом тех привычек, которые столетиями формировались в сельской среде. Отказаться от этого наследия она так просто не могла и не хотела. Уж очень велика была тяга крестьян к своей земле, да многие просто не понимали, каким образом можно работать сообща в одном колхозе. Возвращение к частному хозяйствованию в годы немецко-фашистской оккупации вытеснило из сознания сельских тружеников идею коллективного хозяйствования, которую пытались заложить в предвоенные годы. Не случайно 20 января 1945 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О политической работе партийных организаций среди населения западных областей Белоруссии», поставившее задачу перевоспитания общества в духе советского патриотизма и ненависти к немецким оккупантам, хотя после оккупации прошло уже пять месяцев [44, с. 501].

Уже в 1944–1945 годах партийно-советские работники провели беседы с крестьянами бывших колхозов о возможном восстановлении сельхозартелей, обещая им посевы немецких имений и помощь со стороны государства. Однако сельские жители в большинстве своем заявляли: «Нам колхозы не нужны!» [236, л. 4]. Особенно противились коллективизации женщины, чьи мужья были мобилизованы в Красную Армию. Положительно отнеслись к идее коллективного труда, как и в предвоенные годы, батраки бывших помещичьих имений и незначительная часть бедняцких дворов.

Следует отметить, что процент данных хозяйств уменьшился в связи с реализацией постановления СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 21 октября 1944 года «О восстановлении предельных норм землепользования». Максимальный размер надела на один крестьянский двор устанавливался от 10 до 15 гектаров в зависимости от местных условий. В 1944–1946 годах земельные комиссии при сельских советах отрезали землю у 26 384 хозяйств (10,7 %) в государственный фонд [4, с. 85]. Туда же перешло 120 056 гектаров бывших немецких имений. На примере Гродненской области можно рассмотреть распределение государственного фонда на 1 июля 1946 года. Колхозам было передано 8 748 гектаров земли, безземельным хозяйствам – 11 262 гектара, малоземельным – 30 699 гектаров, семьям, переехавшим из Польши, – 1 649 гектаров, совхозам и подсобным хозяйствам – 34 715 гектаров [202, л. 70].

Создание подсобных хозяйств. Свободные земли государственного фонда, совхозов, лесничеств, полос отчуждения, шоссейных и железных дорог закреплялись за предприятиями на срок от 5 до 7 лет [35, с. 71]. Подобная мера при слабости и малочисленности колхозов была направлена на создание подсобных хозяйств, которые, по мнению правительства, должны были снизить остроту продовольственной проблемы в стране. В подсобных хозяйствах, организованных предприятиями и учреждениями, половина произведенного мяса, зерна, рыбы и овощей после засыпки семенных фондов и выполнения обязательств перед государством использовалась для улучшения питания в столовых, буфетах и т.д.

Однако эффективность подсобных хозяйств не соответствовала продовольственным потребностям, что во многом объясняется организационными трудностями: нераспаханностью полученной земли, отсутствием квалифицированных специалистов, нарушением агротехники, недостатком тягловой силы. Поэтому себестоимость продукции в подсобных хозяйствах была в 2–3 раза выше, чем средняя по республике. Сами же предприятия и организации большое количество финансовых средств выделяли на аренду земли и покупку кормов. В 1949 году Совет Министров БССР рассмотрел вопрос о перспективах развития подсобных хозяйств в республике. Им были предоставлены налоговые послабления. Однако стало очевидно, что ставка на решение продовольственной проблемы через организацию подсобных хозяйств предприятиями и учреждениями себя не оправдала.

Крестьянское землепользование в первые послевоенные годы. Наделение крестьянских дворов землей затянулось до 1947 года по

причинам сильного разорения хозяйств, отсутствия в них лошадей, сложной общественно-политической обстановки. Параллельно прослеживается тенденция к осереднячиванию деревни, о чем свидетельствуют статистические данные по западным областям Беларуси (см. табл. 12).

Таблица 12

Размер крестьянского землепользования в западных областях Беларуси в первые послевоенные годы

Группа землепользователей	Было на 1.9.1944 г.		на 1.9.1946 г.	
	Количество хоз-в	%	Количество хоз-в	%
безземельные	32 589	5,4	нет	нет
До 1 га	59 888	9,8	22 431	3,8
От 1 до 3 га	161 826	25,2	120 277	20,4
От 3 до 5 га	133 011	21,9	171 276	29,0
От 5 до 10 га	170 376	27,7	221 291	37,7
Свыше 10 га	61 714	10,0	54 251	9,1

Примечание: таблица использована автором из отчета секретаря ЦК КП(б)Б П.К.Пономоренко // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 232.

С 1944 по 1946 год наблюдался рост числа крестьянских хозяйств с количеством земли от 5 до 10 гектаров – на 50 036, а число дворов с количеством земли до 3 гектаров сократилось на 79 036 дворов.

Колхозы получили 38 548 гектаров земли, а совхозы западных областей – 42 280 гектаров [40, с. 232]. Однако практическая деятельность восстановленных колхозов и совхозов не укрепляла стремление крестьянства к созданию обобщественного сектора на земле.

Коллективный сектор в первые послевоенные годы. Коллективные хозяйства ощущали острую нехватку инвентаря, семян, удобрений, что затрудняло восстановление аграрного сектора. Неудовлетворительный характер носила организация труда. Во многих колхозах отсутствовали нормы выработки, не составлялись производственные и рабочие планы, не были заведены трудовые книжки, не организованы звенья и индивидуальная сдельщина. У

работников сельхозартелей отсутствовали экономические стимулы к труду, ведь оплата носила опосредованную форму трудодней. Они стали нормой контроля, что напоминало барщину. В Гродненской области выплаты на один трудодень за 1945 – 1947 годы в среднем составили: зерна – 2,5 килограмма, картофеля – 2 килограмма, денег – 97 копеек (см. табл. 13).

Таблица 13

Выплаты на один трудодень колхозникам Гродненской области за 1945 – 1947 годы (в среднем)

Годы	Натуральные выплаты (в кг)		Денежные выплаты (в руб.)
	зерном	картофелем	
1945	2,5	1	0,4
1946	2	1	0,5
1947	3	4	1-2

Примечание: таблица составлена автором по материалам Государственного архива общественных объединений Гродненской области, ф. 1, оп. 1, д. 61, л. 71; д. 90, л. 3.

Натурально-денежные доходы колхозников росли постепенно. Уже в 1948 году по Брестской области они составляли (в среднем): зерновые – от 2 до 4 килограммов, картофель – от 6 до 8 килограммов, овес – от 1 до 2,5 килограммов [237, л. 173]. Средние показатели по республике были еще ниже. На первое января 1948 года 94 % колхозников не получили за работу денег, 65 % – картофеля, 41 % выдали на один трудодень по 200 граммов зерна.

Ярким свидетельством отношения колхозников к общественному производству являлось выполнение установленного государством минимума трудодней. В Пинской области за первое полугодие 1947 года 40 % членов сельскохозяйственных артелей не выработали обязательной нормы трудового участия [238, л. 16–17], в Докшицком районе Полоцкой области – 25 % [239, л. 6], в Дивинском районе Брестской области – 50 % за 1948 год [237, л. 153]. Причем начала складываться практика приписок председателями колхозов, счетоводами и другими должностными лицами трудодней в собственные учетные книжки. В колхозе «Новая жизнь» (д. Новоселки Муровского сельского совета Шерешевского района Брестской области) председатель заработал 107 трудодней, а допол-

нительно записал 149, получив выплату за 256. Аналогичным образом поступил и бригадир [237, л. 21]. К тому же во многих хозяйствах жены руководящих работников формально числились членами сельхозартелей, подавая отрицательный пример другим колхозникам и, прежде всего, колхозницам.

Отдельные колхозы и даже райкомы КП(б)Б занижали урожайность сельскохозяйственных культур. В Кобринском, Ружанском, Пружанском, Домачевском районах Брестской области, например, она была уменьшена на 2-3 центнера [240, л. 36–37]. Это давало возможность, с одной стороны, снизить показатели заготовительного плана на следующий год, а с другой – оставить больше продукции колхозникам на трудодни.

Эффективность работы колхозов и совхозов оставалась низкой, о чем свидетельствует урожайность основных выращиваемых культур. В 1946 году урожайность (по сравнению с 1945 годом) озимой ржи уменьшилась с 6,5 до 3,6 центнеров с гектара, озимой пшеницы – с 7,7 до 3,6 центнеров с гектара [241]. В Брестской области в 1947 году собрали зерновых в среднем 5,7 центнеров с гектара, картофеля – 104,3 [242, л. 60]. Во многом столь низкий показатель обуславливался недостаточным уровнем агротехнической обработки полей, истощением почвы, отсутствием специалистов и техники, недостатком минеральных и органических удобрений, что было напрямую связано со слабым развитием общественного животноводства. Сказались и несовершенная организация труда, и низкая трудовая и исполнительская дисциплина. Особо негативное влияние на развитие деревни оказала засуха 1946 года, охватившая 32 района БССР. По своим последствиям она была более тяжелой, чем засухи 1891 и 1921 годов. В целом, по СССР утраты составили 4,3 млн. посевов. Чтобы не допустить повторения ситуации, в 1948 году был принят «сталинский план преобразования природы» «О плане полезащитных лесонасаждений». По мнению академика А. А. Никонова, он представлял собой реальный и эффективный проект. Однако в начале 50-х годов он был закрыт по политическим мотивам [243, с. 275–276].

Особенно остро стоял вопрос «кадрового голода». Коллективные хозяйства ощущали нехватку специалистов сельского хозяйства. Даже штат Наркомата земледелия БССР на начало весны 1945 года был обеспечен на 25 %. Квалифицированные кадры в основном набирались из партизан и демобилизованных воинов Красной Армии. Позднее молодые специалисты стали поступать по направлению Министерства сельского хозяйства СССР. В республи-

лике проблема решалась методом подготовки кадров на курсах при МТС и в годичных сельскохозяйственных школах.

Напряженная ситуация сложилась в западных областях БССР. Например, в 1946 году обеспеченность Гродненской области агрономами составила только 42,2 % от потребности, ветврачами – 37 %, зоотехниками – 35,9 %. Ситуация не улучшилась и в 1947 году. Это подтверждают данные таблицы 14.

Таблица 14

Наличие и потребность в специалистах сельского хозяйства
в Гродненской области в 1946–1947 годах

Категории специалистов	1946 год		1947 год	
	Имеется в наличии	Из них работает по специальности	Имеется в наличии	Из них работает по специальности
агрономы	106	101	178	115
ветврачи	20	20	28	25
ветфельдшеры	58	55	126	111
зоотехники	28	25	44	25
землеустроители	26	20	26	20

Примечание: таблица составлена автором по материалам Государственного архива общественных объединений Гродненской области, ф. 1, оп. 1, д. 61, л. 40; д. 92, л. 36.

Подавляющее большинство направляемых специалистов работало в районных сельскохозяйственных отделах, на машинно-тракторных станциях и в других организациях, но не в деревне. Только 8,4 % агрономов, 11,4 % зоотехников и 17,9 % ветврачей области работало в колхозах и совхозах.

Чтобы привлечь специалистов к работе в сельской местности, была распространена практика предоставления льгот. По постановлению СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 25 декабря 1945 года «О мерах по бытовому устройству агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и землеустроителей, работающих в сельском хозяйстве и проживающих в сельской местности» предусматривалось выделение приусадебных участков до 0,25 гектара, включая площадь построек, освобождение с 1946 года от государственной

сдачи картофеля, получение трофейного скота (по одной корове и одному теленку) по официально установленным ценам, строительство домов, предоставление кредита до семи тысяч рублей сроком на шесть лет [244, л. 14–15].

Сложная ситуация наблюдалась в обеспечении крестьянства тягловой силой, ведь за годы оккупационного режима резко сократилось поголовье скота. В целом по БССР, уборка урожая в 1945 году осуществлялась на 90 % вручную. В 1946 году во всех отраслях народного хозяйства республики насчитывалось 636,4 тысяч лошадей (54,8 % от довоенного уровня). 57% лошадей находилось в индивидуальных хозяйствах, 36,2 % – в колхозах.

Несколько более сложной была ситуация с живым тяглом в западных областях республики. Практического увеличения поголовья лошадей здесь не произошло из-за небольшого количества колхозов. А малоземельные крестьяне были не в состоянии приобретать лошадей. В частности, в Гродненской области в августе 1946 года насчитывалось 26,8 % крестьянских хозяйств, не имеющих тягловой силы [236, л. 70]. Проблема решалась методами предоставления кредитов на покупку скота, открытия со второй половины 1945 года машинно-конно-прокатных пунктов (МКПП) по 30–40 лошадей и восстановления машинно-тракторных станций (МТС). Например, в Брестской области было создано четырнадцать МКПП, которые имели 420 лошадей. Причем 30 % находилось в истощенном состоянии, так как их выбраковали из Красной Армии [225, л. 130]. В пятнадцати МКПП Гродненской области насчитывалось 159 лошадей. План 1945 года был выполнен на 40,9 % [202, л. 73]. Повсеместно наблюдался падеж животных вследствие нехватки кормов, неудовлетворительного ухода за ними и других факторов. В результате слабости и неудовлетворительной работы МКПП и МТС в 1946 году они оказали помощь в западных областях республики только трем процентам безлошадных хозяйств [40, с. 233].

В первые послевоенные годы машинно-тракторные станции не соответствовали потребностям аграрного производства. Тракторный парк был меньше довоенного, не хватало запасных частей для машин, большинство механизаторов не имело требуемой квалификации. В 1946 году на 15 МТС Гродненской области приходилось 59 тракторов [202, л. 72]. План работы на 1945 год был выполнен на 72,2 %, а в Брестской области – на 45,2 % [229, л. 63]. В последующие годы ситуация стала улучшаться, что было связано с переходом экономики на мирные рельсы развития и с получением техники по репарациям из Германии. К первому ноября 1949

года в западных областях Беларуси имелось 78 МТС. Их парк составлял 858 тракторов, 17 зерноуборочных комбайнов, 185 автомашин. Постановлением Совета Министров СССР от 23 октября 1949 года «О мерах помощи сельскому хозяйству западных областей Белоруссии» предусматривалось дополнительно организовать 45 МТС, начать строительство Гродненского, Сморгонского, Минского ремонтных заводов, 28 складов, 43 пунктов по завозу минеральных удобрений [18, с. 112–113]. Уже к началу 1951 года было создано 123 машинно-тракторные станции с тракторным парком в 2 616 машин. Объем механизированных работ составил 237,2 % к довоенному времени [23, с. 13–14]. Однако критерий оценки деятельности МТС не заинтересовывал их в соблюдении правил агротехники. Проводимые работы фиксировались по формальным показателям – выполнению плана тракторных работ в условных гектарах мягкой пахоты без учета выполнения по видам. Это породило практику перевыполнения плана нетрудоемких работ в ущерб трудоемким. Начисление натуральной оплаты с видовой урожайности не заинтересовывало МТС в полном сохранении и уборке урожая. К тому же машинно-тракторные станции обслуживали в основном подсобные хозяйства промышленных предприятий, колхозы и совхозы. Середняк – главная фигура в деревне – оставался в стороне, а ведь ему принадлежало более 90 % посевных площадей [91, с. 214]. С другой стороны, крестьяне с недоверием относились к механизаторам. В.П.Гавриленко, работавший старшим механиком Свислочской МТС Гродненской области, вспоминал: «Пришлось приложить немало сил и энергии, чтобы преодолеть предрассудки и привычки частного землевладения. Как тяжело давалось распахивание меж. Долго еще мы не могли пускать плуг поперек поля. В некоторых деревнях трактористов не принимали на постой» [57, с. 64].

С целью улучшения положения в аграрном секторе республики Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) в сентябре 1946 года приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», по которому были списаны десятки тысяч неправильно начисленных трудодней, восстановлены земельные шнуровые книги, ряду колхозов вручили Государственные акты на вечное владение землей, сокращены штаты колхозной администрации.

Февральский (1947 года) Пленум ЦК ВКП(б) отметил существование уравниловки в начислении трудодней и распределении доходов вне зависимости от результатов работы бригад и звеньев,

вследствие чего многие колхозники оказывались в невыгодном положении. С весны 1948 года в сельскохозяйственных артелях были введены прогрессивные нормы выработки. По сравнению с прежними они выросли на 12 – 20 % в зависимости от вида работ [35, с. 87–88].

Чтобы усилить контроль за соблюдением Устава сельхозартели, оградить колхозников от попыток его нарушения, в октябре 1948 года был образован Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР, который имел своих представителей в каждой республике в качестве контролеров от центра. 15 января того же года из Министерства земледелия БССР выделился самостоятельный орган – Министерство животноводства БССР. Цель подобной реорганизации управления сельским хозяйством заключалась в углублении специализации и совершенствовании руководства аграрным сектором [35, с. 105].

С целью экономической поддержки деревни в 1948 году правительство СССР приняло постановление «О мерах помощи сельскому хозяйству Белорусской ССР в 1949 году». Намечалось поставить в республику 3 тысячи тракторов, 2 тысячи плугов, 1,1 тысяч сеялок, 600 сложных молотилок и другую технику.

Со второй половины 40-х годов разворачивается электрификация сельского хозяйства. Силами крестьян на малых реках республики стали возводиться небольшие электростанции. До конца 1947 года в БССР их насчитывалось 162. В 1948 году вступило в строй еще 100. Однако они не удовлетворяли полностью потребности колхозного производства. На начало 1950 года плановые задания по электрификации были выполнены по колхозам на 23 %, по МТС – на 54 %. Особенно медленно данный процесс осуществлялся в Брестской и Гродненской областях. У колхозов отсутствовали необходимые денежные средства и стройматериалы (металл, цемент). Если в 1948–1949 годах сельхозартели могли присоединяться к коммунальным электростанциям, то постановление Совета Министров СССР от 29 июня 1950 года это запретило [245, л. 126].

Налоговая система. После изгнания немецко-фашистских захватчиков государство восстановило дифференцированную (классовую) налоговую систему, в основе которой находились обязательные поставки. Колхозы в силу их небольшого количества и низкой рентабельности несли меньшее налоговое бремя. Плановые задания для них были в 2 – 4 раза меньше. Несомненно одно: единоличный сектор доминировал в аграрном производстве и кормил страну. Однако государство обязательные поставки сделало прогрес-

сивным налогом, чтобы сдерживать развитие крупного частного хозяйства, которое ассоциировалось с кулацким. Рассмотрим, к примеру, поставки зерна с урожая 1946 года (см. табл. 15).

Таблица 15

Размер обязательных поставок зерна колхозами и единоличными хозяйствами западных областей БССР в 1946 году (в кг с га)

Области	Колхозы	Единоличные хозяйства с наделами			
		до 2 га	2-5 га	5-10 га	свыше 10 га
Барановичская	35-50	85-100	95-120	110-140	150-180
Брестская	30-50	60-80	80-120	110-150	150-180
Гродненская	35-55	80-125	100-145	125-165	155-195
Молодечненская	30-40	60-70	80-90	105-115	130-145
Пинская	30-50	60-100	75-120	95-145	130-180

Примечание: таблица составлена автором по материалам Национального архива Республики Беларусь, ф. 4, оп. 61, д. 295, л. 6.

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 15, хлебопоставки начислялись по крестьянским хозяйствам дифференцированно, в зависимости от количества земли и ее качества. Размер обязательных поставок для дворов с площадью более 10 гектаров был в 1,8 – 2,5 раза больше, чем для хозяйств с количеством земли до 2 гектаров.

Данный государственный налог ежегодно увеличивался. По сравнению с 1944 годом он вырос в 1,4 раза [234, л. 159]. В справке о политических настроениях крестьянства, составленной органами госбезопасности по Брестской области (1946 год), указывалось, что сельские жители проявляли недовольство практикой хлебозаготовок, так как урожайность оказалась ниже, чем в 1945 году, а размер хлебосдачи увеличился. Активно распространялись следующие слухи: «Англия и Америка приказали Советскому Союзу хлеб с белорусов не брать»; «Сюда придут представители Польши и проверят правильность начисления хлебопоставок на белорусов» [205, л. 173–174].

Помимо этого, крестьяне облагались денежными налогами. На первом месте стоял сельскохозяйственный налог, размеры ко-

того исчислялись в 700 рублей за один гектар пашни, за сенокос – 350 рублей, за сад – 3 000 рублей, за лошадь – 1 000 рублей, за корову – 1 200 рублей [246, л. 5].

Нужно сказать о том, что в ходе войны колхозники и единоличные крестьянские хозяйства еще должны были платить военный налог, размер которого составлял 150 рублей. С окончанием военных действий его отменили. Каждый крестьянский двор выплачивал налог со строений, государственную пошлину, земельную ренту, налог с холостяков, малосемейных. Если сельский труженик не мог рассчитаться с государством, то в силу вступало постановление СНК СССР от 24 ноября 1942 года «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов колхозниками и единоличными хозяйствами». В нем предусматривались следующие меры наказания.

1. За нарушение срока поставок – штраф в размере двукратной стоимости не сданной в срок продукции.

2. Если недоимки невозможно взыскать в натуре, они взыскиваются в деньгах.

3. Неоднократные недоимки предполагают уголовную ответственность по статье 59 С [247, л. 3].

Только по Брестской области за невыполнение государственных поставок в 1945–1946 годах было осуждено 1 043 человека, оштрафовано – 721 [248, л. 9].

Меры ответственности вводились суровые, налоги для многих хозяйств, разоренных войной, оказались непосильными. Крестьяне стремились скрыть количество земли и скота от финансовых агентов. В 1945 году в Гродненской области было выявлено скрытых 134 тысячи гектаров пашни, в 1947 году – 50 тысяч гектаров. Заготовительные органы западных областей не учли в 1948 году 10 522 коровы, 1 678 первотелок, 30 929 овец, скрытыми от финансирования оказалось более 3 500 голов крупного рогатого скота и 5 150 голов мелкого рогатого скота [249, л. 30].

Кроме этого, допускалось бюрократическое отношение к нуждам крестьян, были зарегистрированы случаи прямого злоупотребления со стороны уполномоченных по сбору налогов. Вот что говорят документы: «Имелись случаи, когда уполномоченные по сбору налогов, выполняя постановления СНК СССР от 24 ноября 1942 года, описывали имущество по ценам, которые значительно превышали государственные и даже местные рыночные цены». В сентябре 1946 года агент по заготовкам и уполномоченный Сопроненского сельского совета Свирского района Молодечненской облас-

ти избили 68-летнюю крестьянку д. Завиденты М.Н.Костечко, забрали и продали ее корову. В апреле 1947 года уполномоченный Константиновского сельского совета, угрожая оружием, изъял у жителя д. Константиново Р.Ф.Неверовского его лошадь. Тогда же в Выголенском сельском совете у крестьян под видом сбора недоимок прошлых лет было взыскано без выдачи квитанций 320 кг зерна и 575 кг картофеля [190, л. 48–49].

Подобные факты вызывали осуждение со стороны партийно-советских органов, но еще большим, по их мнению, преступлением являлись попытки крестьян сорвать хлебопоставки. В августе 1945 года вышло постановление СНК БССР о запрещении торговли хлебом до выполнения обязательных хлебозаготовок. Однако крестьяне стремились зерно первого обмолота превратить в муку для продажи на рынке. В Пинской области по состоянию на 12 августа 1947 года не приступили к сдаче хлеба 50 % единоличных хозяйств, в Гродненской – более 70 % [238, л. 9]. Недоимки становились обычным явлением. Государственные поставки в большинстве случаев не выполнялись по причине их непомерно высокого размера. При планировании сдачи сельскохозяйственной продукции государство исходило из своих потребностей, а не из возможности деревни. Налог на все, чем владел крестьянин, был настолько велик, что содержать скот, выращивать фруктовые деревья оказалось попросту невыгодным делом. Всему этому имелося теоретическое обоснование: крестьянин должен большую часть времени отдавать коллективному производству. К тому же возникла потребность в средствах для успешного выполнения четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства БССР (1946 – 1950 годы). Если промышленность Беларуси за годы пятилетки получила 982,5 миллиона рублей капитальных вложений и 701,9 миллиона рублей государственных дотаций, то сельское хозяйство – соответственно 170,7 и 154,6 миллиона рублей [35, л. 23].

Сильно подорвала положение крестьян денежная реформа 1947 года, так как в большинстве своем люди хранили деньги дома, а не в сберегательных кассах.

Крестьянство, недовольное подобной политикой Советской власти, роптало, боясь открыто высказать свое несогласие. Но были случаи, когда партийно-советские работники выступали с протестом. В частности, член ВКП(б), бывшая партизанская связная, секретарь Антопольского подпольного райкома комсомола, а в послевоенный период заведующая женским отделом Антопольского райкома КП(б)Б Брестской области написала и расклеила в районном

центре листовки следующего содержания: «Смерть секретарям райкома КП(б)Б!», «Конец Советской власти. Народ, не подчиняйся, мсти коммунистам!», «Смерть всем коммунистам, сволочам!». Свой поступок она мотивировала несогласием с политикой партии в деревне (налогами, хлебозаготовками и т.п.) [250, л. 125]. В январе 1946 года был рассмотрен вопрос о работе прокурора Мостовского района Гродненской области. Его вина заключалась в том, что не были привлечены к уголовной ответственности крестьяне, не выполнившие картофелепоставки. А в июне того же года из рядов партии исключили адвоката Мостовского районного суда Лихачева за высказанное мнение об отсутствии кулаков и жестоких мерах наказания за недопоставки [251, л. 3]. Директор Рогозницкого крахмально-паточного завода Говшинский возразил уполномоченному по проведению четвертого государственного займа, заявив, что у рабочих нет денег. Он был арестован органами НКВД, когда уезжал на постоянное место жительства в Польшу [191, л. 131].

«Борьба» с кулачеством. Классовый характер налоговой политики в изучаемый период проявлялся в предоставлении льгот и в обложении твердым заданием. От уплаты освобождались хозяйства семей военнослужащих, партизан и граждан, потерявших имущество в годы оккупации, но с разрешения местных властей. В западных областях Беларуси данную льготу получили 167 872 человека, что составило 19 % от общего числа [4, с. 88]. Эта часть западнобелорусского крестьянства впоследствии полностью поддержала идею массовой коллективизации сельского хозяйства и была заинтересована в ликвидации кулачества. Зажиточная и богатая прослойка деревни в 1944 – 1948 годах ощущала сильное налоговое давление со стороны государства. Выступая на заседании бюро Мостовского райкома партии 12 января 1947 года, первый секретарь Гродненского обкома КП(б)Б П.З.Калинин говорил: «Вы знаете, что кулак добровольно хлеб никогда не сдавал. Это истина, что у кулака всегда брали хлеб. Сейчас нас ориентируют не только на то, чтобы наши уполномоченные прибывали в деревню и изымали хлеб... на то, что должно быть проявлено больше требовательности» [201, л. 8].

Шестого сентября 1947 года вышло постановление Совета Министров БССР «О налоговом обложении кулацких хозяйств западных областей». Устанавливалась новая шкала ставок налога. Для приусадебных дворов колхозников она снижалась на 50 %, для середняцких – увеличивалась на 18,3 % и прогрессивно росла для кулацких дворов. При доходе кулацкого хозяйства от 10 000 руб.

надбавка к налогу устанавливалась в размере 20 %, при доходе от 10 000 до 15 000 руб. – 30 %, при доходе свыше 15 000 – 50 % [40, с. 234]. Правительство потребовало при принудительном взыскании с кулацких хозяйств неуплаченных в установленные сроки сумм налога не применять постановление СНК СССР от 2 сентября 1945 года «Об установлении... дополнительного перечня имущества, не подлежащего изъятию у недоимщиков...».

Главными критериями в определении кулацкого хозяйства были систематическое использование наемных работников, сезонных работников, отработок, получение дохода от сдаваемых в аренду машин, от эксплуатации мельниц, маслобоек, крупорушек и др., наличие дохода от скрытой аренды земли, систематическая скупка сельскохозяйственной продукции у крестьян с целью перепродажи или обмена. Местные советские органы власти получили право составлять списки кулацких хозяйств. Широкие полномочия и отсутствие четких критериев приводили к нарушениям принципа классовой идентификации со стороны местных органов власти. К тому же в проведении раскулачивания была заинтересована батрацко-бедняцкая часть деревни, так как конфискованное имущество или передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов, или распределялось между крестьянами.

Вот, например, постановление Молодечненского райисполкома (1947 год):

«Слушали: об отнесении в списки кулацких хозяйств в Мяотском сельском совете.

Рассмотрев предоставленный материал исполкомом Мяотского сельского совета об отнесении к кулацкому хозяйству гражданки д. Костюшки... Пахом Анны Адамовны, 1888 года рождения, семья состоит:

1. Пахом Мария Романовна, 1912 года рождения, невестка;
2. Пахом Антон Петрович, 1940 года рождения, внук;
3. Пахом Михаил Петрович, 1941 года рождения, внук.

В хозяйстве... имеется земли и имущества: а) пашни – 7,95 гектаров, б) огорода – 0,04 гектара, в) сада – 0,05 гектара.

Из скота: 1 лошадь, 1 корова, 2 овцы, 2 свиньи.

В хозяйстве... систематически постоянно применяется сезонная наемная сила» [50].

При взыскании недоимок с кулацких хозяйств финансовые агенты не имели права взыскивать жилой дом, зимнюю и летнюю одежду, обувь, белье и другие предметы домашнего обихода. Однако скот (в том числе и последняя корова), продукты питания, корм

для скота, весь сельскохозяйственный инвентарь подлежали изъятию в погашение недоимок.

На бюро ЦК КП(б)Б в декабре 1948 года рассматривался вопрос «О фактах нарушения закона при налоговом обложении кулацких хозяйств в западных областях Белоруссии». Указывалось, что в ряде районов Барановичской, Молодечненской, Гродненской областей имеют место случаи, когда некоторые кулацкие хозяйства остаются не обложенными по нормам данной категории дворов. И в то же время середняцкие хозяйства вносятся в категорию кулацких. Только в Несвижском районе Барановичской области в 1947 году из первоначального числа утвержденных райисполкомом кулацких хозяйств исключено 77 (41,3 %), а в Сморгонском районе – 6 (24 %) [252, л. 8].

Чтобы пресечь нарастающее недовольство крестьян, укрепление дисциплины осуществлялось командными методами. Продолжал действовать закон от 7 августа 1932 года «Об охране социалистической собственности», который предусматривал «в качестве судебной репрессии за хищение колхозного и кооперативного имущества... расстрел». Гродненский областной суд вынес решение по данной статье пяти гражданам в 1945 году, 46 – в 1946 году, 33 – в 1947 году [253]. В Брестской области в 1945 году по этому закону было рассмотрено десять дел и привлечено к уголовной ответственности 17 человек [231, л. 86].

С конца 1946 года колхозы западных областей Беларуси согласно постановлению партии и правительства БССР стали получать общественную землю, скот, находившиеся в пользовании отдельных лиц и учреждений, сокращались штаты администрации. Так, в колхозе им. Октября Берестовицкого района Гродненской области на управленческий аппарат расходовалось 25,7 % всех трудодней, а в колхозе им. Кирова Желудокского района Гродненской области – 21,6 % [254, л. 128]. Вместе с тем это постановление называло «кражей» получение крестьянами дополнительных земельных участков для личного хозяйства, размеры которых ограничивались до 0,6 гектара, двумя коровами, двумя свиноматками, двадцатью овцами и т.д. Четвертого июня 1947 года Президиум Верховного Совета БССР издал указ «Об уголовной ответственности за кражу государственной и общественной собственности», предусматривавший наказание за присвоение колхозного имущества от 5 до 8 лет заключения в исправительно-трудовой колонии, а за сокрытие от властей таких фактов – от 2 до 3 лет лагерей или ссылку от 5 до 7 лет [255]. По данной статье Гродненским областным судом в 1947 году было наказано 78 человек, в 1948

году – 131, в 1949 году – 68. Второго июня 1948 года на основе постановления Совета Министров СССР под № 1841-730 был издан указ о выселении лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве, осужденных общими собраниями колхозников и крестьян.

3.3. Массовая коллективизация сельского хозяйства в западнобелорусской деревне

Задача массовой коллективизации. В феврале 1949 года на фоне успешных показателей промышленного развития, предусмотренных четвертым пятилетним планом, состоялся XIX съезд Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. Он поставил задачу перед партийно-советскими организациями западных областей Беларуси: «улучшить работу по организационно-хозяйственному укреплению вновь созданных колхозов и по пропаганде среди крестьян-бедняков и середняков преимуществ колхозного строя» [45, с. 283]. Начинается массовое производственное кооперирование деревни под строгим контролем государства и со многими агрибутами 30-х годов. Если на январь 1949 года было коллективизировано 6,8 % единоличных хозяйств, то в конце года – 39,9 %. В Докшицком, Давид-Городокском, Вилейском, Жабинковском, Мядельском, Глубокском и других районах колхозы уже объединяли от 50 до 80 % крестьянских дворов [91, с. 222]. Перелом наметился еще в 1948 году, когда бедняцкие массы деревни в своем большинстве положительно откликнулись на аграрную политику Советской власти. Вот выдержки из заявлений крестьян Ружанского района Брестской области: «Прошу Зеленевицкий сельский совет разобрать мое заявление и принять меня в коллективное хозяйство, так как коллективным трудом быстро залечим раны, нанесенные во время войны нашей Родине»; «Прошу принять меня в колхоз, так как я осознал, что в колхозе мы будем жить гораздо лучше...»; «Нам Советская власть провела в каждый дом электричество. Мы теперь живем при новом свете. Раз Советская власть говорит, что коллективный труд – путь к зажиточной жизни, то мы этому верим»; «Обогуливать нет чего. Прошу на произвол судьбы меня не оставлять и принять в колхоз» [237, л. 4–5].

Темпы роста коллективных хозяйств в 1949–1952 годах были очень высокими. Вступали целыми деревнями. В архивах сохранилось большое количество постановлений общих собраний крестьян по вопросу образования сельскохозяйственных артелей в рассматриваемый период.

Рассмотрим содержание некоторых из них. «Протокол общего собрания по поводу вступления крестьян в колхоз и образования новой сельскохозяйственной артели им. Суворова Индурского сельского совета.

Поступило 21 заявление. За колхоз проголосовали единогласно. Ознакомились с Уставом сельскохозяйственной артели...» [256, л. 284].

«Протокол общего собрания по поводу вступления крестьян в колхоз и образования новой сельскохозяйственной артели им. Пономаренко Путришского сельского совета.

Поступило 13 заявлений. За колхоз проголосовали единогласно. Ознакомились с Уставом сельскохозяйственной артели...» [257, л. 320].

Анализируя эти и множество аналогичных документов, нельзя не отметить их шаблонность и присутствие идеологического подтекста, т.е. в них уже отсутствует текст о преимуществах коллективного хозяйства, о вере в лучшую жизнь и т.п. Видимо, винт государственной машины давил все сильнее и сильнее.

Темпы и методы массовой коллективизации. Партийные органы постоянно пытались ускорить темпы коллективизации. В апреле 1949 года Бюро ЦК КП(б) рассмотрело вопрос «О состоянии колхозного строительства в Брестской области». Отмечалось, что в 51 колхозе, организованном в первом квартале, не обобществлены лошади, в 36 – сельскохозяйственный инвентарь, в 114 – не обсуждены нормы выработки и расценки работ, допускается промедление с отводом общественных земель [258, л. 11–12]. В мае того же года при обсуждении работы Пинского обкома указывалось на его слабую работу по коллективизации крестьянских хозяйств, отсутствие связи с беспартийным активом [259, л. 5–6]. Аналогичные критические замечания были высказаны в адрес Ляховичского райкома КП(б)Б [260, л. 32]. В конце сентября 1949 года состоялся пленум ЦК КП(б)Б, на котором был рассмотрен вопрос «О состоянии и дальнейших задачах колхозного строительства в западных областях БССР». Второй секретарь ЦК партии В.И.Закурдаев констатировал, что в ряде районов Брестской, Гродненской и Молодечненской областей ослаблен процесс создания колхозов. Партийным комитетам и организациям, исполкомам Советов депутатов трудящихся было предложено обратить внимание на всемерное развертывание коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств [45, с. 302]. Пленум отметил успехи в колхозном строительстве и одновременно указал, что в ряде районов (Дивинском, Малоритском, Березовском Брестской области, Радунском, Сопоткинском Гродненской области, Ивьевском, Поставском, Свирском Молодечненской области) партий-

ные организации ослабили массово-политическую работу по созданию колхозов. Им в помощь была направлена группа из 183 человек, развернувшая активную агитацию за коллективную форму хозяйствования посредством чтения докладов, проведения бесед, собраний, совещаний, семинаров [9, с. 443–444].

После пленума ЦК КП(б)Б наблюдается форсирование темпов коллективизации, сопровождаемое нарушением принципа добровольности. При проведении коллективизации в д. Беневичи, Кирьяновцы, Мотевичи, Огородники Лидского района Гродненской области работники райкома партии, райисполкома, прокуратуры незаконно изымали у единоличников имущество, брали их под стражу, сажали в камеру предварительного заключения. Было совершено убийство крестьянина В.Бурноса [249, л. 38]. В д. Гремячи и Утики Высоковского района Брестской области уполномоченные райкома КП(б)Б по организации колхозов применяли ругательства, угрожали единоличникам отправить их на лесозаготовки в Карело-Финскую ССР [260, л. 32]. Произвол и запугивания наблюдались в д. Великорита, Гусаки Малоритского района Брестской области, а в д. Страдеч Брестского района весь земельный массив передали колхозу. Зато единоличники получили сельскохозяйственные угодья за пятнадцать километров от населенного пункта [258, л. 13]. 18 февраля 1950 года в д. Задворье Мостовского района Гродненской области уполномоченные по коллективизации учинили стрельбу из пистолета, избili крестьянина Терешко и его жену [261, л. 75]. В ноябре 1950 года начальник Столбцовского райотдела милиции Барановичской области М.В.Цветков, секретарь парторганизации Шашковского сельского совета В.С.Громыко собрали ночью крестьян д. Малая Гуменовщина, не подавших заявления о вступлении в колхоз. После оскорблений и угроз высылки в Карело-Финскую ССР их под военным конвоем отправили в районный центр для беседы с первым секретарем райкома партии [262, л. 27]. С целью организации колхоза в д. Сивицы Сморгонского района Молодечненской области комиссия райкома партии во главе с Ф.Г.Сидоровичем решила возратить с пастбища крупный рогатый скот, чтобы провести общее собрание единоличников. По деревне прошел слух, что за каждую корову будут взимать штраф, и крестьяне стали разбирать живность по дворам. Тогда председатель комиссии начал оскорблять людей, затеял драку и смертельно ранил крестьянку В.В.Жилевич [263, л. 8]. Подобные факты приводили к тому, что крестьяне при появлении уполномоченных прятались в лесу и других труднодоступных местах, чтобы не проводить общие собрания.

В Пинской области партийные организации стали произвольно относить большое количество крестьянских дворов в разряд рабочих и служащих с одновременной обрезкой у них земли. Подобным образом повышался общий процент коллективизации [264, л. 22]. Пленум Гродненского обкома КП(б)Б, состоявшийся 4 марта 1950 года, отмечал, что в Берестовицком, Скидельском, Желудокском районах колхозы не организуются, а провозглашаются [265, л. 4]. Аналогичный процесс наблюдался в Ошмянском, Воложинском, Свирском, Ивьевском, Сморгонском районах Молодечненской области [266, л. 23]. Грубо нарушало интересы крестьянства постановление ЦК ВКП(б) от 3 марта 1950 года «О недостатках в колхозном строительстве западных областей БССР». Пленум ЦК КП(б)Б, состоявшийся 24-25 марта 1950 года, заслушал доклад первого секретаря ЦК КП(б)Б Н.И. Гусарова «О мерах по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 3 марта 1950 года». В нем отмечалось неудовлетворительное руководство делом колхозного строительства со стороны партийно-советских органов. Задача коллективизации не стала для них главной, имелось множество ошибок в процессе хозяйственного укрепления сельхозартелей, а именно: не производилось обобществление средств производства, не развивалось общественное животноводство, не было порядка в колхозном и единоличном землепользовании и т.п.

Пленум ЦК КП(б)Б отметил, что в значительной части колхозов Гродненской, Молодечненской и Пинской областей еще не созданы производственные бригады, а за существующими бригадами не закреплены земельные участки, тягловая сила, инвентарь. Нормы выработки в ряде сельхозартелей были в 2-3 раза ниже, чем рекомендовалось правительством.

Пленум признал неудовлетворительной работу партийно-советских органов по коллективизации в Лидском, Радунском, Сопоткинском, Щучинском, Ивьевском, Юратишковском, Поставском, Городищенском, Дятловском, Козловщинском, Каменецком, Высоковском, Дивинском районах. Была подвергнута критике работа машинно-тракторных станций [45, с. 318 – 321].

Перегибы были налицо. Крестьяне уже провозглашенных колхозов стали отказываться от обобществления средств производства и засыпки семян. В Барановичской области, например, в июне-июле 1950 года организовали 335 новых колхозов. Из них только в 61-ом объединили лошадей, семена, сельскохозяйственный инвентарь [267, л. 12]. Крестьяне д. Мижево Мостовского района Гродненской области при создании неделимых фондов сельскохозяйственной артели наброси-

лись на районных уполномоченных с камнями [268, л. 1]. К тому же во многих колхозах сев, уборка урожая осуществлялись единолично.

Наблюдался, как и прежде, массовый невыход на работу. Только в Молодечненской области в 1950 году 7,7 % колхозников совсем не работали, а 32 % не выполнили минимума трудодней [266, л. 23]. По западным областям республики данные показатели составили соответственно 10,2 % и 54,5 % [186, с. 274]. По Гродненской области в 1952 году – соответственно 4,3 % и 39 % [269, л. 3]. Очевидно, что у колхозников по-прежнему отсутствовала материальная заинтересованность в результатах коллективного труда.

Остро стоял вопрос организационно-хозяйственного укрепления сельхозартелей. Во многих хозяйствах медленно осуществлялся процесс отвода общественных земель, не был утвержден штат административно-обслуживающего персонала, не закреплялись участки и сельскохозяйственный инвентарь за бригадами.

В конце 40-х годов экономическое и финансовое положение колхозов настолько ухудшилось, что правительству пришлось пойти на ряд реформ. 19 февраля 1950 года газета «Правда» опубликовала статью, посвященную проблеме организации труда колхозников. С конца 30-х годов власти пребывали в уверенности, что звено, которое в большинстве случаев состояло из членов одной семьи, является наиболее эффективной структурной единицей в условиях недостаточно механизированного сельского хозяйства. Теперь же статья в «Правде» утверждала, что звено – абсолютно ошибочное направление, которое ведет к индивидуализму в ущерб коллективному сознанию. В итоге с самостоятельностью звеньев было покончено.

Укрупнение колхозов. В 1950 году предпринимаются меры по укрупнению колхозов, что сопровождается новым и значительным уменьшением индивидуальных наделов крестьян. 30 мая 1950 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». Официально было объявлено, что «мелкие колхозы не могут эффективно укоренять новую технику и технологию». Само объединение как очередная кампания проводилось в спешке. К началу 1951 года абсолютное большинство колхозов было укрупнено, причем основная их масса возникла весной и летом 1950 года, что отрицательно сказалось на состоянии аграрного сектора. В западных областях Беларуси к концу 1952 года число объединенных колхозов составило 2 776 [270, с. 11].

Шло присоединение административным путем слабых сельхозартелей к сильным. Размер хозяйства устанавливался по критериям, имеющим мало общего с проблемами управления. Боль-

шинство колхозов, объединенных методом «скоростного укрупнения», становились механически-административными образованиями. Тем самым сокращалась возможность учета специфики местных условий. К тому же крестьяне психологически не были подготовлены к сселению мелких деревень в крупные колхозные поселки. Рассмотрим данный процесс на примере Порозовского района Гродненской области (см. табл. 16).

Таблица 16

Укрупнение колхозов в Порозовском районе Гродненской области

Количество	Колхозы				
	им. Будённого	им. Тельмана	им. Сталина	им. Ленина	им. 17 Сентября
Объед. колхозов	4	6	5	4	3
дворов	280	311	245	327	136
трудоспособных	559	625	497	708	289
Пашни (в га)	1094	1120	1628	1807	610
Сенокоса (в га)	85	64	88	146	37
Пастбищ (в га)	74	55	104	55	21
Лошадей	170	193	187	195	77
Коров	36	45	69	54	20
Свиней	80	79	232	157	58
Овец	95	108	200	155	35

Примечание: таблица составлена автором по материалам Государственного архива общественных объединений Гродненской области, ф. 17, оп. 7, д. 30, л. 6.

Данные таблицы 16 свидетельствуют об уменьшении количества колхозов в районе в 4,4 раза. При этом 2 678 колхозников должны были обработать 6 259 гектаров пашни, имея 492 рабочие лошади. На один колхоз приходилось в среднем 45 коров, 121 голова свиней, 119 овец. В целом, по Гродненской области одна сельхозартель объединяла 233 двора, в Молодечненской – 214, в Брестской – 327 [23, с. 19]. Считалось, что укрупнение даст возможность полнее обеспечить колхозы пашней, лугами, пастбищами, сократить управленческий аппарат.

Характер взаимоотношений колхозов и государства. Вопрос организационно-хозяйственного укрепления колхозов решен не

был, так как формально-директивное обобществление путем централизации колхозного производства не обеспечивалось уровнем развития производственных отношений в сельском хозяйстве. Это выразилось в неравномерном характере отношений между колхозами и государством, который сложился в период коллективизации.

Заготовительные и закупочные цены были низкими, что лишило возможности покрыть затраты на производство. Цены на картофель, например (2,5-3 коп. в старых деньгах), не позволяли оплатить его перевозку к пунктам сдачи. Заготовительные цены на зерно, так же, как и за 1929 – 1945 годы, почти не изменились. Оставались неизменными и цены на продукты животноводства в 1940 – 1952 годах. В то же время стоимость промышленной продукции в 1952 году увеличилась в 10 раз по сравнению с 1940 годом. Заготовительные цены, уплачиваемые до 1953 года хозяйствам за обязательные поставки, не отражали издержек колхозного производства. Себестоимость колхозной продукции государством не подсчитывалась, так как понятие «рентабельность» не было точно определено. Если в 1950 году затраты колхозов республики на производство 100 килограммов зерна составили 9,7 рублей, молока – 13,3 рублей, свинины – 142 рубля, то государство платило соответственно 2, 3, 7 рублей [271, с. 66].

Положение усугублялось порочной практикой планирования обязательных поставок и системой планирования всего сельского хозяйства. В этих условиях местные руководители, чтобы выполнить указания центра, произвольно распределяли нормы поставок. Ведь управленческий аппарат среднего и низового звена под воздействием многолетней административно-приказной практики, а также традиции чрезвычайных периодов выработал четкие инстинкты. В их основе лежал страх местных руководителей за недостаточное проведение партийной линии в жизнь. С другой стороны, согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 июля 1950 года «О задачах по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов», председатели колхозов входили в номенклатуру руководящих работников обкома и утверждались местными райкомами партии. Им, как и другим специалистам, направляемым в деревню, гарантировалась денежная оплата труда, предоставлялись кредиты на покупку скота и строительство дома. Постановление было вызвано низким уровнем общеобразовательной и профессиональной подготовки сельскохозяйственных кадров. В Брестской области из 760 председателей колхозов среднее образование имело 13 человек, непол-

ное среднее – 96, начальное – 651. По специальности: агрономы – 1, зоотехники – 2, землестроители – 1, механики – 1, советские работники – 18, хозяйственные работники – 6, колхозники – 729. Предлагалось заменить 151 председателя по причине неспособности к руководству [272, л. 73].

Двадцать второго мая 1950 года Совет Министров БССР принял постановление «О фактах нарушения демократических основ управления делами сельхозартели и о практике принятия незаконных решений в некоторых колхозах Белорусской ССР». Только по проверенным 17 колхозам Брестского, Жабинковского, Высоковского районов Брестской области из 128 проведенных общих собраний 89 было признано неправомочными [273, л. 17].

Состояние общественного животноводства. В соответствии с «Трехлетним планом развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949 – 1951 годы)» Совмин БССР и ЦК КП(б)Б 19 мая 1949 года приняли постановление «О минимуме общественного поголовья скота и трехлетнем плане увеличения поголовья продуктивного скота» (см. табл. 17).

Таблица 17

Минимум поголовья общественного скота на колхозной ферме

Размер земельной площади колхоза (в га)	Количество	
	крупного рогатого скота	овец
До 150	25	45
151-300	50	60
301-500	80	75
501-800	130	100
801-1 000	175	125
1 001-1 500	220	175
1 501-2 000	300	210
2 001-3 000	400	300
3 001-5 000	600	400
5 001-10 000	750	450

Примечание: таблица составлена автором по материалам Государственного архива общественных объединений Гродненской области, ф. 1, оп. 18, д. 17, л. 135.

Как свидетельствуют данные таблицы 17, принятый план был основан на размере земельной площади без учета кормовой базы, специализации хозяйства, его общего экономического состояния. Каждый колхоз должен был иметь четыре фермы. Если соблюдалось это условие и количество поголовья скота было больше минимальных норм, то размер обязательных поставок сокращался на 10 %. Если не соблюдалось условие – увеличивался на 10 %.

Все это отрицательно сказалось на выполнении постановления. В 1950 году из 930 колхозов Барановичской области в 71 не было поголовья общественного скота и птицы, в 331 – свиней, в 229 – овец, в 410 – птицы [267, л. 14]. В Брестской области ситуация выглядела следующим образом: план по поголовью крупного рогатого скота был выполнен на 78,2 %, свиней – 78,7 %, овец – 63,1 %, птицы – 21,9 %. В Гродненской области на первое августа 1951 года план выполнили по крупному рогатому скоту на 57,2 %, по свиноводству – на 55 %, по овцеводству – на 95 %, по птицеводству – на 39 %. Надой молока на одну корову составил 587 литров при плане 2 200 литров [274, л. 4 – 7].

Причиной столь неудовлетворительного состояния в общественном животноводстве являлось невыполнение плана контрактации молодняка, слабость кормовой базы, падеж скота, отсутствие помещений для ферм и низкий уровень их механизации.

До 1954 года в колхозах Молодечненской, Брестской и Пинской областей выращивали кок-сагыз. Это растение содержит в сосудах и корневище каучук, необходимый для производства резины. Уход за посевами требовал тяжелого ручного труда крестьян. Посевы кок-сагыза увеличивались. План на 1951 год предусматривал 4,5 тысячи гектаров, а на 1953 год – 10,5 тысяч [264, л. 73]. Эффективность этой работы практически равнялась нулю.

Рентабельность коллективного сектора. О низкой рентабельности коллективных хозяйств свидетельствуют размер оплаты по трудодням и урожайность сельскохозяйственных культур. Первый секретарь Гродненского обкома КП(б)Б С.О.Притыцкий, выступая на пленуме областного комитета партии в сентябре 1951 года, отмечал, что в 1950 году 91 колхоз не выдал ни грамма зерна на трудодень, 338 – ни копейки денег, 157 сельскохозяйственных артелей выплатили до 1 килограмма зерна, 197 – 40 копеек, 366 хозяйств не дали колхозникам картофеля [275, л. 17–18]. В 1951 году на один трудодень было получено 1 килограмм 93 грамма зерна, 280 граммов картофеля, 420 граммов сена, 15 копеек (в среднем) [269, л. 14]. По Брестской области за 1952 год размеры вы-

плат на один трудодень составили: зерновые – 1,2 килограмма, картофель – 0,3 килограмма, сено – 1,8 килограмма, деньги – 30 копеек [276, л. 62].

Многие председатели колхозов торопились с выдачей работникам хлеба, нарушая предусмотренный Уставом порядок выплаты – при наличии 15 % к сданному государству плановому зерну. В результате ряд сельскохозяйственных артелей, отдав по 5 килограммов на трудодень, остались недоимщиками. Имели место случаи сокрытия колхозниками произведенной продукции. Так, в колхозе им. Сталина Мостовского района Гродненской области спрятали двадцать тонн картофеля в лесу [277, л. 11].

Урожайность оставалась очень низкой. В Брестской области в 1952 году она составила 8 центнеров с гектара озимой ржи, 5,56 центнеров с гектара яровой пшеницы, 40 – 45 центнеров с гектара картофеля [276, л. 57]. В целом, по СССР в 1949 – 1953 годах средний годовой сбор зерна составлял 79,392 млн. тонн (в БССР – 2,7 млн. тонн) при средней урожайности в 7,7 центнера с гектара. С трибуны XIX съезда КПСС в октябре 1952 года Председатель Совета Министров СССР Г.М.Маленков заявил, что валовый сбор зерновых культур равен 128 тысячам тонн, поэтому зерновая проблема в Советском Союзе решена окончательно. Но «решена» она была только на бумаге, по так называемой «биологической урожайности». Несмотря на то, что колхозы и совхозы в 1952 году сдали даже часть семян, в стране было заготовлено лишь 33,6 млн. тонн хлеба, что не удовлетворяло текущих потребностей, не говоря уже о создании необходимых государственных резервов.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов продолжали занимать важное место в работе партийных организаций западных областей Беларуси. Однако решались они по-прежнему административным путем, «верхушечными» методами, которые не затрагивали основы проблемы. Острая дискуссия развернулась, к примеру, на третьем пленуме ЦК КП(б)Б в сентябре 1949 года. Под видом разрешения аграрных проблем шла борьба между первым секретарем ЦК КП(б)Б Н.И.Гусаровым и председателем Совета Министров БССР П.К.Пономаренко. Поводом стало «дело о коровах». Более двухсот тысяч голов трофейного крупного рогатого скота было роздано беднейшим крестьянам и местным партийным работникам. В условиях послевоенной разрухи данная акция являлась вполне оправданной. Но Н.И.Гусаров увидел в этом предлог для обвинения местных коммунистов в мелкобуржуазном пе-

рождении [278], и в 1948 году на пленуме ЦК КП(б)Б было принято решение о сдаче коров руководящими работниками советского аппарата.

В мае 1950 года состоялся четвертый пленум ЦК КП(б)Б. Он заслушал сообщение секретаря ЦК ВКП(б) К.П.Пономаренко о решении ЦК ВКП(б) «О недостатках в руководстве ЦК КП(б)Б в сельском хозяйстве». Пленум также рассмотрел вопросы о состоянии сельского хозяйства в западных областях БССР. Отмечалось неудовлетворительное состояние аграрной сферы. Первым секретарем ЦК КП(б)Б избрали Н.С.Патоличева.

Многочисленные нарушения и жесткое администрирование привели к созданию в 1952 году комиссий по проверке Устава сельскохозяйственной артели в западных областях БССР.

В целом, сельскохозяйственное производство носило убыточный характер. Об этом свидетельствует стенограмма пленума Гродненского обкома партии, состоявшегося 11 июля 1953 года. В ней отмечалось, что «животноводство находится в запущенном состоянии. Колхозы получают очень низкие денежные доходы, мало выдают... на трудодни продуктов и денег. Уход за посевами организован неудовлетворительно... МТС не обеспечивают выполнение производственных и договорных обязательств с колхозами» [279, л. 18 – 20].

Организация и деятельность политотделов МТС в западных областях. Чтобы ускорить процесс коллективизации, в январе 1950 года было принято постановление ЦК КП(б)Б «О создании политотделов при МТС в Барановичской, Брестской, Гродненской, Молодечненской, Пинской, Полоцкой (западные районы) областях». Для их организации туда направили 579 коммунистов и комсомольцев. Уже к октябрю 1951 года имелось 123 политотдела. Перед ними ставились следующие задачи: организационно-хозяйственное укрепление колхозов, создание в сельской местности первичных партийных и комсомольских организаций, воспитание деревенского актива. Однако главная задача заключалась в проведении сплошной коллективизации. Вот что вспоминает П.Л.Лебедев, назначенный в 1950 году заместителем начальника политического отдела Дуниловичской машинно-тракторной станции: «Первый секретарь райкома партии прямо сказал: «Коллективизация этих деревень лежит на твоей совести. Не выполнишь – ответишь партбилетом» [280].

Фактически вся власть в сельской местности перешла в руки этих чрезвычайных органов. Возросла их активность. Политотделы проводили широкую агитационно-массовую работу среди

крестьянства. Политотделы Брестской МТС только за сентябрь 1950 года организовали семинар агитаторов, доклады в колхозах, совещание бригадиров полеводческих бригад и заведующих фермами [272, л. 102]. Практиковались экскурсии в передовые сельхозартели с целью обмена опытом работы, обучения руководящих работников и т.п. Методы работы политотделов носили командно-административный характер. Работники требовали усилить поиск кулаков, стали принимать решительные меры, создавать «напряжение в работе» [281, л. 52].

В результате их деятельности количество колхозных партийных организаций увеличилось в 8 раз. К январю 1953 года были созданы 501 партийная и 2 341 комсомольская ячейки. Для работы в них ЦК КП(б)Б направил 791 выпускника республиканской партийной школы и 980 специалистов сельского хозяйства [20, с. 84]. Все трактористы МТС были переведены в члены колхозов, так как многие из них являлись крестьянами-единоличниками (в Гродненской области – 34 %). Прекратилась практика направления на курсы трактористов людей из отстающих сельхозартелей. В целом, улучшилась работа МТС – 40 % от их общего количества в 1952 году перевыполнило свои годовые планы [21, с. 10].

Работники политотделов совместно с местными партийно-советскими органами развернули активную работу по завершению массовой коллективизации сельского хозяйства. Они организовывали групповые и индивидуальные беседы с крестьянами-единоличниками, чтение лекций и докладов о социалистическом образе жизни, об Уставе сельхозартели и т.п. И если за 8 месяцев 1949 года в западных областях БССР было прочитано 7 129 лекций, то в 1950 году только в Барановичской области их число составило 2 847 [20, с. 79]. Популяризации идеи коллективного труда содействовали культурно-просветительные учреждения, которые создавали агитационно-художественные бригады для организации концертов для крестьян. Единоличники получили возможность совершать экскурсии в передовые колхозы и совхозы. Маховик агитационной машины работал на полную мощность.

«Шефство» над селом. Было организовано шефство над селом. Промышленные предприятия, такие, как Пинская спичечная фабрика, Слонимский льнозавод, Волковысский литейно-механический завод [282] помогали колхозам в налаживании бухгалтерского учета, создании библиотек и т.п. Только в Брестской области шефами являлись 42 партийные организации заводов и фабрик. В 1948 году ими было прочитано 152 лекции, проведены концерты

художественной самодеятельности, произведен ремонт инвентаря. Колхозные кузнечные мастерские получили уголь. А парторганизация ОШОСДОР организовала покупку автомобиля для колхоза «Победа» Пружанского района Брестской области [283, л. 20]. К концу 1950 года шефством было охвачено 386 колхозов и 35 МТС [9, с. 436].

Роль комсомольцев и учителей в проведении коллективизации. Активную деятельность развернули в западных областях комсомольцы, объединенные в 3 808 организаций [18, с. 105]. Они стали создавать молодежные группы по агитации колхозного строя, первыми подавали заявления о приеме в сельхозартели и запахивали межевые знаки. В Пружанском, Жабинковском и других районах комсомольцы практиковали экскурсии в передовые колхозы. В Молодечненской области в сельских советах ежемесячно проходили собрания молодежи, на которых представители райкомов партии и комсомола вели пропаганду коллективной формы хозяйствования, выступали по вопросам международного положения и внутренней политики СССР. В летнее время проводились молодежные массовки с целью активизации художественной самодеятельности на селе. Активно действовали учителя. Директор Радивонишской школы Лидского района Гродненской области Кожанёв вместе с коллективом провел массовую работу среди крестьян и организовал две сельхозартели. Также были сформированы коллективные хозяйства в д. Мижево Мостовского района, в д. Мосоляны Берестовицкого района той же области [284].

До конца 1950 года в западных областях Беларуси насчитывалось 6 054 колхоза, которые объединяли 83,7 % крестьянских дворов и 85 % посевных площадей [91, с. 223]. Гипертрофированное представление о трудностях не давало возможности руководству партии связать сложности коллективизации с ущербностью данной политики. Пленум ЦК КП(б)Б, состоявшийся 12 – 14 февраля 1951 года, поставил задачу завершения коллективизации сельского хозяйства в западных областях Беларуси [45, с. 363].

Политика ликвидации кулачества как класса. С целью ускорения сплошной коллективизации государство перешло от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса. По каким критериям шел отбор богатого крестьянства? Возьмем, к примеру, Кобринский район. Местное руководство выделяло следующие признаки.

1. Эксплуатация наемной рабочей силы.
2. Сдача земли в аренду.

3. Спекуляция в годы оккупации.
4. Наличие ветряной мельницы, паровой машины.
5. Сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами [285, л. 26 – 32].

При этом к данной категории сельского населения было отнесено много середняцких хозяйств. Горький опыт предшествующих лет не учли. В докладной записке, представленной ЦК КП(б)Б в июле 1950 года «О фактах извращения политики партии по отношению к середняцким хозяйствам в западных областях БССР», указывалось, что в Брестской области за 1949 – первое полугодие 1950 годов было неправильно отнесено к числу кулацких 131 середняцкое хозяйство, в Гродненской области – 73, в Пинской – 18, Молодечненской – 9, Барановичской – 6, Полоцкой – 5 [262, л. 29]. Среди крестьян-середняков имелись семьи погибших воинов Красной Армии, участников и инвалидов Великой Отечественной войны. Волна беззаконий нарастала. В 1950 году в Гродненской области выявили 975 кулацких дворов. После проверки из списков было исключено 458 (47 %). В Ганцевичском районе Брестской области «ошибочно» раскулачили 52 хозяйства, в Жабинковском – 5, в Столинском – 44, в Пинском – 44 [36, с. 244]. В Мостовском районе Гродненской области после неудачной организации колхоза в д. Дорогляны секретарь райкома приказал председателю сельского совета оформить материал по меньшей мере на 10 крестьянских дворов для обложения кулацким налогом. Тот составил список из 9 хозяйств, а райисполком утвердил только 6 [286, л. 309]. Секретарь Радунского райкома КП(б)Б Болобов дал установку: хозяйства крестьян, не пожелавших вступить в колхоз, немедленно оформлять как кулацкие, обличать каждого десятого как кулака [287, л. 3]. Народный суд Лидского района Гродненской области приговорил крестьянку Н.И.Панкевич (в возрасте 67 лет) к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества за уклонение от уплаты сельскохозяйственного налога в размере 163 064 рублей 80 копеек. Верховный суд БССР отправил дело на дополнительное расследование, так как в 1949 году у данной гражданки были изъяты весь скот и имущество на погашение недоимок, а в 1950 году ее хозяйство вновь отнесли к разряду кулацких [288, л. 31]. Жителя Зельвенского района Гродненской области А.Н.Калюту осудили в 1949 году к восьми годам лишения свободы с конфискацией имущества и лишили избирательных прав на три года за неуплату сельскохозяйственного налога в сумме 10 910 рублей 60 копеек. Верховный суд БССР отменил данное решение, так как хозяйство не относилось к категории кулацких [288, л. 37]. По-

добное нарушение законности наблюдалось в отношении М.П.Янушица (Волковысский район), А.А.Радивоновской (Скидельский район), А.И.Казимирович (Гродненский район) и многих других крестьян [288, л. 50, 87, 93].

Многие семьи зажиточных и богатых крестьян были выслааны в отдаленные районы СССР. В сентябре 1951 года Совет Министров Советского Союза принял специальное постановление «О выселении кулаков из Белорусской ССР». При его осуществлении только в 1952 году за пределы республики отправили 4 431 «кулацкую» семью [72, с. 334]. 7 апреля 1952 года Совет Министров БССР решил переселить на восток, в Южно-Казахстанскую область Казахской ССР, 6 064 человек, о чем свидетельствуют данные таблицы 18.

Таблица 18

Количество выселяемых кулацких семей из западных областей БССР в апреле 1952 года

Области	Кулацких семей	В их составе членов семей
Брестская	357	1 572
Гродненская	457	2 085
Молодечненская	512	2 197
Минская	49	210
Итого:	1 375	6 064

Примечание: таблица использована автором из докладной записки заместителя управляющего делами Совета Министров БССР Н.Жука // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 241.

В целом, подлежало выселению 70 % от общего наличия кулацких хозяйств, в том числе в Гродненской области – 88 %, Молодечненской – 70 %, Брестской – 56 %, Минской – 56 %.

Политика ликвидации кулачества как класса сопровождалась ужесточением налоговой политики государства. К сожалению, не был учтен тот факт, что единоличные хозяйства поставляли основную часть сельскохозяйственной продукции. План хлебозаготовок только по Гродненской области на 1950 год предусматривал сдачу неколхозными дворами 33 498 тонн из 55 235 (60 % от общего количества) [289, л. 142]. В том же году норма сельскохозяй-

ственного налога с единоличников выросла в два раза. Началась «экономическая атака», которая объяснялась необходимостью ограничения роста капиталистических элементов в деревне. Под влиянием этого налога многие крестьянские хозяйства были поставлены на грань разорения. Единственный выход крестьяне видели во вступлении в колхоз, тем более, что при этом недоимки по сельскохозяйственному налогу списывались. Вот, к примеру, решение Гродненского райисполкома «О списывании недоимок по мясу, молоку, шерсти с крестьянских дворов, вступивших в колхозы в 1949 году» [290, л. 38].

Протест крестьянства. Мощное давление государственной системы в сочетании с нежеланием вступать в колхозы вызывало протест крестьянства. Он проявлялся в распространении антиколхозных слухов, в избиении землемеров, в том, что крестьяне закапывали в межевые границы бутылки, надеясь впоследствии восстановить границы своих наделов [57, с. 25, 32, 80, 82, 83, 130, 131], в поджогах, убийствах. Вот сводка антиколхозных выступлений по Брестской области за март-месяц 1949 года:

16 марта: подброшены письма с антисоветским содержанием к сараю депутата д. Голя Высоковского района; в д. Бакуны Шерешевского района был сожжен колхозный сарай со скотом и 30 тонн кормов;

25 марта: убит председатель колхоза им. Дзержинского в д. Терпиловичи Брестского района;

22 апреля: убит бригадир колхоза «Новая жизнь» Березовского района; в колхозе им. Ленина Малоритского района убили организатора сельхозартели – учителя; в д. Старое Село Жабинковского района подожгли 50 домов колхозников [291, л. 131–132].

На искажение принципа добровольности при кооперировании деревни крестьянство отреагировало массовым забоем скота, приведшим к тому, что в 1950 году поголовье крупного рогатого скота и свиней сократилось в 8 раз [35, с. 98].

Продолжало действовать и репрессивное законодательство. Только в Брестской области органы прокуратуры и милиции за первое полугодие 1952 года раскрыли 135 уголовных дел, связанных с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, были привлечены к ответственности 72 колхозника и 45 единоличников [276, л. 114]. По Гродненской области в том же году судебные органы подвергли наказанию 60 человек [292, л. 16]. В частности, председатель колхоза им. 17 Сентября Гродненского района В.П.Гайдукевич был приговорен к трем годам лишения свободы только за

то, что колхозники с опозданием убрали 6,55 гектара овса, 0,17 гектара ржи, а оставшиеся на поле 70 снопов и 0,7 гектара вики съел скот [288, л. 288].

Аграрная послевоенная политика в западных областях Беларуси усугубляла кризис в сельском хозяйстве. Отсутствовали экономические стимулы к труду, преобладало административное воздействие на производственную деятельность колхозов с целью выкачивания ресурсов из деревни для индустриального развития страны. Коллективизация сельского хозяйства стала средством достижения положительных результатов данной политики. Темпы создания колхозов были очень высокими. На первое января 1952 года в западных областях Беларуси насчитывалось 4 384 колхоза с охватом 523 213 крестьянских дворов (90,4 %) [186, с. 273]. Возьмем, к примеру, Брестскую область (см. табл. 19).

Таблица 19

Коллективизация сельского хозяйства в Брестской области в 1952 году

Дата	Количество колхозов	Количество дворов	%
01.01.1952	378	80 050	92,6
10.03.1952	300	80 252	92,9
01.05.1952	292	80 874	93,1
15.10.1952	290	81 184	94,0

Примечание: таблица составлена автором по материалам Государственного архива Брестской области, ф. 1016, оп. 1, д. 260, л. 1, 40, 67, 93.

Данные свидетельствуют, что только за 1952 год число обобществленных хозяйств увеличилось на 1,4 % (1 134 двора). Районом стопроцентной коллективизации стал Жабинковский – единственный пример в западных областях.

В Вилейском и Поставском районах Молодечненской области (на 01.01.1952 г.) было обобществлено 99,1 % крестьянских дворов, в Видзовском районе Полоцкой области – 99,8 %. Однако были районы с низким процентом коллективизации: Сопоткинский, Лидский Гродненской области, Ивьевский Молодечненской области, Ново-Мышский Барановичской области [186, с. 274]. Тем не менее XX съезд КП(б)Б, состоявшийся в сентябре 1952 года, конста-

тировал процесс завершения коллективизации в западных областях Беларуси и охарактеризовал его как серьезную политическую победу, важнейший итог деятельности партийных организаций на селе. К первому июня 1953 года было обобществлено 97,2 % единоличных дворов [12, с. 184].

Таким образом, в 1949 – 1952 годах в западных областях Беларуси форсированным порядком с использованием принуждения и репрессий была проведена коллективизация, разрушившая индивидуальное крестьянское хозяйство. В 1953 году (после укрупнения) здесь было создано 2 701 колхоз, 43 совхоза, которые объединяли 520,9 тысяч крестьянских дворов, 99,7 % посевных площадей.

Укрупнение колхозов вело к полному подрыву тех зачаточных элементов колхозной демократии, которые допускались Примерным Уставом сельхозартели, отталкивало крестьян от управления колхозами. Эта функция полностью перешла к райкомам партии и многочисленным ведомствам, которые пирамидой возвышались над коллективными хозяйствами. Завершился процесс раскрестьянивания деревни. Его финалом стало лишение крестьян права выбора форм хозяйствования на земле, лишение их средств производства, превращение в механическую рабочую силу.

Это в конечном итоге и предопределило неизбежность того кризиса, в котором оказалось сельское хозяйство в конце 40-х – начале 50-х годов. Он проявился в консервации застойных явлений в аграрном секторе, дальнейшем снижении производительности, неспособности обеспечить население продуктами питания, а промышленность – сырьем.

3.4. Поворот в аграрной политике в сентябре 1953 года

Смерть И.В.Сталина усилила стремление к переменам в крестьянской среде. Как и раньше, деревня жила слухами. В частности, начальнику политического сектора Министерства сельского хозяйства и заготовок БССР Ф.Аксёнову во время инспекции Сморгонского района Молодечненской области члены колхозов имени Молотова, имени Сталина, «Дружба» задавали вопросы: «Скоро ли правительство снизит колхозам обязательные поставки?», «Будут ли они снижены в 1953 году?» [293, л. 135–136].

Новое политическое руководство во главе с первым секретарем ЦК КПСС Н.С.Хрущёвым сделало решительный шаг вперед к потребностям крестьянства. Причем сам Никита Сергеевич был

более близок к потребностям деревни, чем другие партийные вожди. В сентябре 1953 года он выступил на Пленуме ЦК КПСС с серией предложений, направленных на дальнейшее развитие сельского хозяйства страны. С позиций сегодняшнего дня решения Пленума представляются недостаточными, но тогда они имели важное значение.

Впервые на Сентябрьском (1953 года) Пленуме ЦК КПСС было заявлено об отставании сельского хозяйства от темпов развития других отраслей народного хозяйства и определены причины данного положения. Акцент был сделан на потери от войны и оккупации, приоритетное развитие промышленности в годы четвертой пятилетки, нарушение принципа материальной заинтересованности крестьян в результатах трудовой деятельности, ограничение приусадебных хозяйств колхозников, миграцию населения из деревни в город, недостаточное использование техники, низкий уровень аграрной науки [42, с. 305 – 308]. Однако колхозно-совхозная модель аграрного производства считалась единственно правильной, и плюрализм в формах организации труда на земле не предусматривался. Поэтому меры, предложенные партией и правительством, были направлены на увеличение закупочных и заготовительных цен, объема капиталовложений в сельское хозяйство из государственного бюджета. С 1954 года снижались нормы обязательных поставок с приусадебных хозяйств колхозников, а с самих колхозов списывались недоимки [42, с. 314, 321]. Фактически это был переход к новой модели аграрного развития, основанной на промышленном опыте XIX века. Ее сущность заключалась в следующем принципе: эффективность сельского хозяйства зависит от размера капиталовложений [294, с. 422].

Переход к новой модели сохранил жесткую регламентацию аграрного производства. Даже в решениях Пленума ЦК КПСС акцентировалось внимание на выращивании кукурузы, на квадратно-гнездовом способе выращивания картофеля и методе профессора Эдельштейна (выращивание овощной рассады в торфоперегнойных горшочках) [42, с. 320].

Задачи, поставленные партийным форумом, стали реализовывать в соответствии с ранее сложившейся практикой. 22 – 24 октября 1953 года состоялся пленум ЦК КПБ, который продублировал сентябрьские решения, затем пленумы обкомов и райкомов партии. Все это сопровождалось широкой агитационной кампанией. При ЦК КПБ были проведены десятидневный семинар штатных лекторов и руководителей лекторских групп, семидневный семинар работни-

ков печати, совещание заведующих отделами партийной жизни и пропаганды республиканских и городских газет, республиканское совещание секретарей парторганизаций МТС [293, л. 210].

Пропагандистская машина работала на полную мощность. Только в Молодечненской области было прочитано 1 177 докладов, в колхозы направили 764 человека из районов и 150 из областного центра [293, л. 144]. В ноябре 1953 года на бюро ЦК КПБ рассматривался вопрос «О ходе разъяснения и пропаганды решений Пленума ЦК КПСС в колхозах республики». Отмечалось, что в колхозах и совхозах БССР было прочитано 25 830 докладов с охватом 2,2 миллионов человек. Но имелись определенные недостатки в наглядной агитации, экскурсионном деле, социалистическом соревновании, особенно в Молодечненской, Полоцкой, Могилевской и Витебской областях [295, л. 8–9].

К выполнению решений пленума привлекалась молодежь республики. В частности, комсомольцы Мирского и Старобинского районов выступили инициаторами социалистического соревнования в сельском хозяйстве БССР, а также обязались вырастить по 200 штук рассады в торфоперегнойных горшочках (по БССР – 60 миллионов штук) [296, л. 9 – 11]. Работа комсомольских организаций обсуждалась на бюро ЦК КПБ 15 декабря 1953 года. Было отмечено, что в колхозах БССР трудилось 109 975 членов ВЛКСМ (17 % от общего количества). Конечно, эта цифра представлялась недостаточной. Поэтому перед местными организациями поставили задачу – направить комсомольцев из городов в деревню. Даже была определена цифра: 10 – 15 человек на одну ферму [297, л. 7–8].

Значительное внимание уделялось кадровому вопросу, который решался методом направления специалистов сельского хозяйства и коммунистов в деревню. Первоначально был проведен учет специалистов по областям. Затем их «отбирали» и «направляли» в сельскую местность. Несомненно, ситуация требовала решительных мер, так как только в Гродненской области из 713 специалистов сельского хозяйства непосредственно в аграрном секторе работало 205 человек (28,7 %) [298, л. 22]. Проблема заключалась в нежелании специалистов переезжать на постоянное место жительства в деревню. Партийные комитеты вынуждены были проводить беседы, а порой и издавать соответствующие приказы. Только в сентябре 1953 – феврале 1954 годов в колхозы и МТС было направлено около 4 тысяч коммунистов [299, л. 64].

Шла активная пропаганда квадратно-гнездового способа посева картофеля. В начале 1953 года во всех областных центрах

для местного партийно-советского руководства был организован просмотр кинофильма «Рассказ о зеленых квадратах» с практической демонстрацией метода. 7 апреля 1953 года вышло постановление ЦК КПБ «О мерах по усилению механизации выращивания картофеля в колхозах Белорусской ССР». Только по Брестской области из намеченных (новым способом) шести тысяч гектаров было засеяно 5 120 гектаров и получена более высокая урожайность [298, л. 93].

Но главное внимание уделялось «царице полей» – кукурузе. В ноябре 1953 года вышло постановление ЦК КПБ «О мерах по увеличению производства кукурузы в колхозах и совхозах». В нем отмечалось, что опыт научно-исследовательских учреждений свидетельствует о возможности выращивания кукурузы на силос, а в колхозах Полесской, Пинской, Брестской, Гомельской, Барановичской, Бобруйской областей – на зерно. Был доведен план посева: на силос – 50 тысяч гектаров, на семена – 2 тысячи гектаров. Причем посев кукурузы необходимо было проводить квадратно-гнездовым способом ручными сажалками, что было весьма трудоемко [300, л. 8–9].

МТС республики находились в стороне от новых технологий. Ситуация в конце 1953 года выглядела несколько парадоксальной. В сравнении с 1940 годом количество тракторов увеличилось в 2,5 раза, комбайнов – в 5 раз. Однако по-прежнему МТС не выполняли договорных обязательств, неудовлетворительно использовались тракторы и сельскохозяйственные машины. Только в Полоцкой и Молодечненской областях простой составляли 50 % всего рабочего времени, а сменные нормы выработки выполнили лишь 18 % трактористов. Значительную остроту приобрела проблема кадров: в 1952–1953 годах из МТС уволилось 17 тысяч трактористов из-за неудовлетворительных условий труда. К весне 1953 года не хватало трех тысяч трактористов и более одной тысячи бригадиров тракторных бригад. Согласно курсу Сентябрьского (1953 года) пленума ЦК КПСС, выход заключался в переходе к новой системе оплаты труда и выделении для работников МТС приусадебных участков, размер которых составлял 0,25 га [301, л. 7 – 10].

Таким образом, смена аграрной политики являлась насущной потребностью времени, и Сентябрьский (1953 года) Пленум ЦК КПСС начал новый курс, направленный на стимулирование труда колхозного крестьянства, на расширение экономических методов регулирования развития сельского хозяйства. Однако переход к новой модели аграрных отношений происходил чрезвычайно медленно с сохранением методов административно-командного управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческое развитие западнобелорусской деревни проходило в напряженной общественно-политической обстановке, связанной в предвоенные годы с установлением Советской власти, ее классовой политикой, а после Великой Отечественной войны – с обострением национальной и конфессиональной проблем. Отношение крестьянства к вхождению в состав БССР определялось полиэтническим характером региона. Наиболее негативно это событие восприняло польское население. Белорусская часть деревни отреагировала неоднозначно. Среди беднейшего крестьянства преобладало радостное настроение, а вот зажиточные слои отнеслись к нему настороженно. В силу низкого общеобразовательного уровня населения деревня постоянно находилась под влиянием различного рода слухов и домыслов по вопросам государственной политики.

Общественно-политическая жизнь крестьянства в предвоенные годы во многом определялась позицией католической церкви, ведь, согласно переписи населения 1931 года, в Западной Беларуси проживало 1 059 тысяч католиков. Несомненно, что ко времени воссоединения их количество увеличилось как в результате натурального прироста, так и насаждения польских колонистов, чиновников, учителей и др., а также развернувшейся полонизации. Костел стоял в авангарде антисоветского фронта, так как польское национальное движение находилось в данный период на стадии организационного формирования. Белорусское крестьянство не приняло в нем широкого участия.

Оформление советской политической системы, организация сети партийно-комсомольских ячеек в сельской местности осуществлялись на безальтернативной и классовой основе. На руководящие должности назначались, как правило, работники, прибывшие из восточных областей Беларуси. Советская власть ликвидировала все формы национального неравенства. Западнобелорусское крестьянство в своем большинстве впервые получило избирательные права. Наблюдается подъем общественно-политической активности батрацко-бедняцко-средняцких слоев деревни, которые одобрили процесс воссоединения белорусского народа.

В послевоенный период деревня находилась в глубоком страхе перед террором, развязанным польскими и украинскими подпольными антисоветскими формированиями. К тому же недовольство крестьян вызывали товарный голод, принудительные работы по строительству дорог, каналов, лесозаготовки, оргнаборы населения на шахты Донбасса, в Карело-Финскую ССР и т.д. Репрес-

сивное законодательство, действовавшее в 30-е–начале 50-х годов, позволяло командно-административной системе подавлять любое несогласие с курсом партии и правительства.

В основе аграрной политики Советской власти находился принцип социального и имущественного равенства. Поэтому главное внимание уделялось ликвидации земельных латифундий и передаче их беднейшему крестьянству. При этом государство, национализировав землю и запретив ее куплю-продажу, обладало правом землевладения. В предвоенные годы западнобелорусская деревня получила помещичью и осадническую землю, а в послевоенный период – угодья немецких имений и коллаборационистов, сбежавших с оккупантами. При этом значительные земельные площади перешли в государственный фонд с целью передачи их промышленным предприятиям, различным организациям для создания подсобных хозяйств. Результатом подобной политики стало постепенное осереднячивание крестьянства, рост его благосостояния. Однако начинается переход к ограничению землепользования под лозунгом ликвидации кулачества как носителя буржуазных отношений. Этот процесс был начат весной 1941 года, затем прерван войной и возобновлен после оккупационного периода.

От количества земли зависело налогообложение крестьянства. Оно носило дифференцированно-классовый характер, делало совершенно невыгодным занятие сельскохозяйственным трудом. Налоги дополнялись системой обязательных государственных поставок продукции по твердым низким ценам. Крестьяне стремились утаить землю от налогообложения, а представители финансовых органов допускали множество нарушений в порядке предоставления льгот, в составлении норм сдачи сельхозпродукции.

С вхождением в состав БССР в западных областях наблюдается ликвидация хуторских хозяйств, перевозка усадеб в деревни. Тем самым был нанесен удар по единоличному землепользованию. При наделении сельскохозяйственными угодьями колхозы получили лучшую по качеству землю, а единоличники вынуждены были пользоваться низкоурожайными наделами, расположенными на большом расстоянии от населенных пунктов. Таким образом, землепользование основывалось на государственной собственности и социалистической системе хозяйствования. Колхозы и совхозы получили большую часть земли сельскохозяйственного назначения в вечное и бесплатное пользование от государства.

Аграрные отношения в годы немецко-фашистского оккупационного режима имели ряд особенностей. Прежде всего отсутство-

вали широкие эвакуационные мероприятия в июне 1941 года. Это привело к сохранению материальных ценностей в сельском хозяйстве. Захватчики согласились с ликвидацией сельскохозяйственных артелей в западных областях Беларуси, чего не разрешили делать в восточном регионе республики. Воссоздавались помещичьи имения, которые были переданы бывшим владельцам на правах аренды и кураторства, что вызвало сокращение земельных наделов крестьян. Проводилась широкая колонизация региона переселенцами из Германии и Голландии.

Аграрная реформа 1942 года имеет много общего с производственной кооперацией в плане организации производства, взаимоотношений с государством. Обязательные поставки сельскохозяйственной продукции для нужд немецкой армии, высокие налоги на крестьянское хозяйство сочетались с карательными операциями и репрессиями. Это вызвало недовольство политикой фашистских захватчиков. Даже провозглашенный в 1943 году переход к единоличному землевладению не изменил ситуацию в западнобелорусской деревне.

Идея коллективизации сельского хозяйства, то есть производственного кооперирования, была неоднозначно воспринята в крестьянской среде. Сразу ее приняла батрацко-бедняцкая прослойка деревни, да и то зачастую с целью улучшения личного благосостояния. Середняки и кулаки заняли выжидательную позицию, а порой и враждебную. Поэтому в предвоенные годы массовая коллективизация в западнобелорусской деревне не проводилась. Даже ощущая нехватку земли, крестьянство в своем большинстве отрицательно отнеслось к обобществлению хозяйств. Массовой коллективизации помешала Великая Отечественная война. После ее окончания первоочередной задачей стала проблема восстановления сельского хозяйства от последствий оккупационного режима. Вопрос производственного кооперирования отошел на второй план. Лишь с 1949 года идет процесс возвращения к данной политике.

Партийные и советские организации руководили процессом коллективизации в деревне. Негласно они форсировали ее темпы, так как верили в правильность осуществляемой политики.

Отсутствие диалога между государством и крестьянством, формирование тоталитарного политического режима обостряли взаимоотношения деревни и города. В этих условиях партийно-советский аппарат получил возможность использовать насильственные методы в колхозном строительстве. Государство применяло самые различные средства, чтобы заставить крестьян вступать в колхозы. Главными из них были экономическое давление с по-

мощью прогрессивного налога, перераспределение земли, ограничение услуг потребительской кооперации, угроза быть отнесенными в разряд кулачества и стать раскулаченными. Отметим, что процесс раскулачивания в западных областях Беларуси проводился на этапе массовой коллективизации в конце 40-х–начале 50-х годов. Он сопровождался депортацией репрессированных в отдаленные районы Советского Союза. Очень часто применялось прямое насилие над крестьянством в форме принудительного обобществления скота, инвентаря, семян. Когда проявилась неэффективность вышеназванных методов, то в сельской местности были организованы политические отделы при машинно-тракторных станциях. Особая роль в деле колхозного строительства принадлежала агитации и пропаганде. Беседы, лекции, экскурсии в передовые сельхозартели получили достаточно широкое распространение. Однако объективная реальность (экономическое состояние коллективных хозяйств) убеждала крестьян в обратном.

Деревня сопротивлялась проводимым аграрным преобразованиям, в основном, пассивными средствами: убой скота, создание ложных колхозов, невыход на работы, невыполнение нормы трудодней и др. Активные формы борьбы, в частности, поджоги, убийства, угрозы, во многих случаях носили как антиколхозный, так и антисоветский характер.

Обобщественный сектор сельского хозяйства носил низкорентабельный и неэффективный характер. Лишенные кооперативного и хозрасчетного начала, колхозы являлись государственными предприятиями, прибыль которых изымалась в госбюджет. Низкая техническая оснащенность, отсутствие квалифицированных кадров, слабая дисциплина, неэффективная организация труда дискредитировали идею коллективизации. Причем главной проблемой оставалось отсутствие материальной заинтересованности крестьян в результатах «общественного труда».

К тому же в организационные основы колхозов были заложены антагонистические противоречия. В рамках общего хозяйства создавались два вида производства, основанные на различных формах собственности и хозяйствования: коллективное и личное подсобное. Крестьянин был обязан работать в общественном хозяйстве на государство, а в личном – на себя. Нигде в мире не было такого опыта раздвоения трудовой деятельности крестьянина.

Машинно-тракторные станции, сосредоточившие большую часть сельскохозяйственной техники, являлись средством дополнительного поступления в закрома государства продовольствен-

ной продукции. Высокие ставки натуроплаты не привлекали большинство жителей-единоличников деревни. Слабая материально-техническая база машинно-тракторных станций не позволяла им обрабатывать значительную часть посевных площадей, поэтому интенсификации аграрного производства не наблюдалось. Однако появление в деревне машинной техники знаменовало собой переход к качественно новому уровню развития сельского хозяйства. Рушилась старая крестьянская психология, основанная на ручном производстве с примитивными орудиями труда.

Партийные и советские органы постоянно держали на контроле состоянии сельского хозяйства западных областей Беларуси. На заседаниях бюро ЦК КП(б)Б, пленумах ЦК, обкомов, райкомов партии рассматривались вопросы повышения эффективности коллективного сектора деревни. Однако меры, принимаемые для решения данной проблемы, касались лишь изменения организационной структуры сельхозартелей, ужесточения трудового законодательства, но не затрагивали ее основу.

Развитие социально-культурной сферы в западнобелорусской деревне осуществлялось крайне медленно. Сельский и городской уклады жизни резко дисгармонировали как в предвоенные годы, так и после Великой Отечественной войны. Тем не менее создание сети образовательных учебных заведений, медицинских учреждений, культурных организаций, хотя и тормозилось ограниченностью финансовых средств у государства, но изменило в лучшую сторону жизнь крестьянства. Советская власть оказывала поддержку сельским жителям в восстановлении и создании нового жилищного фонда, в предоставлении семенной ссуды и денежных кредитов. С начала 50-х годов постепенно разворачивается электрификация и радиофикация деревни.

Таким образом, в 1939–1952 годах в западных областях Беларуси сложилась определенная модель аграрных отношений. Она опиралась на крупномасштабные хозяйства и тотальный контроль со стороны государства. В колхозах полностью исчезла вертикальная кооперация крестьян, а вместе с ней и сельская демократия. Эта модель являлась средством выкачивания ресурсов из села для нужд индустриального развития.

Ошибки и деформации в развитии аграрного производства, наблюдаемые в изучаемый период, будут постепенно преодолеваться после смерти И.В.Сталина. Широкие бюджетные капиталовложения, внедрение научных достижений в сельское хозяйство, обращение к социальным потребностям жителей села позволит затем создать в республике мощный колхозно-совхозный сектор, в частности, в западных областях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Біч М.В. і інш. Гісторыя Беларусі: XX ст.: Вучэб. дапам. для 10-11кл. сярэдн. шк. / М.В.Біч, У.Н.Сідарцоў, В.М.Фамін. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 349 с.

2. Киселев Н. Под знаменем Советов // Большевик Белоруссии. – 1940. – № 9. – С. 9 – 10; Пономаренко П. Год новой жизни освобожденного народа // Там же. – С. 21-22; Эйдинов Г. Год партийной работы в западных областях Белоруссии // Там же. – № 10. – С. 12 – 14.

3. Бородач Г.А. Коммунисты Белоруссии в борьбе за социалистическое переустройство западных областей БССР (1939 – 1940 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – М., 1953; Трацевская Т.П. Социалистическое строительство в западных областях Белорусской ССР накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941): Дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1953; Доморад К.И. Борьба Коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства западных областей Белоруссии накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1955; Ивашенко Н.М. Борьба за завершение коллективизации и организационно-хозяйственное укрепление колхозов западных областей Белорусской ССР (1950 – 1953 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1955; Пышкин П.С. Коммунистическая партия Белоруссии в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства западных областей БССР (1944 – 1950 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1956. – 20 с.

4. Барадач Г.А., Дамарад К.І. Калектывізацыя сельскай гаспадаркі ў заходніх абласцях Беларускай ССР. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1959. – 166 с.

5. Михнюк В.Н. Крестьянство Белоруссии на пути к социализму: Историографический очерк. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 184 с.

6. Михнюк В.Н. Социалистические преобразования в западных областях БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Историографический очерк. – Минск: Наука и техника, 1979. – 64 с.

7. Социалистическое народное хозяйство БССР. – Минск: Изд-во Акад. наук БелССР, 1948. – 430 с.

8. Экономика Советской Белоруссии. 1917 – 1967 гг. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1967. – 528 с.

9. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии: В 2 ч. / Под ред. С.А.Пилоговича, Т.С.Горбунова, И.М.Игнатенко и др. – Минск: Беларусь, 1961 – 1967. – Ч. 2: 1921 – 1966. – 1967. – 586 с.

10. Социально-экономические преобразования Белорусской ССР за годы Советской власти / Под ред. Ф.С.Мартинкевича. – Минск: Наука и техника, 1970. – 528 с.
11. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – Т. 4. – 640 с.
12. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – Т.5. – 776 с.
13. Развитие экономики Белоруссии в 1928 – 1941 гг. / Под ред. В.И.Дрица. – Минск: Наука и техника, 1975. – 320 с.
14. Архипов В.И. Комсомол – помощник Коммунистической партии в социалистическом строительстве в западных областях Белоруссии накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1975.
15. Василючек М.В. Деятельность КП(б)Б по упрочению союза рабочего класса и крестьянства в западных областях Белоруссии в период социалистических преобразований (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1969.
16. Чесновский М.Э. Общественно-политическая активность трудящихся западных областей БССР в годы социалистических преобразований (1944 – 1950): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1983. – 18 с.
17. Березкин Ю.И. Деятельность Советов Белоруссии по развитию сельского хозяйства (1951 – 1955 гг.). – Минск: Наука и техника, 1981. – 95 с.
18. Генералов В.Я. Участие комсомольцев Белоруссии в восстановлении и развитии сельского хозяйства в годы 4-ой пятилетки (1946 – 1950). – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 152 с.
19. Росман И.С. Компартия Белоруссии в борьбе за упрочение социалистического общества в предвоенные годы (1938 – июнь 1941 г.). – Минск: Беларусь, 1975. – 166 с.
20. Царюк И. В семье единой. – Минск: Беларусь, 1969. – 112 с.
21. Клишин Ф.И. Роль политотделов МТС в колхозном строительстве западных областей Белорусской ССР (1950 – 1953 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Минск, 1962. – 18 с.
22. Беязо А.П. Беларуска вёска ў пасляваенныя гады (1945 – 1950). – Мінск: Выд-ва БДУ, 1974. – 176 с.
23. Беязо Е.П. Крестьянство Белоруссии на пути к развитому социализму (1951 – 1960 гг.). – Минск: Наука и техника, 1982. – 206 с.
24. Купреева А.П. Возрождение народного хозяйства Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1976. – 224 с.

25. Купреева А.П. Крестьяне Белоруссии – фронту // Сельское хозяйство Белоруссии. – 1984. – № 11. – С. 20–21.

26. Данилов В.П. Коллективизация: как это было... // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / Под общ. ред. А.Т.Кинкулькина. – М.: Политиздат, 1989. – С. 228 – 253.

27. Ивницкий Н.А. Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства СССР // Преподавание истории в школе. – 1988. – № 5. – С. 22 – 30.

28. Лацис О. Перелом // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 67 – 174.

29. Бурганов А. «История – мамаша суровая...» // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 29 – 54.

30. Разумов В.А. «Раскрестьянивание» – термин и содержание, временные рамки // Вопросы истории КПСС. – № 10. – С. 69 – 72.

31. Смиловицкий Л. Второе крепостное право (большевиков) // Родник. – 1991. – № 9. – С. 15.

32. Сарокін А. Эксперымент: чалавек і зямля // Маладосць. – 1991. – № 7. – С. 134 – 138; Он же. Хамелеонство в последней инстанции // Бел. думка. – 1993. – № 8. – С. 55 – 59.

33. Костюк М.П. Коллективизация: как это было // Политический собеседник. – 1989. – № 4. – С. 40 – 42.

34. Алексеев А.И. Многоликая деревня: (население и территория). – М., 1990; Симуш П.И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. – М., 1991; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х – начало 50-х годов. – М., 1992.

35. Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения / В.И.Дриц, З.И.Гиоргидзе, Т.Н.Крутилина и др. – Минск: Наука и техника, 1988. – 238 с.

36. Алексейчик Я.Я., Камейша Б.И., Самович В.П. Очерки истории Брестской областной парторганизации / Под ред. В.А.Бобкова. – Минск: Беларусь, 1989. – 448 с.

37. Очерки истории Гродненской областной партийной организации / М.В.Жарский, И.П.Крень, Л.Г.Клецков и др. – Минск: Беларусь, 1990. – 462 с.

38. Касцюк М.П. Калектывізацыя // ЭГБ. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 21.

39. Петрыкаў П.Ц. Калектывізацыя // Беларуская Энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1998. – Т. 7. – С. 459–460.

40. Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – 256 с.

41. Белозорович В.А. Аграрные преобразования в западных областях Беларуси в 1939 – 1952 годах: Дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1999. – 119 с.

42. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1989–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – Т. 7: 1938 – 1945. – 574 с.

43. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1989–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – Т. 8: 1946 – 1955. – 542 с.

44. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Минск: Беларусь, 1986. – Т. 3: 1933 – 1945. – 551 с.

45. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Минск: Беларусь, 1986. – Т. 4: 1945 – 1955. – 616 с.

46. Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии: В 3 ч. / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск: Беларусь, 1980. – Ч. 3 / Г.Г.Белькевич, В.И.Белявцев, А.Н.Гесь и др. – 472 с.

47. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927 – 1932 гг. / Под ред. В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.

48. Адамушка У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20 – 50-х гадоў на Беларусі. – Мінск: Беларусь, 1994. – 158 с.

49. Адамушко В.И., Иванова Н.В. «Помилуйте...» Документы по репрессиям 1939 – 1941 гг. в Вилейской области. – Минск, 1992. – 98 с.

50. Герасімовіч Р., Іванова Н. «Злітуйцеся...» // Спадчына. – 1990. – № 4. – С. 34 – 37.

51. Аграрные преобразования в Вилейской области: 1939–1941 гг. Документы и материалы / Сост.: И.Н.Курков и др. – Минск: НАРБ, 2001. – 174 с.

52. Олехнович Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – Минск: Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.

53. Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1979. – 152 с.

54. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941 – 1944) / Под ред. А.Юденкова. – М.: Воениздат, 1974. – 387 с.

55. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.

56. Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / Под ред. С.М.Симонова. – Минск: Наука и техника, 1995. – 176 с.

57. Рассвет над Неманом: Воспоминания активных участников колхозного строительства в Гродненской области / Сост. В.П.Верхось, К.И.Сосина. – Минск: Беларусь, 1982. – 222 с.

58. Ладысеў У. Падзеі верасня-кастрычніка 1939 года ў лёсе беларускага народа // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 84 – 98.

59. Смалянчук А.Ф. Верасень 1939 г. у савецкай і беларускай гістарыяграфіі // Гістарычны альманах. – 2000. – № 1. – С. 77 – 89.

60. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). – 3-е изд. – М.: Экономика, 1980. – 376 с.

61. Государственный архив общественных объединений Гродненской области в гор. Гродно, ф. 6195, оп. 1, д. 231 (далее – ГАООГО).

62. Калеснік У. 1939 – 1989. Праз 50 гадоў: успаміны, думкі, сённяшні погляд // Маладосць. – 1989. – № 9. – С. 140.

63. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 12.

64. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 314.

65. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 230.

66. Государственный архив Брестской области в гор. Бресте, ф. 7580, оп. 1, д. 32 (далее – ГАБО).

67. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 6.

68. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 351.

69. Национальный архив Республики Беларусь в гор. Минске, ф. 4, оп. 3, д. 895 (далее – НАРБ).

70. Василючек М.В. КП(б)Б – организатор социалистических преобразований в западных областях Белоруссии накануне Великой Отечественной войны // В единой семье советских народов: Материалы респуб. межвуз. конф. – Минск: Вышэйшая школа, 1970. – С. 215.

71. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 917.

72. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. / Акад. навук Рэсп. Беларусь. Ін-т гіст. /М.П.Касцюк, І.М.Ігнаценка, У.І.Вышыньскі і інш. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.

73. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 866.

74. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1058.

75. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1771.

76. Макаль П. 1939 – 1989. Праз 50 гадоў: успаміны, думкі, сённяшні погляд // Маладосць. – 1989. – № 9. – С. 146.

77. Вялікі А. Кадровая палітыка КП(б)Б у Заходняй Беларусі ў 1939 – 1941 гг. // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 102 – 107.

78. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1044.

79. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1092.

80. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1940.

81. ГАООГО, ф. 14, оп. 57, д. 71.

82. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1941.

83. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1942.

84. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774.

85. Государственный архив Гродненской области в городе Гродно, ф. 18, оп. 48, д. 9 (далее – ГАГО).

86. ГАООГО, ф. 6, оп. 45, д. 1.

87. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 2066.

88. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 2085.

89. Кухарев Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919 – 1939 гг.). – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.

90. Хацкевіч А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939 – 1941 гг.) // Бел. гіст. часопіс. – 1994. – № 2. – С. 70 – 76.

91. Эканамічная гісторыя Беларусі: Курс лекцый / В.І.Галубовіч, Р.І.Ермашкевіч, Г.Ф.Шапавал і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 1993. – 288 с.

92. Сорокин А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920 – 1939 гг.). – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.

93. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. Т. II (1929 – 1939 гг.). – Минск: Беларусь, 1972. – 560 с.

94. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1775.

95. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 94.

96. ГАООГО, ф. 6, оп. 56, д. 1.

97. ГАООГО, ф. 2192, оп. 48, д. 11.

98. ГАООГО, ф. 9, оп. 33, д. 23.

99. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 268.

100. ГАООГО, ф. 8, оп. 22, д. 10.

101. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 2067.

102. Сідарцоў У.Н., Таляронак С.В. Заходняя Беларусь і Польшча ў кантэксце савецка-германскіх перагавораў 1939 г. Да пытання аб перасяленні беларусаў // Тэзісы 4-й навуковай канферэнцыі беларускіх і польскіх гісторыкаў «Армія Краёва на тэрыто-

рыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.)»; 6 – 7 кастр. 1994 г. – Гродна, 1994. – С. 9–10.

103. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 7.

104. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 13.

105. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 8.

106. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 99.

107. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 366.

108. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 90.

109. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 95.

110. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 110.

111. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1145.

112. НАРБ, ф. 4, оп. 28, д. 527.

113. Силова С.В. Православная церковь в Западной Беларуси в годы второй мировой войны // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Мат-лы рэсп. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / Мін-ва адукац. Рэсп. Беларусь. Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я.Купалы. – Гродна: ГрДУ, 1998. – С. 370–371.

114. Шаўцоў Ю. Баптысты – трэцяя канфесія на Беларусі // Звязда. – 1993. – 21 кастр.

115. Верашчагіна А.В. Аўторакі // ЭГБ. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 232–233.

116. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1036.

117. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1188.

118. Палуян У. Сацыяльна-эканамічныя і культурныя пераўтварэнні (1939 – 1941 гг.) // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 109 – 115.

119. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1776.

120. ГАООГО, ф. 6196, оп. 1, д. 5.

121. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 234.

122. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 350.

123. ГАООГО, ф. 6196, оп. 1, д. 7.

124. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 431.

125. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 433.

126. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 453.

127. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 454.

128. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 252.

129. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 457.

130. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 460.

131. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 436.

132. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 215.

133. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 157.

134. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 191.

135. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 282.

136. ГАООГО, ф. 6195, оп. 1, д. 88.

137. Каваленя А. Моладзь Заходняй Беларусі ў першы перыяд другой сусветнай вайны. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. (дэмаграфічны і ваенна-палітычны аспекты) // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., 17–18 верас. 1999 г., Мінск. – Мінск: БДУ, 2000. – С. 155–162.

138. Хаўратовіч І. Заходняя Беларусь // ЭГБ. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 423.

139. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 42.

140. Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: Вучэб. дапам. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

141. Броўкін Я.А. Эканоміка Польшчы ў 1921–1929 гг. // Бел. гіст. часопіс. – 1997. – № 3. – С. 26.

142. Бейлькін Х.Ю., Палуян У.А., Развецкі В.С. Аграрнае пытанне // ЭГБ. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 39.

143. Зялінскі П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., 17–18 верас. 1999 г., Мінск. – Мінск: БДУ, 2000. – С. 24–30.

144. Нечухрын А.М., Васюк Г.У., Ганчароў М.М., Караў Д.У., Коўкель І.І., Кручкоўскі Т.Т., Фёдараў І.А. Этнасацыяльныя і палітычныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі ў 1921–1939 г. // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Мат-лы рэсп. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / Мін-ва адук. Рэсп. Беларусь. Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я.Купалы. – Гродна: ГрДУ, 1998. – 442 с.

145. НАРБ, ф. 4, оп. 28, д. 530.

146. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 2383.

147. ГАООГО, ф. 4, оп. 44, д. 28.

148. ГАГО, ф. 132, оп. 1, д. 3.

149. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1136.

150. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 970.

151. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1030.

152. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1943.

153. ГАБО, ф. 1 п, оп. 1 б, д. 19.

154. ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 8.

155. ГАООГО, ф. 4, оп. 44, д. 27.
156. ГАООГО, ф. 14, оп. 46, д. 2.
157. Сельскагаспадарчай школе – бальшавіцкую ўвагу // Зара. – 1940. – 6 чэрв.
158. Улейчык Н. Фарміраванне кадраў інтэлігенцыі (1939 – 1950 гг.) // Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 147 – 150.
159. НАРБ, ф. 4, оп. 28, д. 532.
160. НАРБ, ф. 4, оп. 28, д. 536.
161. ГАООГО, ф. 14, оп. 57, д. 1.
162. Раманоўскі В.П., Хаўратовіч І.П. Акупацыйны рэжым // ЭГБ. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 88 – 91.
163. В приеманских лесах. Воспоминания партизан и подпольщиков. – Минск: Беларусь, 1975. – 320 с.
164. Жук Н.П. Крытыка фальсіфікацыі заходнегерманскай рэакцыйнай гістарыяграфіяй партызанскага руху ў пачатку вайны // Весті Акад. навук БССР. – 1985. – № 2. – С. 21.
165. Ленхард Х. «Жизненное пространство на Востоке». Немцы в Белоруссии в 1941 – 1944 // Неман. – 1993. – № 5. – С. 119 – 160.
166. Каваленя А., Калеснікава А. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі (1939 – 1941 г.) // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Мат-лы рэсп. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. – Гродна: ГрДУ, 1998. – С. 271.
167. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 33.
168. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / Под ред. П.А.Жилина. – М.: Воениздат, 1987. – 302 с.
169. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. – М., 1958. – Т. 2. – С. 574.
170. Туронак Ю. Беларускае пытанне ў палітыцы Лонданскага лагера (1941 – 1944) // Спадчына. – 1997. – № 3. – С. 104 – 133.
171. Прытыцкі С.О. Партызанскі рух на Гродзеншчыне // Партызанская барацьба беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1959. – С. 293 – 307.
172. Савицкая Л. Не получилось // Сельская навіна. – 1997. – 30 жн.
173. Носкова А.Ф. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией (1939 – 1944). – М.: Наука, 1971. – 256 с.
174. ГАБО, ф. 1 п, оп. 3, д. 111.

175. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941 – 1944. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 1965. – 464 с.
176. ГАБО, ф. 685, оп. 1, д. 18.
177. Новый порядок землепользования // Сельскохозяйственный листок. – 1942. – 5 апреля.
178. ГАБО, ф. 736, оп. 1, д. 33.
179. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944 гг.) / Под ред. Е.А.Болтина, Г.А.Белова. – М.: Госполитиздат, 1963. – 324 с.
180. Вильгельм Кубе и нацистская оккупационная политика в Белоруссии. 1941 – 1943 г. // Веснік БДУ. – Серыя 3. – 1994. – № 1. – С. 72.
181. Пасэ У.С. Вялікая Айчынная вайна 1941 – 1945 // ЭГБ. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 423 – 435.
182. Беларуская Савецкая энцыклапедыя. – Мінск: БелСЭ, 1975. – Т. 12. – С. 315.
183. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 33.
184. ГАГО, ф. 12, оп. 1, д. 5 (18).
185. ГАГО, ф. 1 с, оп. 1, д. 276 (19).
186. Навіцкі У.І. Пасляваенная калектывізацыя заходнебеларускай вёскі // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., 17–18 верас. 1999 г., Мінск. – Мінск: БДУ, 2000. – С. 267 – 275.
187. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 58.
188. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 161.
189. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 28.
190. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 447.
191. ГАООГО, ф. 14, оп. 1, д. 12.
192. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 371.
193. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 582.
194. ГАБО, ф. 1 п, оп. 4, д. 91.
195. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 810.
196. ГАГО, ф. 1171, оп. 1 а, д. 46.
197. ГАГО, ф. 1150, оп. 1 а, д. 5.
198. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 42.
199. ГАГО, ф. 1150, оп. 1, д. 20.
200. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 90.
201. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 107.
202. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 61.

203. Семененко В.І., Родченко Л.О. Історія України з прадавніх часів до сьогодення. – Харків: Торсінг, 2000. – 496 с.
204. Гуленка У.І. Арганізація українських націаналістаў // ЭГБ. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 149–150.
205. ГАБО, ф. 1 п, оп.3, д. 96.
206. ГАБО, ф. 1 п, оп. 6, д. 103.
207. ГАБО, ф. 1 п, оп. 4, д. 97.
208. ГАБО, ф. 1 п, оп. 2, д. 35.
209. ГАБО, ф. 1 п, оп. 7, д. 109.
210. ГАБО, ф. 1 п, оп. 8, д. 117.
211. Ерш С. Провал «красного призыва» // Свободные новости плюс. – 1994. – № 17. – С. 6.
212. ГАООГО, ф. 14, оп. 1, д. 35.
213. ГАБО, ф. 1 п, оп. 7, д. 118.
214. ГАГО, ф. 1171, оп. 1 а, д. 23.
215. ГАГО, ф. 1171, оп. 1 а, д. 38.
216. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 48.
217. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 237.
218. Кнатько Г.Д. К вопросу об обмене населением между Беларусью и Польшей в 1944 – 1946 годах // Тэзісы 4-й навуковай канферэнцыі беларускіх і польскіх гісторыкаў «Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.)», 6–7 кастр. 1994 г. – Гродна, 1994. – С. 103 – 108.
219. Ракашевич В.К. Послевоенная демаркация советско-польской границы и «великое» переселение белорусского и польского населения // Тэзісы 4-й навуковай канферэнцыі беларускіх і польскіх гісторыкаў «Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.)». 6–7 кастр. 1994 г. – Гродна, 1994. – С. 109 – 117.
220. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 73.
221. ГАГО, ф. 1214, оп. 1, д. 2.
222. ГАГО, ф. 1171, оп. 1 а, д. 39.
223. ГАГО, ф. 1171, оп. 1, д. 141.
224. ГАГО, ф. 1214, оп. 1, д. 4.
225. ГАБО, ф. 1 п, оп. 1, д. 105.
226. Гродненская правда. – 1945. – 26 января.
227. Гродненская правда. – 1945. – 25 марта.
228. Гродненская правда. – 1945. – 26 сентября.
229. ГАБО, ф. 1 п, оп. 3, д. 111.
230. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 3.
231. ГАБО, ф. 1 п, оп. 2, д. 56.
232. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 1.

233. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 12.
234. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 3.
235. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 23.
236. ГАБО, ф. 1 п, оп. 2, д. 36.
237. ГАБО, ф. 1 п, оп. 5, д. 294.
238. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 441.
239. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 465.
240. ГАБО, ф. 1 п, оп. 5, д. 295.
241. Гіяргідзе З.І., Герашчанка Л.Ф., Круціліна Т.Н., Іваноў А.А. Адраджэнне народнай гаспадаркі Беларусі (1944 – 1950 гг.) // Весці Акад. навук БССР. – 1985. – № 2. – С. 15.
242. ГАБО, ф. 1 п, оп. 5, д. 84.
243. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. – 574 с.
244. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 47.
245. НАРБ, ф. 4 п, оп. 46, д. 629.
246. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 14.
247. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 20.
248. ГАБО, ф. 1 п, оп. 3, д. 103.
249. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 162.
250. ГАБО, ф. 1 п, оп. 3, д. 93.
251. ГАООГО, ф. 14, оп. 1, д. 22.
252. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 120.
253. ГАГО, ф. 1106, оп. 1, д. 1 – 21.
254. ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 52.
255. Гродненская правда. – 1947. – 6 июня.
256. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 10.
257. ГАГО, ф. 518, оп. 1, д. 7.
258. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 154.
259. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 166.
260. ГАБО, ф. 1693, оп. 1, д. 181.
261. ГАООГО, ф. 14, оп. 4, д. 8.
262. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 320.
263. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 318.
264. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 280.
265. ГАООГО, ф. 1, оп. 19, д. 18.
266. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 364.
267. НАРБ, ф. 4, оп. 81, д. 352.
268. ГАООГО, ф. 14, оп. 3, д. 3.
269. ГАГО, ф. 732, оп. 1, д. 227.

270. Кравченко И.С. Социалистическое строительство в западных областях БССР: Мат-лы объединенной научной сессии по истории народов Прибалтики послеоктябрьского периода. – Таллин, 1954. – 16 с.

271. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М.: Агропромиздат, 1990. – 296 с.

272. ГАБО, ф. 1 п, оп. 7, д. 105.

273. ГАБО, ф. 1 п, оп. 7, д. 214.

274. ГАООГО, ф. 1, оп. 23, д. 44.

275. ГАООГО, ф. 1, оп. 23, д. 23.

276. ГАБО, ф. 1 п, оп. 9, д. 125.

277. ГАООГО, ф. 14, оп. 8, д. 20.

278. Пономаренко П.К. События моей жизни // Неман. – 1992. – № 4. – С. 138 –140.

279. ГАООГО, ф. 1, оп. 29, д. 15.

280. Лебедев П.Л. Возвращение // Неман. – 1986. – № 10. – С. 141.

281. ГАООГО, ф. 1, оп. 19, д. 32.

282. Гродненская правда. – 1948. – 23 марта.

283. ГАБО, ф. 1 п, оп. 6, д. 229.

284. Гродненская правда. – 1950. – 6 января, 3 февраля.

285. ГАБО, ф. 1 п, оп. 7, д. 104.

286. ГАООГО, ф. 14, оп. 1, д. 47.

287. ГАООГО, ф. 1, оп. 18, д. 20.

288. ГАГО, ф. 1106, оп. 3, д. 347.

289. ГАООГО, ф. 1, оп. 19, д. 207.

290. ГАГО, ф. 518, оп. 2, д. 8.

291. ГАБО, ф. 1 п, оп. 6, д. 228.

292. ГАООГО, ф. 1, оп. 24, д. 19.

293. НАРБ, ф. 4 п, оп. 46, д. 612.

294. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т.Шанин. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.

295. НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 792.

296. НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 772.

297. НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 800.

298. НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 642.

299. Игнатенко А.П., Нестерович Я.Ю. Социально-экономическое развитие БССР (1944 – 1960 гг.): Учеб. пособие. – Минск: БГУ, 1990. – 83 с.

300. НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 788.

301. НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 794.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Западнобелорусская деревня в сентябре 1939 – июне 1941 годов.....	15
1.1. Общественно-политические процессы в западнобелорусской деревне (осень 1939 – июнь 1941 годов).....	15
1.2. Аграрные преобразования в западнобелорусской деревне в сентябре 1939 – июне 1941 годов.....	45
Глава 2. Аграрная политика немецко-фашистских оккупантов в западнобелорусской деревне в июне 1941 – июле 1944 годов.....	65
Глава 3. Западнобелорусская деревня в июле 1944 – 1953 годах.....	77
3.1. Политическая обстановка в западнобелорусской деревне в июле 1944 – 1948 годах.....	77
3.2. Социально-экономическое развитие западно- белорусской деревни в июле 1944–1948 годах.....	91
3.3. Массовая коллективизация сельского хозяйства в западнобелорусской деревне.....	109
3.4. Поворот в аграрной политике в сентябре 1953 года.....	126
Заключение.....	130
Список использованных источников.....	135

Научное издание

Белозорович Виктор Александрович

**ЗАПАДНОБЕЛОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ
В 1939 – 1953 ГОДАХ**

М о н о г р а ф и я

Редактор Н.П. Дудко

Компьютерная вёрстка: М.И. Верстак

Сдано в набор 06.07.2004. Подписано в печать 01.11.2004.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Печать RISO. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 8,81. Уч.-изд.л. 9,05. Тираж экз. Заказ .

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛИ № 02330/0133257 от 30.04.2004. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского центра

Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛП № 02330/0056882 от 30.04.2004. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.